Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в ноябре 1946 г.

Lomonosov Journalism Journal

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**
Издательство Московского университета

№ 4 (49) • 2024 • ИЮЛЬ—АВГУСТ
Выходит один раз в два месяца

Содержание

Теория журналистики и СМИ

Анисимов И. В., Макеенко М. И., Трищенко Н. Д. Подходы российских исследователей медиа к цитированию в контексте повышения международной видимости отечественных научных публикаций ... 3

Социология журналистики

Поклонская А. В. Роль автора-эксперта в освещении искусства в СМИ.... 24

Право СМИ

Вихрова О. Ю., Горлова Я. С. Особенности законодательного регулирования онлайн-медиа в странах Евразийского экономического союза 49

История журналистики

Курдин Ю. А., Панов А. Р., Ширинянц А. А. Вопрос о присоединении Ташкента к России на страницах газеты «Голос» (1865–1866 гг.)..... 71

Эссе

Лазутина Г. В. Медиаведение как сфера науки: к определению границ предмета исследований..... 92

Критика и библиография

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Блеск и нищета теории коммуникации в эпоху искусственной социальности (размышляя о книге Елены Эспозито *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*).....107

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

Theory of Journalism and Media

Igor V. Anisimov, Mikhail I. Makeenko, Nataliia D. Trishchenko. Citation Approaches of Russian Media Researchers in the Context of Internationalisation of Russian Science 3

Sociology of Journalism

Alisa V. Poklonskaya. The Role of the Expert Author in Media Coverage of Art..... 24

Media Law

Olga Yu. Vikhrova, Yaroslava S. Gorlova. New Media Laws and Regulation in the Eurasian Economic Union Member States 49

History of Journalism

Yuriy A. Kurdin, Aleksandr R. Panov, Aleksandr A. Shirinyants. The Problem of Tashkent's Incorporation into Russia in the Newspaper "Golos" (1865–1866)..... 71

Essay

Galina V. Lazutina. Media Research as a Field of Science: Define the Boundaries of the Subject of Research 92

Criticism and Bibliography

Andrey V. Rezaev, Natalia D. Tregubova. Glory and Misery of Communication Theory at the Age of Artificial Sociality (Reflecting on Elena Esposito's Book "Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence")..... 107

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2024

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ

Анисимов Игорь Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры фотожурналистики и технологий СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: igor.anisimov@gmail.com, ORCID 0000-0002-9199-8069

Макеенко Михаил Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: makeenko.mikhail@smi.msu.ru, ORCID 0009-0002-6457-7063

Трищенко Наталия Дмитриевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры новых медиа и теории коммуникации, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: natahatri@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6834-6206

ПОДХОДЫ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ МЕДИА К ЦИТИРОВАНИЮ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВИДИМОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

В статье приведены результаты анализа метаданных 2 011 научных публикаций по медиа и коммуникации, которые были опубликованы исследователями с российской аффилиацией в изданиях, индексируемых в международной базе Web of Science, в 2017–2021 гг. Анализ списков литературы позволил выявить различия в подходах к отбору источников в случае всех статей и тех, которые были опубликованы в зарубежных журналах 1–4 квартилей WoS (221 публикация). В последних значительно чаще цитируются зарубежные источники, в то время как в целом иностранная литература по-прежнему довольно редко и ограниченно привлекается отечественными исследователями. Среди российских источников цитируются в основном современные публикации, что может быть обусловлено тесными связями внутри небольшого сообщества авторов, а также недавним оформлением отечественных исследований в области медиа и коммуникаций в самостоятельную дисциплину.

***Ключевые слова**: медиаисследования, Россия, международная интеграция, научная коммуникация, теории медиа.*

Как цитировать: *Анисимов И. В., Макеенко М. И., Трищенко Н. Д.* Подходы российских исследователей медиа к цитированию в контексте повышения международной видимости отечественных научных публикаций // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 3–23. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.323

Igor V. Anisimov, PhD in Philology, Lecturer at the Chair of Photojournalism and Media Technologies, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: igor.anisimov@gmail.com, ORCID 0000-0002-9199-8069

Mikhail I. Makeenko, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: makeenko.mikhail@smi.msu.ru, ORCID 0009-0002-6457-7063

Nataliia D. Trishchenko, PhD in Philology, Senior Researcher at the Chair of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: trishchenko.nataliia@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6834-6206

CITATION APPROACHES OF RUSSIAN MEDIA RESEARCHERS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONALISATION OF RUSSIAN SCIENCE

The article contains the results of the metadata analysis of 2011 scientific articles on media and communication published by researchers with Russian affiliation in journals indexed in the international database Web of Science (WoS) in 2017–2021. The analysis of references revealed differences in approaches to source selection in the case of all articles and those published in foreign journals in WoS, excluding ESCI (221 publications). In the latter, foreign sources are cited significantly more often, while in general foreign literature is still quite rare and used only to a limited extent by domestic researchers. Among Russian sources most recent articles are usually cited, which may be due to close ties within a small community of authors, as well as the recent formalisation of domestic media and communication research as a separate discipline. There is a clear tendency to cite domestic colleagues, in case of Russia this phenomenon is closely related to some isolation of scientific journals in Russian, the language barrier and not particularly developed personal ties with foreign researchers.

***Key words**: media studies, Russia, international integration, science communication, media theories.*

To cite this article: Anisimov I. V., Makeenko M. I., Trishchenko N. D. (2024) Podkhody rossiyskikh issledovateley media k tsitirovaniyu v kontekste povysheniya mezhdunarodnoy vidimosti otechestvennykh nauchnykh publikatsiy [Citation approaches of Russian media researchers in the context of internationalisation of Russian science]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 4*: 3–23. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.323

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.323

Введение

Начиная с 2010-х гг. российские научные организации и университеты ведут активную работу по повышению видимости результатов своей работы в международном научном пространстве. Эта деятельность принесла свои плоды: по данным базы *Web of Science* за 2013–2022 гг., российскими учеными было опубликовано более 404 тыс. научных статей, что соответствует 13 месту среди стран *G*20. На первом месте находятся США (почти 4,5 млн статей), на втором – Китай (чуть более 4,3 млн), затем Великобритания (почти 1,4 млн). В то же время сухая статистика мало что нам говорит – как о том, насколько статьи российских исследователей действительно стали заметными для зарубежных коллег, так и том, можем ли мы говорить о процессе интеграции отечественных исследователей в международное научное сообщество.

Количество публикаций и даже цитирований характеризует ситуацию довольно поверхностно. Более значимым маркером, отражающим то, насколько стремятся к сближению с международным научным сообществом российские исследователи, является, на наш взгляд, обращение к общей теоретической базе. Таким образом от попытки просто представить себя зарубежным коллегам мы переходим к реальному научному обмену и коммуникации, которая учитывает весь накопленный массив знаний, позволяющий говорить на одном «научном языке».

Именно поэтому представляется актуальной и своевременной задача анализа того, насколько активно российские медиаисследователи обращаются к зарубежным авторам и, соответственно, концепциям, теориям и актуальным научным результатам. Мы попытались ответить на этот вопрос на основе данных, полученных с помощью анализа списков используемой в процессе исследований литературы, что наложило на результаты определенные ограничения[1]. Тем не менее собранные нами данные позволяют получить представление о ситуации в целом и обозначить дальнейшие направления исследований.

Обзор литературы

Сложности в проведении исследований, построенных на данных о цитировании, связаны с тем, что ссылки могут играть очень разную роль в научных текстах, более того авторы нередко цитируют некоторые источники без необходимости, концепции могут упоминаться формально и т. п.

Существует несколько теорий цитирования, в основе которых лежит понимание того, какую функциональную роль играют ссылки в научном сообществе. Авторы «Руководства по наукометрии» (Акоев, Маркусова, Москалева, Писляков, 2021: 158) выделяют следующие основные концепции (цитируемые фрагменты приведены по «Руководству»):

1) нормативная теория цитирования (Merton, 1973): «Ссылки в научных работах делаются для того, чтобы обозначить работы, являющиеся основой для излагаемого исследования, описывающие использованные методы исследования, связанные тематически и необходимые для обсуждения полученных результатов», т. е. цитируются материалы, ценные для понимания темы с точки зрения автора;

2) социально-конструктивистская теория цитирования (Latour, Woolgar, Salk, 1986): «Цитирования являются способом убеждения читателя, для чего авторы часто ссылаются на работы авторитетных ученых вместо выбора наиболее релевантных ссылок для придания веса свой работе»;

3) концепция гандикапа (Nicolaisen, 2004): «Увеличивая количество ссылок в статье, автор придает своему тексту дополнительный вес, независимо от того, насколько ссылки по смыслу связаны с излагаемым материалом»;

4) рефлексивная теория цитирования (Wouters, 1998, 1999): «Цитаты рассматриваются в качестве индикаторов, создающих формализованное представление науки, и в первую очередь следует учитывать не причины, заставившие автора процитировать ту или иную работу, а то, как цитаты отражают характеристики науки».

Таким образом, зачастую цитирование той или иной работы не имеет ничего общего непосредственно с целями исследования, поэтому и здесь использование количественных показателей самих по себе дает слабое представление о реальном научном вкладе того или иного автора. Еще во второй половине прошлого века исследователи выделяли несколько типов ссылок (Chubin, Moitra, 1975):

1) утвердительные (ключевые или дополняющие);

2) вспомогательные (прямо не связанные с предметом исследования, но все же необходимые в его контексте);

3) подтверждающие (независимые поддерживающие наблюдения);

4) формальные (исследования на ту же тему без комментариев);

5) негативные (которые автор опровергает частично или полностью).

Конечно, на данный момент подобных исследований для разных дисциплин проведено уже множество (Kunnath, Herrmannova, Pride, Knoth, 2022), но для нас важно понимание того, что эта система подсчетов также не совершенна и особенности цитирования могут значительно различаться от дисциплины к дисциплине. Например, результаты уже упоминавшегося выше исследования показали, что 20% ссылок в нескольких журналах по физическим наукам относятся к категории «формальных», авторы предшествующего ему исследования в этой же тематической области выяснили, что таких ссылок около 40% (Moravcsik, Murugesan, 1975).

Если говорить об исследованиях, посвященных выявлению национальных предпочтений в цитировании, то таковых не очень много и они посвящены преимущественно тому, как цитируются статьи российских исследователей, а не кого в них цитируют. Тем не менее мы знаем, что в целом исследователи склонны ссылаться в первую очередь на авторов из своей страны (Lancho-Barrantes, Bote, Vicente, Rodríguez et al., 2012). Это может объясняться разными факторами: личным знакомством с авторами (Thelwall, Maflahi, 2015), специализацией некоторых стран на определенной проблематике (Schwarz, 1999), но в большей степени языком публикаций (Liang, Rousseau, Zhong, 2013; Di Bitetti, Ferreras, 2017; Liu, Hu, Tang, Liu, 2018). Интересно при этом, что в социальных науках активное использование немецкими и французскими исследователями национальных языков (Liu, 2016) может расцениваться в качестве препятствия для обмена знаниями в научном сообществе (Bookstein, Yitzhaki, 1999).

В странах БРИКС ситуация немного иная: российские и китайские исследователи, в отличие от представителей других стран, склонны цитировать отечественную литературу и оставаться в рамках национального круга источников, однако остальные предпочитают цитировать европейских и американских коллег, редко обращаясь к публикациям ученых Глобального Юга (Ai, Masood, 2021).

На данный момент мы мало знаем о том, кого предпочитают цитировать российские авторы статей в журналах, индексируемых в международных базах *Web of Science* или *Scopus*, а исследований, посвященных любым аспектам научной деятельности именно в сфере медиа и коммуникации, в России и вовсе крайне мало. Можно сказать, что отправной точкой для нас послужили результаты исследовательского проекта «Разработка фундаментальных основ отечественной теории медиа в условиях трансформации общественных практик и цифровизации СМИ», в рамках которого были рассмот-

рены направления развития теории медиа в статьях, опубликованных в ведущих русскоязычных изданиях по журналистике, массовой коммуникации и медиа (Макеенко, 2017: 2018). В результате исследования было выявлено, что представители отечественного научного сообщества разных поколений минимально включены в глобальный исследовательский контекст и ограниченно используют зарубежные источники. Указанное исследование затрагивало период с 2012 по 2016 гг. и основывалось на данных российских журналов, поэтому, с одной стороны, мы предполагаем, что с тех пор что-то могло измениться, а с другой стороны, списки литературы и подходы к цитированию в статьях, опубликованных в формально международно-ориентированных журналах, также могут отличаться.

Методика

Основным источником информации в рамках нашего исследования стали метаданные публикаций из международной наукометрической базы *Web of Science*. Так как нас интересовали результаты реализации системы мер, направленных на повышение видимости отечественных исследований на международном уровне, данные были взяты за 2017–2021 гг. Выбор именно этого периода обоснован тем, что к 2017 г. прошло уже 5 лет после «майских указов»[2], то есть у сотрудников и администрации университетов было достаточно времени, чтобы адаптироваться к новым условиям и выстроить деятельность соответствующим образом. Кроме того, именно с 2017–2018 гг. в международных наукометрических базах начали индексироваться отечественные журналы по медиа и коммуникации, в которых опубликовано подавляющее большинство статей.

Для нас представляли интерес публикации отечественных исследователей, поэтому базовым критерием отбора было значение *Russia* в графе со страной аффилиации авторов.

Для формирования основной базы было использовано два поисковых запроса:

– *media or journalism* или *communication* в рамках категории *Communication* (в результате получена 881 публикация);

– *media or journalism* или *mass communication* в рамках 28 категорий *WoS* социально-гуманитарного блока (в результате получено 2 140 публикаций).

После этого две базы были объединены, затем из получившегося массива были убраны все дублирующиеся статьи.

Следующим этапом стала ручная чистка базы, в процессе которой из нее также были удалены статьи, по тематике не соответствующие выбранной нами предметной области (ключевые слова упоминались в аннотации, но не были связаны с содержанием статьи, в статьях рассматривалась межличностная коммуникация, технические аспекты телекоммуникаций и тому подобное). Это было сделано для того, чтобы повысить точность результатов, т. к. классификация статей в *Web of Science* осуществляется на уровне индексируемых в них журналов, а не на уровне отдельных документов (Акоев, Маркусова, Москалева, Писляков, 2021). В связи с этим необходимо учитывать эффект возможного рассеивания статей определенной тематики по журналам (Гиляревский, 2022) – закон Брэдфорда (Bradford, 1934): «Во-первых, при подсчете статей в журналах, относящихся к определенной тематической категории, учитываются далеко не все статьи этой тематики. Если предположить, что в категории WoS приводится число журналов близкое к брэдфордовскому ядру (что возможно, но не очевидно), то это значит, что отражается только одна треть статей, а оставшиеся другие две трети рассеяны по журналам во многих других категориях. Во-вторых, что еще хуже, по тематике этой категории мы учитываем некоторое количество статей, к ней не относящихся» (Гиляревский, 2022: 19). Ручная обработка базы позволила нам решить обе указанные проблемы.

Итоговая база после удаления дублей и ручного отсева статей по тематике составила 2 011 публикаций, включая статьи в журналах и главы из книг.

При более внимательном рассмотрении журналов мы поняли, что в базе есть публикации очень разного вида и характера, что, вероятно, может сильно смазывать результаты нашего исследования. В частности, присутствует огромный массив статей[3], опубликованных в трех российских журналах по коммуникации и в одном журнале по филологии, индексируемых *WoS*, а также большая группа работ, опубликованных в формально зарубежных, однако фактически аффилированных с Россией журналах (например, зарегистрированных в Турции, на Кипре, в Колумбии, но удивительным образом публикующих статьи преимущественно российских ученых) или публикуемых на пространстве бывшего СССР. Возьмем на себя смелость утверждать, что видимость работ, опубликованных в изданиях этих групп, для международного академического сообщества пока априорно минимальна, а авторы этих работ на интернациональную аудиторию ориентируются крайне редко.

Для более глубокого понимания ситуации была сформирована вторая база со статьями из журналов, которые мы условно обозначили как «классические»[4]. Из нее были исключены все издания, упомянутые в предыдущем абзаце, а также индексируемые в *Emerging Sources Citation Index* (*ESCI*).

В итоге «классическую» базу статей составили следующие публикации:

– статьи из зарубежных журналов, которые отнесены к какому-либо квартилю[5] (т. е. входящие в индексы *SSCI, AHCI*), – всего 193;

– главы из книг (*BKCI–SSH*) – всего 28.

Таким образом, всего в «классическую» базу вошла 221 публикация. Для простоты в дальнейшем слово «публикация» и «статья» мы будем считать синонимами, причислив к статьям и главы из книг, т. к. в рамках нашего исследования тип издания, в котором размещена публикация, не принципиален.

На данном этапе исследования наши основные задачи состояли в том, чтобы:

1) определить, как часто цитируются выделенные нами три группы авторов, а именно:

– «классические», т. е. в основном авторы значимых трудов прошлого века, сформировавших медиакоммуникацию как область исследований;

– «новые», то есть работавшие и публиковавшиеся уже преимущественно в XXI в., однако все еще сосредоточенные в основном на традиционных (нецифровых) медиатехнологиях и классической журналистике;

– «новейшие», которых мы обозначили как «2010+», т. е. авторы, которые, вероятнее всего, в основном концентрировались на изучении функционирования медиа в условиях современных технологий или как минимум учитывали новомедийный контекст;

2) определить, как часто цитируются российские и зарубежные авторы.

При этом в рамках данного исследования мы не пытались определить контекст цитирования и доли ссылок в соответствии с приведенными в обзоре литературы классификациями, т. к. решение этой задачи требует использования совершенно другого комплекса инструментов. Для нас было важно лишь в первом приближении оценить частоту обращения российских авторов к разным типам источников по географическому и временному признаку. В то же время, опираясь на результаты предыдущих исследований,

мы обязаны принимать во внимание, что само по себе количество ссылок на зарубежных авторов слабо характеризирует глубину погружения отечественных исследователей в соответствующую литературу, т. к. практики цитирования зачастую далеки от нормативных представлений, описанных Робертом Мертоном.

Всего в статьях из основной базы цитируется 31 681 автор, на которых приходится 49 964 цитирования. 80% авторов были процитированы только один раз.

Для отнесения автора к определенной группе мы ориентировались на год публикации медианной из его процитированных работ. По большинству из них были автоматически сгенерированы значения по полю «группа авторов», однако по 812 записям сделать это не удалось, что в ряде случаев связано с недостаточностью данных (см. табл. 1). Затем также в некоторых случаях проводилось ручное уточнение группы, т. к. искажения давали переиздания и процитированные переводные версии. Стоит учитывать, что ручная проверка всех записей не проводилась, поэтому в связи с автоматическим распределением по группам в результатах исследования могут быть некоторые погрешности.

Таблица 1

Распределение количества цитируемых авторов и цитирований по группам авторов в соответствии с годом публикации медианной статьи (общая база)

Группа авторов	Кол-во авторов	Кол-во цитирований	Ср. кол-во цитирований
Новейшие (2010+)	16 621	25 353	1,5
Новые	7 604	12 549	1,7
Классические	6 649	11 170	1,7
Н/д	812	892	1,1
Всего	31 686	49 964	1,6

Как мы видим, вес неопределенных авторов в общем объеме как авторов, так и цитирований совсем не велик. В случае с базой «классических» журналов выпадения данных было значительно меньше, в том числе в процентном соотношении (см. табл. 2). Это объясняется тем, что в общей базе гораздо больше ссылок на русские фамилии и, соответственно, российские источники, что и связано с большим количеством ошибок в выдаче или недостающих данных.

Таблица 2

Распределение количества цитируемых авторов и цитирований по группам авторов в соответствии с годом публикации медианной статьи («классические» журналы)

Группа авторов	Кол-во авторов	Кол-во цитирований	Ср. кол-во цитирований
Новейшие (2010+)	4 076	5 237	1,3
Новые	1 801	2 387	1,3
Классические	1 262	1 738	1,4
Н/д	58	65	1,1
Всего	7 197	9 427	1,3

Для того чтобы разделить российских и зарубежных авторов, потребовалось ручное дополнение базы, т. к. информация о цитированиях бралась из списков цитируемой литературы, поэтому во многих случаях было невозможно установить страну аффилиации автора автоматически.

В связи с этим ограничением все расчеты для обеих баз (как всех журналов, так и «классических») проводились только для авторов, которые были процитированы как минимум пять раз. По всей базе таких авторов оказалось 1 021, то есть около 3% от общего массива, однако на них приходится 37% всех цитирований. В случае с «классическими» журналами это 141 автор, т. е. 2% (от 7 197), на которых приходится 11% всех цитирований. Все приведенные ниже таблицы сформированы на основе именно этих данных и не учитывают весь массив.

Результаты

Как хорошо заметно по динамике из таблицы 3, соотношение цитирований в разных группах авторов примерно одинаково для обеих баз – в рамках всего массива предпочтение отдается самым свежим источникам, к чему, с одной стороны, обязывает раздел с обзором литературы, а с другой – тематика статей, которые в основном посвящены актуальным явлениям.

Таблица 3

Распределение количества цитируемых авторов и цитирований по группам авторов (процитированные не менее пяти раз)

Группа авторов	Кол-во цитируемых авторов				Кол-во цитирований			
	Вся база		Классические журналы		Вся база		Классические журналы	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Новейшие (2010+)	464	45	65	46	5 300	45	469	44
Новые	308	30	43	30	3 354	28	298	28
Классические	249	24	33	23	3 173	27	289	27
Всего	1 021	100	141	100	11 827	100	1 056	100

Интересно также, что круг «классических» авторов оказался весьма широк, а доля авторов и цитирований для этой группы различаются гораздо меньше, чем можно было ожидать, то есть можно предположить, что в статьях затронут широкий спектр различных теорий и концепций.

Зато при обращении к статистике цитирования российских и зарубежных авторов мы можем наблюдать очень заметную разницу между двумя базами (см. табл. 4). Если по всей базе треть цитируемых авторов являются отечественными исследователями, то в «классической» базе таковых меньше 10%. Обращает на себя внимание и разница между долей российских авторов и долей приходящихся на них цитирований в рамках всей базы: наличие определенного «ядра» цитируемых авторов здесь гораздо больше выражено, чем в случае с зарубежными, круг которых, очевидно, более широк.

Таблица 4

Распределение количества цитируемых источников и цитирований по странам аффилиации авторов (процитированные не менее пяти раз)

Страна аффилиации автора	Кол-во цитируемых авторов				Кол-во цитирований			
	Вся база		Классические журналы		Вся база		Классические журналы	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Зарубежные страны	666	65	128	91	6 519	55	940	89
Россия	350	34	12	9	5 136	43	110	10
Россия + зарубежная страна	5	0	1	1	102	1	6	1
Всего	1 021	100	141	100	11 827	100	1 056	100

Если же одновременно учесть и принадлежность цитируемых авторов к той или иной группе, и страну аффилиации, то мы можем точнее понять, какого рода источники фигурируют в библиографических списках (см. табл. 5.1–5.2).

Таблица 5.1

Распределение количества цитируемых источников и цитирований, связанных с разными группами авторов, по странам аффилиации авторов (вся база, процитированные не менее пяти раз)

Страна аффилиации автора	Новейшие (2010+)		Новые		Классические		Всего авторов	Всего цит.
	Кол-во авторов	Кол-во цит.	Кол-во авторов	Кол-во цит.	Кол-во авторов	Кол-во цит.		
Зарубежные страны	272	2 201	202	1 901	192	2 487	666	6 589
Россия	191	3 092	104	1 371	55	673	350	5 136
Россия + зарубежная страна	1	7	2	82	2	13	5	102
Всего	464	5 300	308	3 354	249	3 173	1 022	11 827

Таблица 5.2

Распределение долей цитируемых источников и цитирований, связанных с разными группами авторов, по странам аффилиации авторов (вся база, процитированные не менее пяти раз), %

Страна аффилиации автора	Новейшие (2010+)		Новые		Классические		Доля от всех авторов	Доля от всех цит.
	Доля авторов	Доля цит.	Доля авторов	Доля цит.	Доля авторов	Доля цит.		
Зарубежные страны	59	42	66	57	77	78	65	56
Россия	41	58	34	41	22	21	34	43
Россия + зарубежная страна	0	0	1	2	1	0	0	1

Круг цитируемых зарубежных авторов значительно более широк, что логично: таких авторов просто в принципе больше, однако эта разница остро проявляется в случае «новейших» авторов и еще заметна на примере «новых», а вот в случае «классики» практически сходит на нет. При этом только среди «новейших» авторов отечественные исследователи цитируются чаще – среди «новых» и «классических» авторов зарубежные значительно преобладают, в группе «классиков» – уже в несколько раз.

Еще более наглядно указанные тенденции заметны по данным из таблицы 5.3: «классические» зарубежные авторы явно цитируются чаще и формируют гораздо более выраженное ядро, чем российские «классики».

Таблица 5.3

Распределение долей цитируемых источников и цитирований, связанных с авторами с разными странами аффилиации, по группам авторов (вся база, процитированные не менее пяти раз), %

Страна аффилиации автора	Доля авторов, %			Доля цитирований, %		
	Новейшие (2010+)	Новые	Классические	Новейшие (2010+)	Новые	Классические
Зарубежные страны	41	30	29	33	29	38
Россия	55	30	16	60	27	13
Россия + зарубежная страна	20	40	40	7	80	13

Это может объясняться тем, что значительная часть трудов «классических» зарубежных авторов переведена на русский язык и, соответственно, гораздо более доступна, чем современные источники. Всего среди зарубежных авторов по общей базе мы выявили 68, труды которых переведены на русский язык: 12 из «новых» авторов и 56 – из «классических». Они были процитированы 263 и 1 130 раз соответственно (в случае «классических» авторов это почти половина полученных цитирований).

В случае с базой «классических» журналов ситуация значительно отличается, хотя заметны и некоторые общие тенденции (см. табл. 6.1–6.2).

Таблица 6.1

Распределение количества цитируемых источников и цитирований, связанных с разными группами авторов, по странам аффилиации авторов (по базе «классических» журналов, процитированные не менее пяти раз)

Страна аффилиации автора	Новейшие (2010+)		Новые		Классические		Всего авторов	Всего цит.
	Кол-во авторов	Кол-во цит.	Кол-во авторов	Кол-во цит.	Кол-во авторов	Кол-во цит.		
Зарубежные страны	56	374	40	273	32	293	128	938
Россия	8	89	3	16	1	5	12	110
Россия + зарубежная страна	1	6	0	0	0	0	1	6
Всего	65	469	43	289	33	298	141	1 056

Таблица 6.2

Распределение долей цитируемых источников и цитирований, связанных с разными группами авторов, по странам аффилиации авторов (по базе «класических» журналов, процитированные не менее пяти раз), %

Страна аффилиации автора	Новейшие (2010+)		Новые		Классические		Доля от всех авторов	Доля от всех цит.
	Доля авторов	Доля цит.	Доля авторов	Доля цит.	Доля авторов	Доля цит.		
Зарубежные страны	86	80	93	94	97	98	91	89
Россия	12	19	7	6	3	2	9	10
Россия + зарубежная страна	2	1	0	0	0	0	1	1

Зарубежные авторы преобладают во всех группах, среди «классиков» обнаружился только один отечественный автор. Отметим, что в случае «классических» журналов авторов с известными переведенными трудами оказалось всего 14 – из них 2 «новых» и 12 «классических» процитированы 27 и 109 раз соответственно (что в случае последних составляет почти треть цитирований).

Если же смотреть на то, как распределяются отечественные и зарубежные авторы из «классической» базы в рамках сформированных нами групп, мы видим ситуацию практически аналогичную общей базе – с усилением тенденции к цитированию «новейших» российских источников (см. табл. 6.3).

Таблица 6.3

Распределение долей цитируемых источников и цитирований, связанных с авторами с разными странами аффилиации, по группам авторов («классические» журналы, процитированные не менее пяти раз), %

Страна аффилиации автора	Доля авторов			Доля цитирований		
	Новейшие (2010+)	Новые	Классические	Новейшие (2010+)	Новые	Классические
Зарубежные страны	44	31	25	40	29	31
Россия	67	25	8	81	15	5
Россия + зарубежная страна	100	0	0	100	0	0

Среди цитируемых российских исследований 80% – «новейшие», т. е. даже отечественные авторы практически не уделяют внимания более ранней российской литературе по медиа, в то время как среди групп зарубежных авторов цитирования распределены гораздо более равномерно.

Заключение

Разница в предпочитаемом круге цитируемых источников между статьями из основной и «классической» баз может объясняться разными факторами. Мы видим, что в «классических» журналах в значительной степени преобладают статьи зарубежных авторов, что может быть связано с необходимостью писать более полные обзоры литературы, дефицитом отечественных исследований, которые заметны на международном уровне, так что подготовка

обзора с использованием *WoS*, например, почти не оставляет места российским источникам.

Диспропорция в цитировании «классических» трудов связана со сложной историей развития социогуманитарных наук в России, особенно в период СССР, ориентацией на западные научные традиции, которые приветствуются (и даже требуются) в качественных западных журналах. В случае с публикациями из основной базы знакомству с зарубежными исследованиями может препятствовать языковой барьер (достаточный уровень владения иностранными языками среди изучающих медиа в России по-прежнему встречается редко).

Как мы уже упоминали в обзоре литературы, результаты предшествовавших исследований показывают, что значительная доля ссылок в научных статьях бывает мало связана непосредственно с научными задачами – значительная часть ссылок относится к типу формальных (Moravcsik, Murugesan, 1975). В ходе предшествовавших исследований было выявлено, что это характерно и для статей российских исследователей медиа и коммуникации: анализ списков литературы статей из университетских журналов за 2012–2016 гг. показал, что «списки литературы, которые есть практически в каждой статье, схожи со списками ключевых слов и до сих пор очень часто выполняют не столько навигационную функцию, сколько «нормативную» — показывают не реально использованные источники, а работы, которые следует упоминать для создания “правильного” академического контекста» (Макеенко, 2017: 22).

Можно также предположить, что на самом деле разрыв между базами должен быть еще заметнее, но он в некоторой степени маскируется упоминанием тех трудов, с которыми российские авторы знакомы по переводам. Это косвенно подтверждается и результатами упомянутого выше исследования: 70% наиболее часто упоминаемых зарубежных источников – переводные, а «практически весь корпус классических и актуальных зарубежных текстов, монографий и научных статей, посвященных исследованиям и теориям медиа», остается вне поля зрения значительной части авторов (Там же: 24). Весьма вероятно, для изучаемого нами корпуса текстов также характерны многие из указанных тенденций, хотя, возможно, и в несколько меньшей степени, чем в случае с университетскими журналами. В пользу этого предположения говорит и некоторое смещение доли цитирований от «новейших»

к «классическим» трудам в основной базе по сравнению с «классической».

В результате проведенной нами работы нет возможности достоверно оценить качество цитирования зарубежных источников, а также то, насколько на самом деле иностранные концепции, теории и актуальные результаты исследований интегрированы в российский научный дискурс. Использование машинных инструментов для распределения по временным периодам создает дополнительные ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Также сложно говорить о том, как будут меняться практики цитирования зарубежной литературы в связи с текущими ограничениями доступа к научной информации и наукометрическим базам данных, которые активно использовались российскими исследователями для поиска релевантных источников.

В то же время в работах из основной базы мы видим явную склонность к цитированию коллег из своей страны: как мы уже указывали, это распространенное явление в случае России тесно связано с некоторой обособленностью научных журналов на русском языке, языковым барьером и не особенно развитыми личными связями с зарубежными исследователями.

Мы можем с уверенностью заключить, что на данный момент зарубежная литература в статьях российских исследователей попрежнему цитируется довольно ограниченно: в публикациях из журналов исключительно российских или аффилированных с Россией это не более половины всех ссылок. Конечно, это может быть в некоторой степени связано и с тематическими особенностями статей, основанных на анализе национального опыта, однако даже в этом случае сложно себе представить научную проблему, которая не была бы затронута в зарубежных исследованиях или не требует привлечения соответствующих западных теорий. Цитирования в случае российских источников приходятся преимущественно на современные публикации, что может объясняться как довольно тесными связями внутри не такого уж большого сообщества исследователей, так и тем, что российские исследования медиа и коммуникации не так давно начали оформляться в самостоятельную дисциплину и отечественных наработок в этой сфере пока крайне мало.

Примечания

[1] Более ранние исследования практик цитирования российских исследователей показали, что «в очень большом числе случаев упоминание теории или цитирование того или иного автора никак не коррелируют с темой, проблемой и даже тематикой статьи» (Макеенко, 2018).

[2] «Майские указы» задали тенденцию к постоянному наращиванию публикационной активности, которая продолжает выступать в качестве одного из основных *KPI* для сотрудников всех государственных организаций науки и образования. Кроме того, был окончательно закреплен тренд на развитие университетской науки (а не академической, что для России ранее было гораздо более характерно), т. к. в указе сделан акцент именно на научных достижениях вузов. См.: Правительство РФ. Указ президента РФ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». — 2012. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/15236 (дата обращения: 20.10.2023).

[3] 686 статей в нашей базе (чуть больше 34%) приходится всего на четыре российских журнала: «Вопросы теории и практики журналистики» (228 статей), «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» (172 статьи), «Медиаобразование» (187 статей) и «Научный диалог» (99 статей).

[4] Такое обозначение было выбрано в связи с тем, что в «классическую» базу вошли журналы из «классических» индексов, которые уже давно существуют в рамках *Web of Science*, – в отличие от *Emerging Sources Citation Index*, добавленного только в 2015 г.

[5] Данные о квартилях взяты из базы данных *Scimago* за 2021 г.

Библиография

Акоев М. А., Маркусова В. А., Москалева О. В., Писляков В. В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии; 2-е изд. / под. ред. *М. А. Акоева*. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2021.

Гиляревский Р. С. О некорректности использования индексов цитирования для вычислений по сопоставлению разделов науки // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информ. процессы и системы. 2022. № 2. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48613524_87035806.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

Макеенко М. И. Направления трансформации теоретических подходов в российских исследованиях влияния цифровизации на медиа // Медиаскоп (электронный журнал). 2018. Вып. 3.

Макеенко М. И. Развитие теорий медиа в российских научных журналах в 2010-е гг.: результаты первого этапа исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 3–31.

Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности. THESIS. 1993. № 3. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/033/314/1234/3_6_1Merto.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

Ai M., Masood M. (2021) De-Westernization in journalism research: a content and network analysis of the BRICS journals. *Scientometrics* 126: 9477–9498. DOI: 10.1007/s11192-021-04194-5

Bookstein A., Yitzhaki M. (1999) Own-language preference: A new measure of “relative language self-citation”. *Scientometrics* 46: 337–348. DOI: 10.1007/BF02464782

Bradford S. C. (1934) Sources of information on specific subjects. Engineering. 137:85-6.

Chubin, D. E., Moitra, S. D. (1975). Content Analysis of References: Adjunct or Alternative to Citation Counting?. *Social Studies of Science* 5 (4): 423–441. DOI: 10.1177/030631277500500403

Di Bitetti M. S., Ferreras J. A. (2017) Publish (in English) or perish: The effect on citation rate of using languages other than English in scientific publications. *Ambio* 46: 121–127. DOI: 10.1007/s13280-016-0820-7

Lancho-Barrantes B. S., Bote G., Vicente P., Rodríguez Z. C., de Moya Anegón F. (2012). Citation flows in the zones of influence of scientific collaborations. *Journal of the American Society for Information Science and Technology* 63(3), 481–489.

Latour B., Woolgar S., Salk J. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Liang L., Rousseau R., Zhong Z. (2013) Non-English journals and papers in physics and chemistry: bias in citations?. *Scientometrics* 95: 333–350. DOI: 10.1007/s11192-012-0828-0

Liu F., Hu, G., Tang, L., Liu W. (2018) The penalty of containing more non-English articles. *Scientometrics* 114: 359–366. DOI: 10.1007/s11192-017-2577-6

Liu W. (2016) The changing role of non-English papers in scholarly communication: Evidence from Web of Science‘s three journal citation indexes. *Learned Publishing* 30: 115–123. DOI: 10.1002/leap.1089

Merton R. K. (1973) *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. Available at: https://www.press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/S/bo28451565.html (accessed: 20.10.2023).

Moravcsik M. J., Murugesan P. (1975) Some Results on the Function and Quality of Citations. *Social Studies of Science* 5: 86–92.

Nicolaisen J. (2004) *Social Behavior and Scientific Practice – Missing Pieces of the Citation Puzzle*. PhD thesis. Available at: https://www.researchgate.net/publication/247562092_Social_Behavior_and_Scientific_Practice-Missing_Pieces_of_the_ Citation_Puzzle (accessed: 20.10.2023).

Schwarz A. W. (1999) Scientific centres in Europe: An analysis of research strength and patterns of specialisation based on bibliometric indicators. *Urban Studies* 36 (3), 453–477.

Kunnath S.N., Herrmannova D., Pride D., Knoth P. (2022) A meta-analysis of semantic classification of citations. *Quantitative Science Studies* 2 (4): 1170–1215. DOI: 10.1162/qss_a_00159

Thelwall M., Maflahi N. (2015) Are scholarly articles disproportionately read in their own country? An analysis of mendeley readers. J Assn Inf Sci Tec 66: 1124–1135. DOI: 10.1002/asi.23252

Wouters P. (1998) The Signs of Science. *Scientometrics* 41 (1–2): 225–241. DOI: 10.1007/BF02457980

Wouters P. (1999) Beyond the Holy Grail: From Citation Theory to Indicator Theories. *Scientometrics* 44 (3): 561–580. DOI: 10.1007/ BF02458496

Notes

Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/15236 (accessed: 20.10. 2023).

References

Akoev M. A. (ed.) (2021) *Handbook on Scientometrics: Science and Technology Development Indicators, Second edition*. Yekaterinburg: Ural State Univ publ. (In Russian)

Gilyarevsky R. S. (2022) On the incorrectness of using citation indexes for calculations on the comparison of sections of science. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2. Inform. protsessy i sistemy* 2. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48613524_87035806.pdf (accessed: 20.10.2023). (In Russian)

Makeenko M. I. (2018) Napravleniya transformatsii teoreticheskikh podkhodov v rossiyskikh issledovaniyakh vliyaniya tsifrovizatsii na media [Transformations of Theoretical Approaches to the Impact of Digitalization on Media in Modern Russian Media Research]. *Mediaskop* 3. DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.1. (In Russian)

Makeenko M. I. (2017) Elaboration of media theories in russian academic journals in the 2010s: results of the first stage of rhe research [Razvitie teoriy media v rossiyskikh nauchnykh zhurnalakh v 2010-e gg.: rezul'taty pervogo etapa issledovaniy]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 6: 3–31. (In Russian)

Merton R. K. (1993) Effekt Matfeya v nauke, II: nakoplenie preimushchestv i simvolizm intellektual''noy sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property]. *THESIS* 3. Available at: https://www.hse.ru/data/033/314/1234/3_6_1Merto.pdf (accessed: 20.10.2023). (In Russian)

Ai M., Masood M. (2021) De-Westernization in journalism research: a content and network analysis of the BRICS journals. *Scientometrics* 126: 9477–9498. DOI: 10.1007/s11192-021-04194-5

Bookstein A., Yitzhaki M. (1999) Own-language preference: A new measure of "relative language self-citation". *Scientometrics* 46: 337–348. DOI: 10.1007/ BF02464782

Bradford S. C. (1934) Sources of information on specific subjects. Engineering. 137:85-6.

Chubin, D. E., Moitra, S. D. (1975). Content Analysis of References: Adjunct or Alternative to Citation Counting?. *Social Studies of Science* 5 (4): 423–441. DOI: 10.1177/030631277500500403

Di Bitetti M. S., Ferreras J. A. (2017) Publish (in English) or perish: The effect on citation rate of using languages other than English in scientific publications. *Ambio* 46: 121–127. DOI: 10.1007/s13280-016-0820-7

Lancho-Barrantes B. S., Bote G., Vicente P., Rodríguez Z. C., de Moya Anegón F. (2012). Citation flows in the zones of influence of scientific collaborations. *Journal of the American Society for Information Science and Technology* 63(3), 481–489.

Latour B., Woolgar S., Salk J. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Liang L., Rousseau R., Zhong Z. (2013) Non-English journals and papers in physics and chemistry: bias in citations?. *Scientometrics* 95: 333–350. DOI: 10.1007/s11192-012-0828-0

Liu F., Hu, G., Tang, L., Liu W. (2018) The penalty of containing more non-English articles. *Scientometrics* 114: 359–366. DOI: 10.1007/s11192-017-2577-6

Liu W. (2016) The changing role of non-English papers in scholarly communication: Evidence from Web of Science's three journal citation indexes. *Learned Publishing* 30: 115-123. DOI: 10.1002/leap.1089

Merton R. K. (1973) *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. Available at: https://www.press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/S/bo28451565.html (accessed: 20.10.2023).

Moravcsik M. J., Murugesan P. (1975) Some Results on the Function and Quality of Citations. *Social Studies of Science* 5: 86–92.

Nicolaisen J. (2004) *Social Behavior and Scientific Practice – Missing Pieces of the Citation Puzzle*. PhD thesis. Available at: https://www.researchgate.net/publication/247562092_Social_Behavior_and_Scientific_Practice-Missing_Pieces_of_the_ Citation_Puzzle (accessed: 20.10.2023).

Schwarz A. W. (1999) Scientific centres in Europe: An analysis of research strength and patterns of specialisation based on bibliometric indicators. *Urban Studies* 36 (3), 453–477.

Kunnath S.N., Herrmannova D., Pride D., Knoth P. (2022) A meta-analysis of semantic classification of citations. *Quantitative Science Studies* 2 (4): 1170–1215. DOI: 10.1162/qss_a_00159

Thelwall M., Maflahi N. (2015) Are scholarly articles disproportionately read in their own country? An analysis of mendeley readers. J Assn Inf Sci Tec 66: 1124–1135. DOI: 10.1002/asi.23252

Wouters P. (1998) The Signs of Science. *Scientometrics* 41 (1–2): 225–241. DOI: 10.1007/BF02457980

Wouters P. (1999) Beyond the Holy Grail: From Citation Theory to Indicator Theories. *Scientometrics* 44 (3): 561–580. DOI: 10.1007/ BF02458496

Поступила в редакцию
08.05.2024

СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Поклонская Алиса Валентиновна, специалист по УМР кафедры социологии массовых коммуникаций, факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: lisa-alisa_93@mail.ru, ORCID 0009-0005-0832-4733

РОЛЬ АВТОРА-ЭКСПЕРТА В ОСВЕЩЕНИИ ИСКУССТВА В СМИ

В статье анализируются роль и статус экспертов, публикующих в СМИ материалы об искусстве, а также рассматривается круг проблем, связанных с их деятельностью. Описаны наиболее сложные и неоднозначные – с точки зрения журналистов, специалистов-теоретиков, музейных работников, арт-экспертов – проблемы представления произведений искусства в медиа. Результаты анализа серии полуструктурированных интервью с представителями вышеупомянутых групп позволяют утверждать, что первостепенными проблемами являются объективность материалов о культуре и выражения персонального экспертного мнения в медиа. Кроме того, трудности современной арт-журналистики связаны с несколькими аспектами: уровнем образования и профессионализма привлекаемых авторов; расширением аудитории, имеющей различные требования и очень разный уровень осведомленности в вопросах искусства; влиянием на работу авторов внешних факторов (обилия разнообразной информации, нехватки времени на погружение в тему и подготовку качественных материалов).

***Ключевые слова**: искусство, арт-журналист, арт-критик, искусствовед.*

Как цитировать: *Поклонская А. В.* Роль автора-эксперта в освещении искусства в СМИ // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 24–48. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.2448

Alisa V. Poklonskaya, specialist on educational and methodological work, Chair of Sociology of Mass Communications, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State Univeristy, Moscow, Russia; e-mail: lisa-alisa_93@mail.ru, ORCID 0009-0005-0832-4733

THE ROLE OF THE EXPERT AUTHOR IN MEDIA COVERAGE OF ART

The article analyzes the role and status of experts publishing materials about art in the media, and also it consideres a range of problems associated with their activities in this area. The most complex and controversial problems of presenting works of art in the media are reported from the point of view of their creators, journalists, theoretical specialists, museum workers, art experts. The results of the

analysis of a series of semi-structured interviews with representatives of the above-mentioned groups allow us to assert that the primary problems are the objectivity of materials of cultural topics and the expression of personal experts' opinions in the media. In addition, we can conclude that the difficulties of modern art journalism are associated with several aspects: the level of education and professionalism of different types of attracted authors; the expansion of the audience with different requirements and very diverse levels of awareness of art issues; the influence of external facts on the work of authors (an abundance of various information, lack of time to immerse themselves in the topic and prepare high-quality materials).

***Key words**: art, art journalist, art critic, art historian.*

To cite this article: Poklonskaya A. V. (2024) Rol'' avtora-eksperta v osveshchenii iskusstva v smi [The role of the expert author in media coverage of art]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 4*: 24–48. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.2448

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.2448

Введение

В современных условиях проникновения медиа во все сферы деятельности человека и стремительного научно-технического прогресса, смешения реального и виртуального, означаемого и означающего происходит изменение способов создания произведений искусства, их распространения и продвижения.

В информационную эпоху, когда, по свидетельству современников, медиа становятся для широких масс важнейшей частью жизни и, более того, особым способом бытия в современном мире, если средства массовой информации слабо освещают или вовсе не уделяют внимания тому или иному предмету, то для большинства обывателей данного явления как бы и вовсе не существует. Поэтому сегодня, наряду с проведением мероприятий, художественных выставок, созданием культурных проектов и т. д., очень важным является компетентное представление искусства в СМИ.

По мнению исследователей, важнейшей задачей современной экспертизы является «снятие бремени неуверенности»[1] как с человека, обладающего специальными знаниями, так и с простого обывателя и формирование у него некого «защитного кокона» доверия (Гидденс, 1994). Фокусируя в свою очередь внимание на экспертах в сфере искусства, отметим, что к ним относятся представители разных уважаемых профессий и носители уникальных знаний.

Когда эксперты, являясь участниками арт-медиадискурса, освещают события мира искусства в СМИ, они расширяют представления о явлениях культуры у массовой аудитории и вызывают публичную рефлексию, касающуюся наиболее значимых тем. Исследователь О. И. Хвостунова, занимаясь анализом ролевых статусов экспертов, указывает на их важную роль в производстве, сохранении, моделировании дискурсивных практик, а также в определении новых путей развития (2006). Более того, эксперты, освещающие в СМИ события мира искусства, привлекая к ним внимание широкой аудитории, имеют возможность способствовать формированию «эмоционального состояния, информационных интересов, ценностей людей» (Беспамятнова, 2008: 6).

Проблемы взаимодействия искусства и СМИ были отмечены учеными и культурными деятелями уже в первой половине прошлого столетия. Одной из ранних работ, посвященных не только вопросам трансформации искусства под влиянием технологий и СМИ, но и изменению поведения лиц, осмысляющих искусство и транслирующих его широкой аудитории, является эссе немецкого философа В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1996). Сегодня, в связи с распространением Интернета и развитием цифровых технологий, обозначенная Беньямином проблема восприятия и интерпретации искусства становится еще более актуальной и широко обсуждаемой в культурных и научных кругах, поскольку она уже не только затрагивает вопросы понимания искусства массовой аудиторией, но и напрямую касается журналистов и экспертов, занимающихся освещением такового в средствах массовой информации. С одной стороны, наличие онлайн-галерей, виртуальных туров по музеям, записей спектаклей явно облегчает работу автору, пишущему материал об искусстве. С другой стороны, это ломает сакральную историю отношений произведения искусства и человека. Важным для нашей темы является также отмеченное Беньямином явление изменения функций искусства: культурную и ритуальную функции в искусстве вытеснили политическая, экспозиционная и развлекательная функции. Современное искусство «развлекает и расслабляет» (1996: 61), но «не зажигает в сердцах никакого света» (1996: 59), в то время как издавна искусство требовало от зрителя внимания и концентрации, умственных усилий и погружения в тему. Трансформация функций искусства напрямую связана с изменением задач арт-журналистики. Теперь журналистские публикации должны быть направлены

не только на решение культурно-просветительских задач – важнейшими становятся развлекательная (рекреативная, гедонистическая, релаксационная) функция, стимулирование интереса потребителей, рекламная и имиджевая деятельность.

Идеи Беньямина впоследствии были восприняты известным британским писателем и арт-критиком Джоном Бёргером и получили развитие в его книге «Искусство видеть». Бёргер отмечает, что в современном мире массового потребления происходит утрата искусством глубокого смысла и высокого назначения. Исследователь приходит к выводу, что развитие современных средств производства сказывается разрушительно на авторитете искусства: «Впервые в истории художественные образы становятся эфемерными, повсеместными, иллюзорными, доступными, бесполезными» (Berger, 1972: 32–33).

Говоря о современных процессах демократизации искусства, снятии оппозиции элитарной и массовой культуры, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о фигуре популяризатора, своеобразного переводчика классической концепции искусства со специального языка на язык массовой аудитории и интерпретатора современных явлений мира искусства. К теме осмысления и истолкования памятников искусства обращалось множество отечественных и зарубежных ученых и философов, например Э. Гомбрих (Gombrich, 1960), М. Баксендолл[2], Л. Ратнер[3], К. Скиннер (Skinner, 1986), Д. Рескин[4] и др. Подчеркивая необходимость сопровождения искусства неким подготовленным посредником, занимающимся, с одной стороны, специальной коммуникацией в данной области, а с другой – популяризацией искусства среди широких масс, мы отмечаем, что на сегодняшний день самым очевидным популяризатором не только искусства, но и любого сложного явления является журналист (арт-журналист, в частности). В связи с этим для нас особый интерес представляют научные работы Т. Е. Сорокиной (2020), Г. С. Лапшиной (2016), Н. С. Цветовой (2012), А. В. Масленникова (2020), посвященные вопросам подготовки и специфике деятельности журналистов как профессиональных коммуникаторов в сфере искусства, берущих на себя функции экспертов в данной области. По словам исследователей, сегодня «арт-журналистика» трактуется большинством представителей ученого сообщества как «особая область специализированной журналистики, рассматривающая проблемы культуры и искусства (в том числе театра, литературы, музыки и т. д.) в широком контексте и рассчи-

танная на удовлетворение информационных запросов аудитории в данных областях, а также на формирование общественного мнения в сфере культуры и искусства» (Черепова, 2016: 45).

Изменения современного информационного пространства, в свою очередь, приводят к трансформации понимания авторитета и опыта эксперта в сфере искусства и культуры, к нивелированию границ между специалистами-профессионалами и непрофессионалами-любителями. Поэтому важно обратиться к исследованиям, рассматривающим деятельность отдельных групп авторов, занимающихся освещением искусства в СМИ: не только арт-журналистов, но и искусствоведов, художественных критиков, лидеров мнений, авторов-любителей и блогеров (Bordwell, 1989; Rosen, 2012; Котломанов, 2015)[5]. Распространенным в отечественной и зарубежной литературе по культурной критике стало мнение о нынешнем доминировании непрофессиональных экспертов над специалистами (Walsh, 2003; Dahlgren, 2012), своеобразной маргинализации традиционной арт-критики[6] и упадке серьезного подхода к обсуждению и оценке искусства и культуры (Kristensen, Haastrup, Holdgaard, 2018). Схожие процессы отмечаются исследователями и непосредственно в сфере арт-журналистики: полностью ориентируясь на новостной поток и не уделяя достаточного внимания аналитической и культурно-образовательной функциям, журналисты, как правило, выбирают информационные жанры для освещения мира искусства[7].

Несмотря на богатство исследовательской литературы, как в академических кругах, так и среди представителей арт-медийного дискурса остается ряд дискуссионных вопросов, которые касаются работы экспертов, пишущих об искусстве в СМИ. Среди них наиболее значимыми являются: проблема роли и статуса арт-экспертов, проблема некачественных материалов об искусстве в СМИ, вопрос объективности и оценочности публикаций, вопрос использования специальной лексики и владения теоретико-искусствоведческими понятиями, а также острая проблема взаимодействия журналистов со специалистами в области искусства.

Таким образом, данное исследование проводилось с целью определить, каковы особенности работы арт-экспертов и какая роль отводится им при освещении искусства в СМИ; каким образом различные типы арт-экспертов взаимодействуют друг с другом и как в сложившейся ситуации существовать и развиваться качественной арт-журналистике.

Методика исследования

В рамках исследовательской работы с целью получения разносторонних сведений и формирования наиболее полного представления о деятельности авторов, освещающих искусство в СМИ, нами были отобраны для проведения интервью различные представители арт-медиадискурса: художники, искусствоведы, арт-журналисты, арт-критики, кураторы, арт-менеджеры, галеристы, коллекционеры, основатели арт-проектов, музейные работники и преподаватели.

Отбор экспертов производился с учетом следующих критериев:

– образование и опыт работы в профессии;

– наличие публикаций по интересующей нас теме;

– регулярные высказывания на тему искусства в публичном поле, выступления в качестве медиаэксперта.

В соответствии с упомянутыми критериями нами было отобрано 17 респондентов для проведения полуструктурированного интервью. Период проведения: февраль–июнь 2021 г. Выбор метода подчеркивает важность изучения опыта и точки зрения информантов для лучшего понимания социальной реальности (Чернова, 2023). В связи с избранием качественной стратегии исследования полученная нами неструктурированная информация представлена в статье в виде анализа данных с цитированием высказываний респондентов.

Беседа с каждым из информантов включала в себя несколько смысловых блоков.

1. Специфика освещения искусства в СМИ.
2. Взаимодействие автора-эксперта с аудиторией.
3. Статус и основные компетенции автора-эксперта.
4. Особенности взаимодействия различных типов экспертов между собой и с деятелями искусства.

Разговор с арт-экспертами, более подробное обсуждение с ними деталей, касающихся предмета публикаций, позволили выявить характерные способы освещения искусства в средствах массовой информации, специфику работы и особенности сотрудничества между разными типами экспертов, а также способствовали усовершенствованию терминологического аппарата, позволяющего полноценно описывать присутствие искусства в медиа и проводить исследования.

Общие аспекты функционирования авторов-экспертов

В первую очередь для нас было важно узнать мнение людей, непосредственно работающих в арт-сфере, о необходимых компетенциях и особенностях работы различных типов авторов, приемах освещения искусства в СМИ, методах донесения материала до аудитории.

Исследуя различные современные инстанции экспертизы, социолог А. Ф. Филиппов выделяет, с одной стороны, институционализированную науку, где доверие к эксперту-ученому — «не столько личное доверие к человеку, сколько доверие к стоящей за ним системе, его квалификации и репутации», а с другой стороны, отмечает, что в наше время эксперт далеко не всегда знаток, ученый, зачастую это еще и «публичная фигура, а ссылки на его мнение — фигура публичной аргументации»[8]. Говоря о неоднородности арт-экспертов в современных СМИ, связанной со спецификой развития медиасреды, мы считаем необходимым обсудить, помимо трех традиционно выделяемых исследователями типов экспертов (искусствовед, арт-критик и профессиональный арт-журналист), относительно недавно возникшие и все более распространяющие свое влияние альтернативные голоса медиаперсон, блогеров, «экспертов-любителей», выражающих субъективное мнение, основанное на личных культурных предпочтениях и непосредственном опыте.

С точки зрения части арт-экспертов, трудно прийти к единому мнению в вопросе о превосходстве и наибольшей авторитетности определенного типа авторов. Не вызывает сомнений, что широкая аудитория нечасто обращается к статьям искусствоведов, однако, по мнению респондентов, если перед человеком стоит цель посетить какое-либо культурное мероприятие, ему интересно и полезно обратиться к оценке критика. Если же аудитории просто хочется узнать, что было на открывшейся выставке, можно почитать журналистов или блогеров: мнение профессионального эксперта здесь необязательно. Если же публику интересует максимально компетентное и точное освещение, то, по мнению респондентов, важно обратиться именно к работам искусствоведов. В то же время увлечь обывателя вполне могут медиаперсоны, «потому что это своего рода такие же обыватели, которые говорят со своей аудиторией на одном языке. Искусствоведы же зачастую имеют профессиональную деформацию,

высказываются умно, используя профессиональную лексику, непонятную обычным людям» (респондент 1).

По мнению самих искусствоведов и работников музеев, нужно учитывать, что человеку без специальной подготовки и знаний в сфере искусства будет малоинтересно читать статьи профессионалов еще и потому, что среднестатистические читатели хотят получить широкий взгляд на те или иные вещи: «Профессионалы любят копаться в деталях, в каждом мазке, что неинтересно новоначальным. Кроме того, специфический язык, сложная терминология, непонятная для неподготовленного, отпугнут обычного читателя. Тут нужно погружаться в искусство поэтапно, идти от общего к частному, постепенно приближаться к серьезным искусствоведческим работам» (респондент 2). Эксперты отмечают, что если автор (не важно, кто он по профессии: культуролог, арт-критик, журналист или художник) глубоко погружается в тему, то он вполне может популяризировать искусство, рассказывая об основных вещах. «Конечно, человек, не имеющий профессионального искусствоведческого образования, понимает все не столь глубоко, как специалист и, соответственно, он не сможет отметить каких-то важных деталей, сделать выводы. Непрофессионал в любой сфере, не только искусствознания, может понять только очень обще какие-то вещи, соответственно уровень погружения в тему не будет глубоким». Однако, по мнению информанта, порою встречаются люди других профессий, но «очень глубоко интересующиеся, вникающие в конкретную тему, определенный раздел, которые могут очень хорошо его изучить, понять и даже донести до других, однако, как уже говорилось выше, это скорее исключение из общего правила» (респондент 2).

Часть информантов отдает предпочтение одному или нескольким типам арт-экспертов. Четко обосновывая свою позицию, они выделяют арт-журналистов и критиков в качестве наиболее компетентных авторов, которые могут наилучшим образом донести до широкой аудитории культурную информацию, и при этом скептически отзываются о набирающих популярность «экспертах-любителях», блогерах, лидерах мнений, потому что «у блогеров все темы освещаются по верхам, их публикации – это шоу, в которых нет никакой глубины» (респондент 3). «Поэтому, если мы говорим об изобразительном искусстве, в приоритете остаются арт-критики, опытные журналисты. Конечно, можно вспомнить искусствоведов (таких как, например, Антонова или Лошак), которые дей-

ствуют как просветители. Они становятся лидерами мнений. Музей как институция сегодня воплощен в лице лидера, который посещает светские мероприятия, лидерские тусовки. Но для массового зрителя важны, конечно, опытные журналисты. Тут важна экспертность авторов, системность в работе и специализация» (респондент 3). Также, по словам информантов, статус «эксперта» зарабатывается только путем регулярной работы, движения в одном направлении, потому что, «если мы возьмем даже очень хорошего специалиста, но публикующего свои материалы время от времени, его вес вскоре упадет» (респондент 3). Кроме того, респондентами было отмечено, что если раньше было важно, какое СМИ рассказало об определенном событии или явлении, то сегодня уже нет такой зависимости от конкретных СМИ. Сейчас в любой сфере искусства имеет значение прежде всего имя, личный бренд. По этой причине для авторов с именами уже не важна авторитетность площадки или издания.

Как считают опрошенные арт-журналисты, автор-любитель, обычный блогер не может претендовать на статус эксперта в культурной сфере. «Когда мы берем того или иного эксперта в наш репортаж, нам его подвешенного языка недостаточно. Для нас у эксперта в области искусства должно быть как минимум профильное образование, а как максимум профильная деятельность. То есть он должен не только писать научные работы. В идеале хороший спикер тот, кто преподает, ведет занятия, лектории и т. д., – сейчас, действительно форматов масса» (респондент 4). По мнению арт-журналистов, в изобразительном искусстве желательно и даже необходимо держаться среды музейной, особенно если речь идет о материалах класса федерального канала. Блогеры же, не имея перечисленных компетенций, сегодня все же не могут убедительно презентовать искусство в СМИ: «Они могут создать хайп. У них не та аудитория, которая будет целенаправленно посещать культурные мероприятия, будет всматриваться, осмысленно погружаться в мир искусства» (респондент 5). С точки зрения самих арт-журналистов, лучше всех об искусстве по-прежнему рассказывают критики, хотя, по мнению многих исследователей, вес голоса художественной критики сегодня значительно снизился. Что касается журналистов, их работа, по мнению информантов, это чаще всего или очень короткие обзоры на выставки или интервью с молодыми художниками, которые считаются самыми популярными, а также определенные подборки. «Честно говоря, мне сложно

вспомнить материал, который бы представлял какой-то подробный анализ или хотя бы давал какое-то обширное освещение темы искусства, того или иного проекта. Это обидно! Поэтому получается, к сожалению, что самые подробные материалы сейчас находятся на территории самого искусства. Это либо заметки критиков, либо тексты, написанные искусствоведами, кураторами-профессионалами, работниками художественных институций» (респондент 16).

В то же время другая часть информантов вовсе не придает значения статусу эксперта, освещающего искусство в СМИ:

«Я думаю, что люди, которые слышат, смотрят или читают об искусстве, обращены не к статусу человека, говорящего с ними посредством того или иного медиа. Читатели и зрители обращают внимание на того, кого они знают, кому доверяют, кто им нравится. Здесь имеет значение не статус, а человек, его интерес к предмету, знание темы, энергия, ораторские способности. Мы реагируем сегодня на людей, а не на то, какая у них роль или должность в организации» (респондент 7).

«Я считаю, что лучше всех рассказать об искусстве может человек, который разбирается и искренне любит это дело. А любитель он или профессионал, теоретик или практик искусства – это не имеет значения. Если у человека есть желание писать и он хорошо разбирается в данной теме, то он может писать отличные тексты для кого угодно» (респондент 8).

Как отмечают галеристы и кураторы выставок, многим художникам сложно вербализовать свой художественный метод. Произведения искусства могут быть очень глубоки по смыслу, однако их автор не умеет рассказать об этом. Но есть и художники, способные очень хорошо объяснить свое творчество, дать референсы, найти понятный язык для аудитории, с которой они говорят: «У меня на ярмарке были те, которые по идее должны его продавать. Они настолько классно это видят и интерпретируют, что ты слушаешь их, буквально открыв рот. Были и те художники, которые слова связать не могут. Работы прекрасные, но лучше их не слушать» (респондент 9). Интересно, что, по мнению респондентов, проблемы подобного рода выявляются и в работе искусствоведов: нередко встречаются специалисты с очень сложным языком, которых невозможно слушать, если ты не профессионал. «А есть такие искусствоведы, как, например, А. Постригай, которые прекрасно доносят информацию до широкой публики

в блогах, социальных сетях. В то же время есть арт-журналисты, превосходно разбирающиеся в теме, обладающие великолепным языком, необходимым именно для арт-журналистики. Поэтому все зависит от человека, нельзя сказать, кто из нас лучше или сильнее. В каждом из типов можно найти потрясающих рассказчиков, которые пишут хорошие статьи, создают публикации в СМИ» (респондент 9).

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что, по мнению информантов, статус и уровень образования эксперта не всегда имеют первостепенное значение. Различные приемы, характерные черты работы авторов определенных типов, могут иметь свои преимущества. Выбирая те или иные методы работы, авторам необходимо учитывать интересы предполагаемой аудитории, а также уровень ее образования.

Проблема объективности

Рассуждая о проблеме критического анализа при освещении явлений мира искусства, мы нередко сталкиваемся с проблемой объективности и оценочности в публикациях арт-экспертов. Зачастую создатели произведений искусства выражают недовольство, что журналисты и художественные критики необъективны в вопросах освещения искусства: «<...>когда я освещаю культурные мероприятия в социальных сетях, даю интервью, хожу на выставки, я не критикую ни в коем случае, никакие выводы не делаю. Могу сказать максимум, что я чего-то не понимаю. Я считаю, что этим должны все-таки заниматься специализированные СМИ» (респондент 10). Однако другие художники утверждают, что объективно об искусстве говорится только в пресс-релизах. Все остальное является субъективным мнением, что, по мнению информантов, в общем неплохо: «Художнику даже полезно посмотреть на работу с другой стороны, когда кто-то предоставляет взгляд, о котором автор мог даже не догадываться» (респондент 8).

Проблемы допустимости оценок, выражения личного мнения, а также вопрос самой возможности объективного подхода в публикациях об искусстве в СМИ вызывают много споров в экспертных кругах и остаются по сей день не до конца решенными.

Критерий объективности рассматривается исследователями журналистского профессионализма как высшая ценность, подтверждение «фактологичности новостных текстов» (Литвинова,

2023), но в то же время как угроза существованию различных позиций и взглядов (Tuchman, 1972; Donsbach, Klett, 1993). Е. П. Прохоров уделял этому вопросу особое внимание: «Семантическая адекватность предполагает соответствие текста той реальности, которую отражает журналист. Каждое произведение, отвечающее этому требованию, должно нести правдивые сведения о жизни, а вся совокупность произведений в номере или программе – давать полную и объективную картину действительности» (2011: 49–50). Фокусирует внимание на проблеме субъективности/объективности как аспектах познания в журналистике Г. В. Чевозерова, говоря, что «журналистский текст должен представлять объективно-субъективную истину о предмете своего отражения <...> максимальное стремление к объективности отражения, в которой заинтересована воспринимающая аудитория, ставит это качество на первое место, в то время как субъективности познающего мир отводится лишь второе место» (2016).

С точки зрения профессиональных арт-критиков и искусствоведов, публикации об искусстве не могут и не должны быть объективными. По мнению ряда опрошенных арт-экспертов, сложно представить, что об искусстве кто-то пишет объективно: «Искусство должно у каждого человека вызывать эмоции. Это же не яблоко, которое можно описать категориями “вкусное/невкусное”, “спелое/неспелое”. Каждый человек испытывает разные эмоции. Все пишут субъективно на основе своих эмоций, впечатлений, накопленного опыта, насмотренности, любви и нелюбви. Просто потому, что, как бы ни старались объективно написать об абстрактной теме, которая вам вообще не заходит, то все равно вы расскажете о ней так, что она и другим не зайдет, скорее всего» (респондент 9).

С точки зрения экспертов, само понятие «объективности» в данном контексте неоднозначно и требует корректировок: «Сложно ответить на вопрос, что такое объективность. Но, мне кажется, критик не должен быть абсолютно объективен. Хорошему критику можно и нужно высказывать свое мнение, но оно должно сообщаться с источниками, с другими экспертными мнениями. И, разумеется, через работу критика мы бы хотели узнать не только о его мнении и впечатлении, а о более широком круге источников различных мнений, ракурсов на данный предмет» (респондент 7). То есть задача критика, по мнению специалистов, расширить представление читателей об определенном предмете и через это

расширение согласиться или не согласиться с предлагаемыми выводами. Однако так может быть не всегда, иногда критик хочет поставить вопрос таким образом, чтобы ответ на него для читателей был не столь очевидным, каким казался в начале текста. «На самом деле задача критика, как и художника, в итоге своей работы изменить нашу оптику, наш способ смотрения на мир. Как я говорила, гораздо интереснее не дидактическая, а диалектическая манера высказывания, о каком бы жанре или форме публикации мы ни говорили» (респондент 7). Здесь «объективность», по мысли экспертов, не совсем подходящее слово, корректнее использовать в этом контексте термин Умберто Эко «академическая точность».

С другой стороны, сами журналисты часто говорят о необходимости отказа от выражения персонального мнения и вкусовых предпочтений в работе. В этом, по словам опрошенных информантов, заключается особенность профессии арт-журналиста: «Первое, чему учат на журфаке, – быть объективным. Я не оцениваю в своих материалах работы художников, не обсуждаю и не осуждаю какие-либо произведения» (респондент 17). По мнению журналистов, для этого есть художник, который сам лучше сможет рассказать о своем произведении. Однако информанты замечают в этом особую сложность арт-журналистики: «<...> когда ты освещаешь культурные события, у тебя не получается быть объективным, если ты живой человек. Многие коллеги скажут, что это неправильно. Поэтому вопрос объективности чрезвычайно сложен, когда освещаешь мир культуры» (респондент 4). Размышляя над данной проблемой, информанты предлагают следующий выход для арт-журналиста: «<...> так изощренно составить текст и подобрать иллюстрации, чтобы показать, стоит или нет идти на это культурное мероприятие. Можно увлечься темой и сделать про это настолько интересный репортаж, что всем захочется туда сходить» (респондент 4).

Рассуждая на данную тему, можно прийти к заключению, что «сама объективность – это субъективное понятие». Однако это не отменяет общеизвестных правил, которым следует журналист: необходимость приведения противоположных точек зрения, проверки фактов в трех источниках и так далее: «То есть существуют основные правила, которые помогают журналисту быть более объективным. Но тут встает также вопрос политики канала, которой следует журналист. У каждого будет свой взгляд на подготовку материала. Поэтому такой объективности нет» (респондент 5).

Продолжая размышлять, журналисты соглашаются с другими специалистами, что «объективность» не самое подходящее слово: «Мне кажется, здесь важно говорить про этичность и внимание к автору. Случается, что автор видит работу своим взглядом, а приходит критик и смотрит через совершенно другую оптику. С одной стороны, каждый имеет право на собственную интерпретацию. С другой – все современное искусство на этом праве и основывается. Однако мы не можем игнорировать то, какое сообщение закладывал автор» (респондент 6). Именно поэтому еще один экспертный совет арт-журналистам – выстраивать диалог с самим автором произведения искусства и с куратором как человеком, который вовлечен в этот процесс, но при этом смотрит на него несколько со стороны.

Наконец, некоторые информанты, также отмечая субъективность публикаций об искусстве, предложили, обращаясь, прежде всего, к аудитории СМИ, компромисс в данном вопросе. Так, респонденты дают несколько советов аудитории, касающихся получения полной и точной информации о явлениях искусства: «Я думаю, что говорящий об искусстве человек в любом случае дает свое субъективное мнение. Просто нужно слушать людей, которым вы доверяете, – это первое. А во-вторых, послушайте не одного человека, а нескольких, тогда картина станет более объективной, как мне кажется» (респондент 12). Кроме того, как отмечают информанты, важно слушать и самих авторов произведений искусства, и то, что об этом говорят разные эксперты. При этом стоит помнить, что деятели искусства по отношению к своим работам еще более субъективны, нежели арт-эксперты. «Все это субъективные мнения, но в комплексе они составляют обширную картину» (респондент 16).

Проблема специальной лексики и владения теоретико-искусствоведческими понятиями

Обсуждая тему специальной подготовки авторов, освещающих искусство в средствах массовой информации, мы неизбежно обращаемся к проблеме качества материалов, глубине погружения в тему, вопросу языка публикаций, использования искусствоведческой терминологии. Нужно отметить, что арт-эксперты также не дают единого ответа на данный вопрос.

Часть пишущих об искусстве авторов выступает за максимально доступный и понятный для массовой аудитории контент: «Главная наша задача – чтобы нас услышали и поняли. Поэтому я стараюсь избегать терминов, сложной лексики» (респондент 4).

Среди информантов, придерживающихся подобных взглядов, встречаются и сами художники, выступающие за доступность материалов об искусстве, за отказ от сложности: «Я говорю всегда одинаково для всех. Художник схож со стендап-комиком. Ты вроде бы абсолютно искренний, ты не надеваешь маски, ты рассказываешь о себе, но вычленяешь лишь определенную часть. В искусстве нужно быть чистосердечным, обнаженным. Об искусстве надо говорить просто и понятно» (респондент 14). Деятели искусства уверены, что намного целесообразнее при создании публикаций отталкиваться от целевой аудитории, от широких масс – а вероятность того, что они воспримут сложную терминологию, крайне мала: «Конечно, искусствоведческий язык – это хорошо, нужно стараться приучать публику к таким вещам. Но я прежде всего за доступность, чем больше людей обратят внимание, воспримут информацию – тем лучше. Это же основная задача. А сложность может многих людей оттолкнуть» (респондент 13). По мнению художников, люди, имеющие знания и подготовку, не станут пренебрегать хорошим лаконичным текстом, в котором специальные термины заменены на простые аналоги: «Это самое главное, на этом нужно поставить акцент – искусство должно быть понятно и то, что о нем пишут, тоже» (респондент 13).

С подобным мнением соглашаются и некоторые профессиональные искусствоведы. Делясь опытом популяризации искусства, искусствоведы рассказывают о стоявшей перед ними задаче – погрузить в мир искусства людей, которые вообще пока с ним не знакомы. Исходя из этого, по словам информантов, публикации были соответствующие по проблематике, а язык упрощенный, нужно было говорить о вещах, совершенно банальных для искусствоведов: «Потому что, как только ты начинаешь уходить в сложности, – иди в соцсети и философствуй с глубоко причастной к миру искусства группой искусствоведов. А если ты хочешь доносить широкой аудитории, погружать как можно больше людей в мир искусства, то, конечно, будь проще, и к тебе потянутся» (респондент 9).

Другие специалисты пытаются найти некоторый компромисс в данном вопросе, считая, что никакие СМИ не должны содержать специальную лексику без расшифровки тех или иных терминов, которые вводятся в виде сносок, скобок, пояснений. По мнению информантов, это нормальная форма вежливости, потому что, например, даже профессиональную статью в специализированном СМИ могут читать узкие специалисты, которые не будут знать определенного термина. В настоящее время дисперсности знаний, как считает информант, странно полагать, что каждый должен помнить все слова: «<...> поэтому, если мы не можем обойтись без определенного термина, мы должны сразу вводить пояснения к этому слову, какая бы аудитория ни была нашим адресатом. Другой вопрос, что у массовой аудитории вряд ли есть запрос на материал, столь подробно освещающий произведение искусства, чтобы экспертам нужно было использовать профессиональную лексику в публикациях» (респондент 7).

Среди опрошенных журналистов есть также те, кто предлагает ориентироваться на тип медиа и аудиторию, которой адресуется материал. Как отмечают специализирующиеся в области искусства журналисты, в данном вопросе «важно не увлечься и не взять в свой репортаж того, что никогда не поймет зритель: специализированные понятия, то, что выходит за рамки общепринятой терминологии. Вообще наша задача сложные искусствоведческие темы, специальный язык переложить для наших зрителей на общепринятый, понятный мир, чтобы людям было интересно погрузиться в него, пойти на то или иное мероприятие, изучить творчество художника» (респондент 4).

Однако встречаются эксперты, не считающие важным ставить во главу угла своих адресатов при создании материалов об искусстве. Некоторые из опрошенных кураторов, делясь опытом работы, отмечают, что при создании проектов, вынашивании идей, их обсуждениях с художниками не ставят в центр фигуру зрителя. Однако, по мнению специалистов, арт-проект всегда можно перевести на любой язык, любой уровень понимания. Это возможно благодаря тому, что каждый арт-проект состоит из «уровня чувственного и уровня интеллектуального, более сложного и подразумевающего некие теоретические отсылки, но и в этих отсылках говорящего о чем-то таком, что может быть понятно любому зрителю» (респондент 15).

Ошибки при освещении искусства в СМИ

Неотъемлемой частью разговора об освещении искусства в средствах массовой информации является проблема некачественных материалов, слабых сторон, ошибок, допускаемых авторами публикаций по различным причинам.

Как признаются сотрудники художественных музеев, им приходится постоянно сталкиваться с ошибками. Обычно, по словам экспертов, погрешности допускают авторы, не имеющие специального образования в сфере искусства, а лишь прочитавшие что-то по теме и воспринявшие чужую точку зрения. По мнению профессионалов, особенно плохо то, что подобные авторы из-за поверхностности знаний могут не только сами ошибаться, но и подавать свою точку зрения как общепринятую. Следовательно, их аудитория тоже перенимает эту информацию искаженно. Как полагают сотрудники музеев, «это обычно происходит из-за нехватки у лиц, презентующих искусство в СМИ, специального образования. В профессиональной сфере с вопиющими случаями некорректных материалов мне не приходилось сталкиваться» (респондент 2). Недостаток специального образования у журналистов как одну из основных причин появления ошибок выделяют также педагоги, готовящие специалистов в области искусства**:** «Конечно, бывают случаи, когда открывается выставка, организаторы рассылают приглашения, и на пресс-показ выходят люди абсолютно неготовые, максимум кто-то из них пытается быстро перед этим посмотреть что-нибудь по данной теме. Думаю, не хватает образования, специальной подготовки в сфере искусства» (респондент 1).

Другие респонденты не соглашаются, считая, что случаи некорректного освещения связаны скорее не с образованием, а с нежеланием погрузиться в выбранную тему, с поверхностным подходом авторов. Как поясняют сотрудники музеев, «вряд ли у каждого из нас есть исчерпывающие образование, чтобы говорить о любой значимой, важной теме. Все мы так или иначе готовимся, изучаем материалы этой области и смежных сфер, обращаемся к другим экспертам и лидерам мнений – и это нормально» (респондент 12). Если это условие выполняется, то человек даже без профильного образования может, по мнению информантов, как минимум корректно рассказать о предмете. «Если же автор материалов не утруждает себя погружением в освещаемую тему, то результат получается отрицательный. И это случается, к сожалению, очень часто» (респондент 12).

Сами арт-журналисты видят основную причину в нехватке времени: «<...> я знаю миллионы примеров не только некомпетентного освещения, но и грубых ошибок. Причина в нехватке людей, освещающих искусство, нехватке у них времени на все. Для внимательного погружения и изучения особенно нужно время, которого ни у кого нет» (респондент 8).

В то же время арт-журналисты подчеркивают: «Нехватка времени – очень плохое оправдание для любой ошибки. Хотя это зачастую так, но этим нельзя оправдываться, если ты журналист. Это еще и очень печальная история, связанная с уровнем культуры в стране. Невостребованность этой темы, этого контента. Мы не живем в эпоху культуроцентричности, когда все могут цитировать стихи, мы живем в эпоху массовой культуры. Тут хайп, мода, отсутствие глубины в познаниях, все по верхам, «Википедии» достаточно, если выставки, то мультимедийные, опять же заточенные под данные из «Википедии», танцующие по проекциям. Это может привести к тому, что через 10 лет все будут знать культуру на таком уровне. И эта проблема гораздо шире, чем просто деятельность арт-журналистов» (респондент 4). Поэтому специалисты отмечают, что современный арт-медиадискурс нуждается в расширении: журналистам необходимо научиться говорить об искусстве предметно и компетентно, выстраивать настоящий живой диалог об искусстве с разной аудиторией.

Проблема сотрудничества экспертов

В заключение нам представляется важным показать взгляд экспертов на наиболее приемлемые и эффективные формы сотрудничества арт-журналистов, освещающих искусство в СМИ, с другими специалистами в данной области. По словам информантов, в этом вопросе автор материалов отталкивается от поставленных задач. Например, корреспондентам «Культуры» постоянно приходится прибегать к взаимодействию с экспертами, из-за того что сами журналисты не должны выражать субъективное мнение. Поэтому нужен эксперт, который будет высказывать свою точку зрения: или создатель произведения, или профессиональный искусствовед, или арт-критик: «Его мнение обязательно должно быть в репортаже, поэтому как новостной телеканал мы хватаем всех, кто встретится на нашем пути» (респондент 11). Если мы рассматриваем фигуру корреспондента канала «Культура», задача которого

очень быстро приехать, спросить и сделать на эфир репортаж, то, как отмечают работники канала, нет ничего лучше блиц-интервью со специалистом при условии, что корреспондент к нему готов и хорошо понимает, какое событие перед ним. Однако, говоря о документальных фильмах об искусстве, те же авторы выбирают другой подход: «Тут мне нужно заранее расположить к себе спикера, посмотреть место, решить, что и как будем снимать, а потом приезжать со съемочной группой» (респондент 4).

О важности налаживания коммуникации журналистов с профессиональными экспертами много говорят сами искусствоведы и музейные работники. Делясь опытом общения с журналистами в интервью, респонденты указывают, что основная проблема состоит в том, что «журналисты, как правило, много знают обо всем, но все по верхам. По вопросам, которые они задают, понятно, насколько они неглубоки в данной сфере» (респондент 2). Искусствоведы, давая комментарии, помогают журналистам раскрыть определенную тему для массового зрителя. Кроме того, сотрудники музеев также отмечают, что без обращения к профессионалам журналистские материалы об искусстве будут просто их точкой зрения, результатом личных вкусовых предпочтений. «Искусство – своеобразная сфера, где можно так или иначе интерпретировать разные предметы и явления, но нужно, чтобы это делал профессионал, человек, который в этом мире живет. Поэтому сотрудничество журналистов с профессионалами в данной области обязательно. Иначе зачем тогда изучать искусство? Профессионалы обогащают знаниями широкую аудиторию через журналистов» (респондент 2).

Однако в вопросе взаимодействия журналистов с деятелями искусства не все так однозначно: существует и другая сторона проблемы. Об этом рассказывают в интервью арт-журналисты, делясь воспоминаниями о начале работы: «В то время основной сложностью для меня было найти доступ к мероприятиям и к людям. Потому что арт-блогеров и арт-журналистов не всегда воспринимают с уважением к их труду. Я помню, как мне было сложно в те годы, придя на выставку, взять интервью у арт-галеристов: просыпался такой невероятный снобизм, как будто перед тобой боги. Прошло какое-то время, сейчас я общаюсь с этими людьми с другой стороны, и теперь это совсем иные фигуры, они все открыты, все готовы общаться. А раньше отношение было, мягко говоря, снисходительное. Думаю, это очень сильно мешает

арт-журналистам» (респондент 9). То есть, по словам информанта, в арт-мире, особенно в России, формируется узкая, «часто снобистская тусовка, которая ставит себя выше других людей» (респондент 9). Поэтому журналисту не всегда легко получить обратную связь.

Тем не менее, несмотря на возникающие трудности, арт-эксперты всех групп, начиная от работников музеев и заканчивая художниками и журналистами, выступают за взаимодействие как залог успешной работы по популяризации искусства в средствах массовой информации.

Заключение

Технический прогресс и развитие новой медиасреды способствовали расширению аудитории, ее активному участию в производстве и распространении контента и появлению новых типов авторов-экспертов, что пошатнуло устойчивую позицию традиционных экспертов-профессионалов в данной области (искусствоведов, арт-журналистов и критиков). Можно отметить, что происходящие изменения отражаются на методах работы арт-экспертов, их роли в арт-медиадискурсе. С одной стороны, фигура профессионального эксперта, мнению и вкусам которого можно с уверенностью доверять, занимает важное место в освещении темы искусства в СМИ и является необходимой для приобщения массового зрителя к данной области культурного знания. С другой стороны, тенденция демократизации арт-медийного дискурса отчетливо проявляется в нивелировании границ между различными типами арт-экспертов: профессиональными искусствоведами, художественными критиками, арт-журналистами, медийными личностями и авторами-любителями, блогерами.

Распространенным в исследовательской литературе стало мнение о нынешнем доминировании непрофессиональных авторов над специалистами, связанном с предпочтениями широкой аудитории, об упадке традиционной культурной критики и арт-журналистики, отсутствии глубокого подхода к обсуждению и оценке искусства и культуры. Однако, проанализировав и обобщив полученные в ходе интервью ответы, мы также можем отметить, что появление в арт-медиадискурсе «эксперта-любителя» далеко не всегда демонстрирует депрофессионализм и ведет к маргинализации, деградации арт-журналистики и критики, как ранее утвер-

ждали профессионалы в этой сфере, а, скорее, представляет своеобразную перепрофессионализацию художественной критики и журналистики и даже может способствовать повышению уровня знаний в данной области. С точки зрения ряда информантов, как создателей произведений искусства, так и экспертов-теоретиков, статус и уровень образования автора, пишущего об искусстве, не всегда имеют первостепенное значение. Гораздо более важными оказываются личные качества автора, его заинтересованность темой, энергия, ораторские способности, умение донести материал до аудитории. Кроме того, по мнению информантов, выбор автора, освещающего искусство в СМИ, зависит в первую очередь от уровня культурных знаний и опыта адресата, а также от целей, поставленных им при поиске информации.

В то же время эксперты видят основные трудности работы в сфере арт-журналистики и причины возникновения ошибок в материалах об искусстве не только и не столько в недостатке у авторов специального образования, сколько в поверхностном подходе и нежелании погрузиться в заданную тему, в нехватке времени и обилии разнообразной информации.

Проблема глубины погружения авторов публикаций в тему, а также использования специальной терминологии не является до конца решенной и по-прежнему вызывает споры у арт-экспертов. Тем не менее мы можем сделать вывод, что большинство экспертов выступают за упрощение лексики без упрощения смысла, полагая, что публикации об искусстве должны быть понятны каждому желающему, но при этом воспитывать и культурно просвещать.

Проблема объективности экспертного мнения, допустимости выражения личного отношения автором публикации представляется наиболее острой для создателей произведений искусства и вызывает много споров у опрошенных нами экспертов. С одной стороны, критерий объективности в научных кругах традиционно рассматривается как оценка журналистского профессионализма и высшая ценность, с другой – у ряда работников сферы культуры, утверждающих, что материалы об искусстве не могут и не должны быть объективными, данный критерий вызывает сомнение и даже полное неприятие.

Наконец, эксперты всех групп выступают за диалог, обоюдное и взаимовыгодное сотрудничество арт-журналистов с другими специалистами в этой области. Эксперты видят в этом гарантию качественной работы по освещению искусства в СМИ, залог

успешного приобщения широкой аудитории к миру искусства, формированию у нее вкуса, культурных предпочтений и эстетических ценностей.

Примечания

[1] *Филиппов А. Ф.* Участь эксперта // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 7-15. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/oz/2003/1 (дата обращения: 17.06.2022).

[2] *Баксендолл М.* Узоры интенции: Об историческом толковании картин. М.: ЮниПринт, 2003.

[3] *Ратнер Л.* Искусство: язык Бога. От античности до авангарда. М.: Никея, 2018.

[4] *Рескин Д.* Лекции об искусстве. М.: БСГ-ПРЕСС, 2006.

[5] *Кравцова М. В.* Сферический критик в вакууме: критика в контексте современного художественного и медийного производства. Режим доступа: https://art.sredaobuchenia.ru/criticissue (дата обращения 17.01.2020).

[6] *Матвеева А.* «Кризис» и «критика» — слова однокоренные. Режим доступа: http://www.artguide.com/posts/672 (дата обращения 17.01.2020).

[7] *Белькевич Д.* Музей в поисках аудитории // Искусство. 2012. №2 (581). С. 136–149.

[8] *Филиппов А. Ф.* Участь эксперта // Отечественные записки. 2003. № 1. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/oz/2003/1 (дата обращения: 27.06.2022).

Библиография

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под ред. *Ю. А. Здорового*. М.: Медиум, 1996.

Беспамятнова Г. Н. Эффекты и эффективность телевизионной коммуникации // Журналистика в 2007 году: СМИ в условиях глобальной трансформации социальной среды: сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. М.: Фак. журн. МГУ, 2008. С. 6.

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994 № 5. С. 107–134.

Котломанов А. О. Кризис или депрессия? Комментарий по поводу актуальных проблем арт-критики // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2015. Сер. 15. Вып. 2. С. 161–163.

Лапшина Г. С. Искусство глазами журналиста. М.: Флинта: Наука, 2016.

Литвинова А. И. Профессионализм в журналистике: границы понятия сквозь призму научных исследований // Медиаскоп. 2023. Вып. 2. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2817 (дата обращения: 15.01.2024).

Масленников А. В. Арт-журналистика как объект современных медиаисследований // Медиасреда. 2020. № 2. С. 43–47.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011.

Сорокина Т. Е. Арт-журналистика в современных массмедиа: событие и дискурсивные практики // Мир науки. Социология, филология, культурология: электрон. журн. 2020. Т. 11. № 4. С. 50–58.

Хвостунова О. И. Эксперты как субъект политического дискурса СМИ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Цветова Н. С. Искусство в массмедиа. СПб.: Изд-во ВВМ, 2019.

Чевозерова Г. В. Проблемы познания в журналистике. Достоверность журналистской информации// Медиаскоп. 2016. Вып. 1. Режим доступа: http://mediascope.ru/?q=node/2090 (дата обращения: 14.04.2023).

Черепова Т. Н. Проблемы подготовки журналистов, освещающих вопросы культуры и искусства в СМИ // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 45–47.

Чернова Ж. В. Методологические аспекты экспертных интервью: подходы, возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 74–90.

Berger J. (1972) *Ways of Seeing.* London: Penguin Books.

Bordwell D. (1989) *Making Meaning: Inference and Rhetoric in the Interpretation of Cinema*. Cambridge: Harvard University Press.

Dahlgren P. (2012) Public Intellectuals, Online Media, and Public Spheres: Current realignments. *International Journal of Politics, Culture & Society* 25 (4): 95–110.

Donsbach W., Klett B. (1993) Subjective objectivity – how journalists in four countries define a key term of their profession. *International Communication Gazette* 51 (1): 53–83.

Gombrich E. (1960) *Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation*. New York: Pantheon Books.

Kristensen, N., Haastrup, H., Holdgaard, N. (2018) *Cultural Critique: Renegotiating cultural authority in digital media cultur*e. MedieKultur: Journal of Media and Communication Research 34 (65). Pp. 3–9.

Rosen J. (2012) The People Formerly Known as the Audience. In Mandiberg M. (ed.) *The Social Media Reader*. New York: New York University Press. Pp. 13–16.

Skinner Q. (1986) *Ambrogio Lorenzetti: The Artist as Political Philosopher.* Proceedings of the British Academy 72: 1–56.

Tuchman G. (1972) Objectivity as strategic ritual: An examination of newsmen's notions of objectivity. *The American Journal of Sociology 77*: 660–679.

Walsh P. (2003) That Withered Paradigm: The Web, the Expert, and the Information Hegemony. In H. Jenkins & D. Thorburn (eds.). *Democracy and New Media*. Cambridge, MA: MIT Press. Pp. 365–372.

Notes

Baksendoll M. (2003) *Uzory intentsii: ob istolkovanii kartin* [Patterns of Intention. On the Historical Explanation of Pictures]. Moscow: YuniPrint Publ.

Belkevich D. (2012) Muzey v poiskakh auditoria [Museum in the search of audience]. *Iskusstvo* 2: 136–149.

Filippov A. F. (2003) Uchast' eksperta [The fate of expert] // *Otechestvennye zapiski*. № 1. Available at: https://magazines.gorky.media/oz/2003/1 (accessed: 17.06.2022).

Kravtsova M. V. *Sfericheskiy kritik v vakuume: kritika v kontekste sovremennogo khudozhestvennogo i mediynogo proizvodstva* [Spherical critic in vacuum:

criticism in the context of contemporary art and media production]. Available at: https://art.sredaobuchenia.ru/criticissue (accessed: 17.01.2020).

Matveeva A. *«Krizis» i «kritika» — slova odnokorennye* ["Crisis" and "criticism" – cognate words]. Available at: http://www.artguide.com/posts/672 (accessed: 17.01.2020).

Ratner L. (2018) *Iskusstvo: yazyk Boga. Ot antichnosti do avangarda* [The art: the language of God. From Antiquity to Avant-garde]. Moscow: Nikeya Publ. (In Russian).

Reskin D. (2006) *Lektsii ob iskusstve* [Lectures about the art]. Moscow: BSG-PRESS Publ.

References

Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The work of art in the age of its technological reproducibility]. Available at: http://forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (accessed: 26.02.2022).

Berger J. (1972) *Ways of Seeing*. London: Penguin Books.

Bespamyatnova G. N. (2008) *Effekty i effektivnost' televizionnoy kommunikatsii* [The effects and the effectiveness of television communication]. Zhurnalistika v 2007 godu: SMI v usloviyakh global'noy transformatsii sotsial'noy sredy. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. Pp. 6.

Bordwell D. (1989) *Making Meaning: Inference and Rhetoric in the Interpretation of Cinema*. Cambridge: Harvard University Press.

Chevozerova G.V. (2016) Problemy poznaniya v zhurnalistike. Dostovernost' zhurnalistskoy informatsii [The problems of knowledge in journalism. The accuracy of journalistic information]. *Mediaskop* 1. Available at: http://mediascope.ru/?q=node/2090 (accessed: 14.04.2023)

Cherepova T. N. (2016) Problemy podgotovki zhurnalistov, osveshchayushchikh voprosy kul'tury i iskusstva v SMI [The problems of journalists' training, who cover culture and art issues in the media]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik* 5: 45–47.

Chernova Zh. V. (2023) Metodologicheskie aspekty ekspertnykh interv'yu: podkhody, vozmozhnosti i ogranicheniya [Methodological aspects of expert interviews: approaches, opportunities, and limitations]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 5: 74–90.

Dahlgren P. (2012) Public Intellectuals, Online Media, and Public Spheres: Current realignments. *International Journal of Politics, Culture & Society* 25 (4): 95–110.

Donsbach W., Klett B. (1993) Subjective objectivity – how journalists in four countries define a key term of their profession. *International Communication Gazette* 51 (1): 53–83.

Giddens E. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk, and security]. THESIS 5: 107–134.

Gombrich E. (1960) *Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation*. New York: Pantheon Books.

Khvostunova O. I. (2006) *Eksperty kak sub"ekt politicheskogo diskursa SMI:* dis. ... kand. filol. Nauk [Experts as a subject of political discourse in the media. Candidate philological sci. diss.]. Moscow (In Russian).

Kotlomanov A. O. (2015) Krizis ili depressiya? Kommentariy po povodu aktual'nykh problem art-kritiki [Crisis or depression? The commentary on current issues of an art criticism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* 15 (2): 161–163.

Kristensen N., Haastrup H., Holdgaard N. (2018) Cultural Critique: Renegotiating cultural authority in digital media culture. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research* 34 (65): 3–9.

Lapshina G. S. (2016) *Iskusstvo glazami zhurnalista* [Art through the journalist's eyes]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian)

Litvinova A. I. (2023) Professionalizm v zhurnalistike: granitsy ponyatiya skvoz' prizmu nauchnykh issledovaniy [The professionalism in journalism: the boundaries of concept through the prism of scientific research]. *Mediaskop* 2. Available at: http://www.mediascope.ru/2817 (accessed: 15.01.2024).

Maslennikov A. V. (2020) Art-zhurnalistika kak ob"ekt sovremennykh mediaissledovaniy [Art journalism as an object of modern media research]. *Mediasreda* 2: 43–47.

Prokhorov E. P. (2011) *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [The introduction to the theory of journalism]. Moscow: Aspekt Press Publ. Pp. 49–50.

Rosen J. (2012) The People Formerly Known as the Audience. In Mandiberg M. (ed.) *The Social Media Reader.* New York: New York University Press. Pp. 13–16.

Skinner Q. (1986*)* Ambrogio Lorenzetti: The Artist as Political Philosopher. *Proceedings of the British Academy* 72: 1–56.

Sorokina T. E. (2020) Art-zhurnalistika v sovremennykh massmedia: sobytie i diskursivnye praktiki [The art journalism in modern mass media: event and discursive practices]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya: elektron. zhurn* 11 (4): 50–58.

Tsvetova N. S. (2019) *Iskusstvo v massmedia* [The art in mass media]. Sankt-Peterburg: VVM Publ. (In Russian).

Tuchman G. (1972) Objectivity as strategic ritual: An examination of newsmen's notions of objectivity. *The American Journal of Sociology* 77: 660–679.

Walsh P. (2003) That Withered Paradigm: The Web, the Expert, and the Information Hegemony. In H. Jenkins & D. Thorburn (eds.). *Democracy and New Media*. Cambridge, MA: MIT Press. Pp. 365–372.

Поступила в редакцию
13.09.2023

ПРАВО СМИ

Вихрова Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: financialliteracymsu@gmail.com, ORCID 0000-0002-9208-906X

Горлова Ярослава Сергеевна, аспирантка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: jaroslava.gorlova@yandex.ru, ORCID 0009-0002-9505-7933

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОНЛАЙН-МЕДИА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Вопросы правового регулирования новых медиа приобретают особую актуальность в контексте неуклонного роста их значения в геополитических и этнополитических конфликтах. В статье представлены результаты авторского анализа действующих республиканских и федеральных законодательных актов, регулирующих деятельность онлайн-медиа в государствах Евразийского экономического союза, с целью выявления предпосылок и препятствий для формирования соответствующего гармонизированного законодательства. Проведенный анализ показал, что существующие документы, регламентирующие деятельность медиа в странах ЕАЭС, содержат расхождения в части понятийного аппарата: так, например, отсутствует единство в определении онлайн-медиа и их роли в системе распространения информации, остается неясным и правовой статус блогеров. Принимая во внимание актуальный геополитический контекст и влияние цифровизации на национальные медиарынки, принципиальным также становится вопрос выработки скоординированных подходов государств объединения к регулированию иностранного участия в деятельности новых медиа, что на данный момент лишь частично отражено в республиканских и федеральных нормативно-правовых актах.

***Ключевые слова**: медиарегулирование, ЕАЭС, онлайн-медиа, законодательство.*

Как цитировать: *Вихрова О. Ю., Горлова Я. С.* Особенности законодательного регулирования онлайн-медиа в странах Евразийского экономического союза // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 49–70. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.4970

Olga Yu. Vikhrova, PhD in Philology Associate Professor at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: financialliteracymsu@gmail.com, ORCID 0000-0002-9208-906X

Yaroslava S. Gorlova, PhD candidate, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: jaroslava.gorlova@yandex.ru, ORCID 0009-0002-9505-7933

NEW MEDIA LAWS AND REGULATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION MEMBER STATES

The problems of legal regulation of new media are becoming particularly relevant in the context of their changing role and ever-growing importance in international geopolitical and ethnopolitical conflicts. This article presents the results of the author's analysis of current republican and federal legislative acts regulating the activities of online media in the states of the Eurasian Economic Union in order to identify the prerequisites and obstacles for the formation of harmonized legislation that will help ensure information and psychological security in the EAEU. As the analysis showed, the existing documents regulating the media sphere in the EAEU countries contain differences in terms of the conceptual apparatus. Thus, the definition of online media and their role in national media systems remains unclear. Special attention should be paid to bloggers whose legal status is currently not clearly fixed in any of the EAEU countries despite their influence potential. Taking into account the current geopolitical context and the impact of digitalization on national media markets, the issue of regulating foreign participation and interaction of states in the field of new media is also becoming fundamental — at the moment this is also only partially reflected in federal and republican legislation. Among the possible harmonization tools at this stage, the authors propose the formation of special glossaries developed with the help of expert groups.

***Key words**: new media, law, regulation, EAEU, post-Soviet states.*

To cite this article: Vikhrova O. Yu., Gorlova Ya. S. (2024) Osobennosti zakonodatel'nogo regulirovaniya onlayn-media v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [New media laws and regulation in the Eurasian Economic Union member states]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 4*: 49–70. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.4970

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.4970

Введение

В настоящее время в государствах Евразийского экономического союза продолжается прирост аудитории онлайн-медиа вследствие внедрения и реализации на национальном и региональном уровнях мер по обеспечению доступа населения к Интер-

нету и цифровым платформам. Однако помимо оказываемого на жизнь современного общества всестороннего положительного влияния, распространение и упрощение доступа аудитории к информационно-коммуникационным технологиям обладает рядом негативных последствий, в числе которых расширение возможностей манипулирования массовым и индивидуальным сознанием, что влечет за собой повышение риска уязвимости и угрозу снижения устойчивости населения к негативному информационно-психологическому воздействию со стороны недружественных акторов с целью дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки как в государствах, так и в межгосударственных объединениях. Таким образом, в условиях эскалации затяжных, а также возникновения новых геополитических и этнополитических конфликтов, сопровождающихся противоборством в цифровой информационной сфере между государствами и блоками стран, принципиальным становится вопрос о том, как именно законодательно регулируется деятельность новых медиа на национальных уровнях по состоянию на 2024 г.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным проанализировать действующие республиканские и федеральные законодательные акты, регулирующие деятельность онлайн-медиа в государствах ЕАЭС, с целью выявления предпосылок и препятствий для формирования соответствующего гармонизированного законодательства, способствующего обеспечению информационно-психологической безопасности в объединении. Для этого в настоящем исследовании были проведены анализ нормативно-правовых актов и их последующее сопоставление.

В результате было дополнено содержание существующего теоретического знания о регулировании медиасферы на пространстве государств – членов ЕАЭС: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России. Полученные в ходе проведенного исследования данные могут послужить основой для разработки рекомендаций и аналитических документов для профильных органов ЕАЭС, включая соответствующие департаменты Евразийской экономической комиссии, региональных международных организаций (в частности, ОДКБ), а также национальных и межгосударственных отраслевых профессиональных объединений, принимающих участие в экспертной оценке проектов законов и иных нормативно-правовых актов, связанных с медиарегулированием в государствах постсоветского пространства.

Теоретические подходы к обоснованию необходимости модернизации законодательного регулирования СМИ в ЕАЭС в условиях распространения новых медиа

Вопросам модернизации национальных законодательств, регулирующих деятельность СМИ, в соответствии с тенденциями развития медиасферы в государствах ЕАЭС уделяется внимание исследователей из России, Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана.

Российская Федерация

Еще в 2000 г. заместитель Министра РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций А. Ю. Романченко отмечал, что «правовое регулирование сетевых средств массовой информации является одной из важнейших проблем государственного контроля над деятельностью в Интернете» (2000: 28).

Попытки определить сущность нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность сетевых СМИ, а также структурировать ее предпринимались А. В. Минбалеевым (2010) и Т. А. Погорельской (2019). В 2014 г. группа исследователей из Финансового университета обратила внимание на то, что «нормативное регулирование деятельности по регистрации средств массовой информации, прекращению или приостановлению деятельности средств массовой информации требует совершенствования для усиления его логичности и взаимоувязанности, но при этом отсутствует какое-либо системное правовое регулирование отношений, связанных с оборотом информации в блогах и их разновидностях, в том числе (и особенно) в части их ликвидации при обнаружении информации, распространение которой запрещено законодательством» (Фатьянов, Саранчук, Юскова, 2014: 107).

Отдельные вопросы модернизации правового регулирования СМИ с учетом развития цифровых медиа рассматривались в статье «Медиарегулирование в России: изменения медиаполитики в условиях трансформации общественных практик» (Гуреева, Самородова, 2019). В статье «Проблемы правового регулирования интернет-СМИ в Российской Федерации в 2021 году» были освещены первичные и фундаментальные проблемы правового регулирования интернет-СМИ в РФ по состоянию на 2021 г. (Морозов, 2021).

Подробный обзор нововведений в российском законодательстве в 2017–2020 гг. был представлен в статье «Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект» И. А. Панкеевым и А. А. Тимофеевым. Исследователи отмечают, что период характеризовался активным распространением «экстремистских материалов и другой информации, несущей опасность для отдельных граждан и общества в целом» (2020: 231). Анализируя контроль распространения информации в Интернете, авторы отмечают, что «действия властей в сфере регулирования распространения информации в интернете ужесточаются»; в частности, «расширяются методы борьбы с экстремизмом, призывами к суициду, с опасными группами в социальных сетях» (2020: 237).

Вопросы правового регулирования интернет-журналистики затрагивала в своем выступлении на XI Петербургском международном юридическом форуме и Е. Л. Вартанова, отмечая, что «в настоящее время журналист выходит на конкурентное и при этом неструктурированное законодательно цифровое поле с абсолютно новыми субъектами — например, блогерами, в отношении которых не работает не только законодательное, но и профессионально-этическое и профессионально-корпоративное регулирование <...> Кроме того, новая сложная полисубъектная среда абсолютно непонятна аудитории, которая, как новый субъект, появившийся в ходе в цифровой революции, с одной стороны, напрямую влияет на деятельность СМИ, а с другой — далеко не всегда понимает, как в условиях цифрового многоголосия ответить на некорректную информацию, диффамацию и так далее»[1].

Отдельное внимание в трудах отечественных исследователей на протяжении нескольких лет уделяется проблемам правового регулирования блогосферы (Грищенко, 2022; Мухачёв, 2015; Зеленова, Гусарова, 2021 и др.).

Республика Беларусь

В 2009 г. белорусский исследователь М. Соколова отмечала: «Белорусские государственные институты, которые вовлечены в процессы регулирования онлайн-медиа, часто сталкиваются с серьезными затруднениями в законотворческой деятельности. Это касается, прежде всего, определения понятия медиа и масс медиа, разграничения понятия «массовые средства информации» и «персональная информация» онлайн», критически подчеркивая, что в Беларуси единственным «регулятором» в сфере

интернета и онлайн-медиа являются государственные институты» (2009: 164).

А. А. Градюшко, напротив, обращал внимание на то, что «внутригосударственные и глобальные механизмы, гарантирующие недопущение использования новых информационных и коммуникационных технологий для разжигания национальной розни, ксенофобии, экстремистских настроений, терроризма, популяризации антиобщественных явлений и антигуманизма» имеют огромное значение: «Информационная безопасность Республики Беларусь в сфере масс-медиа Интернета является одной из составляющих национальной безопасности и оказывает влияние на защищенность национальных интересов страны в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. По мере развития информационных технологий угрозы национальной безопасности Республики Беларусь в информационной сфере Интернета усиливаются. Актуальной проблемой становится защита информационного суверенитета» (2006: 27). Исследователь также подчеркивал необходимость включения Республики в разработку и заключение соответствующих международных соглашений, регулирующих распространение массовой информации в сети Интернет.

Автор отмечал, что «назрела необходимость в осмыслении принципов функционирования сетевых СМИ с позиции научного подхода» (Там же: 23), что «необходима хотя бы минимальная научная база, основываясь на которой можно в дальнейшем работать над созданием качественных Интернет-ресурсов, а также исследовать новые аспекты функционирования сетевых СМИ» (Там же: 27).

Республика Армения

Автор опубликованного на сайте ОБСЕ доклада «Регулирование деятельности новых СМИ в Армении: действующие нормы и тенденции», глава юридического отдела НКО *InterNews Media Support* Давид Сандухчян отмечает, что «армянское законодательство все еще содержит постсоветские подходы к их (новых СМИ) регулированию, которые непригодны и неэффективны применительно к новым средствам массовой информации»[2].

Ж. Г. Багиян отмечает, что «начиная с 2010 г. происходит процесс бурного развития сетевого пространства Армении» и что «большинство журналистов и специалистов едины во мнении, что относительная свобода в сетевых СМИ Армении обусловлена»

в том числе <...> «административными трудностями при осуществлении контроля над онлайн-пространством» (2017: 76).

Исследователь также указывает на то, что «в законодательной сфере остается еще много недочетов, а «закон РА о СМИ», принятый в 2003 г., нуждается в новых поправках и изменениях, касающихся в особенности деятельности блогеров и соблюдения правовых норм в отношении деятельности электронных СМИ» (Там же). М. Р. Тадевосян также подчеркивает, что «обзор армянского законодательства демонстрирует, что нет ни одного правового акта, определяющего и регламентирующего деятельность блогов», и делает следующий вывод: «Данное обстоятельство во многом обусловлено неотрегулированностью и бесконтрольностью формирования массовых информационных потоков <...> что, в свою очередь, становится уязвимой точкой страны» (2023: 119).

Ж. Г. Багиян подчеркивает и то, что «в законе электронные СМИ упоминаются лишь в статье 3 в связи с перечислением каналов распространения» и что «отдельные упоминания о правовых нормах функционирования электронных СМИ в рамках основного закона о СМИ отсутствуют. Этот факт постоянно становился причиной активных дискуссий представителей традиционных СМИ Армении, которые неоднократно обвиняли онлайн-СМИ в плагиате и незаконном использовании авторской информации» (2017: 78). Проблема отсутствия правового регулирования блогосферы в Республике Армения освещается в работе М. Р. Тадевосян «Особенности блогинга в системе медиакоммуникаций Армении». Автор приходит к выводу о том, что «изучение вопроса о правовом регулировании блогосферы свидетельствует о назревшей необходимости правовых реформ, которые должны будут осуществляться с учетом интересов национальной безопасности страны, но без присвоения им цензурных полномочий» (2023: 119).

Республики Казахстан и Кыргызстан

Вопросам, посвященным проблемам регулирования онлайн-медиа в республиках Казахстан и Кыргызстан, со стороны медиаисследователей и специалистов в области медиаправа уделяется несколько меньше внимания. Так, отдельные проблемы правового регулирования социальных сетей рассмотрены в статье О. Ж. Ошановой «Использование социальных сетей и проблемы защиты прав детей» (2022: 95–97).

Научные труды, посвященные сравнительному анализу правового регулирования онлайн-медиа на уровне национальных законодательств в государствах постсоветского пространства, в настоящее время отсутствуют. В то же время «вопрос регулирования интернет-контента представляет собой обширное проблемное поле, которое на данный момент нуждается в теоретическом осмыслении и закреплении в юридической практике. Однако можно предположить, что работа по гармонизации законодательства стран ЕАЭС в этой сфере возможна и необходима и на национальном, и на наднациональном уровнях» (Вихрова, Горлова, 2022: 498)[3]. Одной из задач данной статьи и является восполнение указанного пробела.

Законодательное регулирование деятельности онлайн-медиа в ЕАЭС

По состоянию на второй квартал 2024 г. можно выделить следующие основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность онлайн-медиа в государствах ЕАЭС (все законы рассматриваются в актуальных редакциях):

– Российская Федерация: закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 11.03.2024)[4]; федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 12.12.2023)[5]; федеральный закон от 14.07.2022 N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (ред. от 11.03.2024)[6];

– Республика Беларусь: закон РБ «О средствах массовой информации» 427-З от 17.07.2008 г. (ред. от 30.06.2023 г.)[7] ;

– Республика Казахстан: закон РК «О масс-медиа» от 19 июня 2024 года № 93-VIII ЗРК[8]; закон РК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» от 10 июля 2023 года № 18-VIII ЗРК[9];

– Кыргызская Республика: закон КР «О средствах массовой информации» от 02.07.1992 (ред. от 09.08.2023)[10];

– Республика Армения: закон РА «О массовой информации» от 13.12.2003 г.[11]; закон РА «Об аудиовизуальных медиа» от 5 августа 2020 года №ЗР-395[12].

Проведенный анализ данных национальных законодательных актов позволяет судить о том, что на сегодняшний день законодательство государств объединения находится на различных этапах

становления с точки зрения регулирования деятельности новых медиа, которые фигурируют в документах, однако не всегда четко определены.

В Республике Беларусь закон «О средствах массовой информации» вводит в правовое поле онлайн-медиа с помощью широкого понятия «интернет-ресурсы» (см. табл. 1). Правоприменительная практика этого государства также свидетельствует о том, что под действие закона попадают телеграм-каналы, блоги в социальных сетях и страницы на видеохостингах. Во многом это можно объяснить последствиями белорусского политического кризиса 2020 г., когда основной площадкой для координации протестующих и распространения противоправного контента стали именно телеграм-каналы. В то же время в Республике Армения законодательство практически не принимает во внимание распространение онлайн-медиа как активных участников социально-политических процессов, что выражается в отсутствии релевантных определений и статей в отраслевых нормативно-правовых актах. Несмотря на то что эксперты отмечают активную медиатизацию армяно-азербайджанского конфликта, данный аспект не находит отражения в законодательстве о СМИ.

В Республике Казахстан регулирование онлайновых медиа с 2023 г. осуществляется с помощью закона «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе». Целью закона является «определение правовых основ функционирования онлайн-платформ, а также производства, размещения, распространения и хранения онлайн-рекламы, предотвращения и пресечения противоправного контента». При этом закон РК «О масс-медиа» вводит определение СМИ, в которое входят «периодическое печатное издание, теле-, радиоканал, интернет-издание» (ст. 1, п. 6), а также определение «масс-медиа», которое трактуется как «средство массовой информации и интернет-ресурс» (ст. 1, п. 20).

Российская Федерация также пошла по пути выделения онлайн-медиа в отдельный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Подчеркнем, что, хотя онлайн-медиа подпадают под действие этого нормативно-правового акта наравне с другими объектами ИКТ-инфраструктуры, во многом именно закон об информации содержит основные положения, регулирующие данную сферу. При этом действие закона «О средствах массовой информации» распространяется только

на сетевые издания, что отражено в основных понятиях, которые используются в указанных нормативно-правовых актах.

Ситуация с регулированием онлайн-медиа в Кыргызской Республике может быть охарактеризована как сложная, так как с 2022 г. в ней продолжается обсуждение профильных поправок в действующее законодательство. Подчеркнем, что действующая редакция причисляет к СМИ только «газеты, журналы, приложения к ним, альманахи, книги, бюллетени, разовые издания, предназначенные для публичного распространения, имеющие постоянное название, а также телерадиоканалы, кино- и видеостудии, аудиовизуальные записи и программы, выпускаемые государственными органами, информационными агентствами, политическими, общественными и другими организациями, частными лицами» (ст. 1). Пунктов, регулирующих деятельность онлайн-медиа, закон не содержит.

В редакции законопроекта от 9 января 2023 г. этот перечень пополнили сетевое издание, интернет-издание, блог и «иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием), включая web-сайты в общедоступных телекоммуникационных сетях (Интернет и другие)»[13]. Тем не менее по состоянию на второй квартал 2024 г. закон все еще находится в стадии доработки, поэтому ни одно из предложений, касающихся регулирования онлайн-медиа, не вступило в силу. 14 июня срок обсуждения пятой версии проекта был завершен и 9 января 2024 г. в Жогорку Кенеш (Верховный Совет РК) поступил доработанный проект закона КР «О средствах массовой информации»[14]. По поручению президента Кыргызской Республики Садыра Жапарова 13 марта 2024 г. законопроект «О средствах массовой информации» был отозван и отправлен на доработку.

Таблица 1

**Термины в законах стран ЕАЭС,
релевантные для определения онлайн-медиа**

Государство	Закон и статья	Определение
Россия	Закон РФ N 2124-1 «О средствах массовой информации», ст. 2	«Под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом.»
	ФЗ РФ N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	1) «Организатором распространения информации в сети “Интернет” является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети “Интернет”» (ст. 10.1, п. 1); 2. Сервисы обмена мгновенными сообщениями — «информационные системы и (или) программы для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для обмена электронными сообщениями исключительно между пользователями этих информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, при котором отправитель электронного сообщения определяет получателя или получателей электронного сообщения, не предусматриваются размещение пользователями сети “Интернет” общедоступной информации в сети “Интернет” и передача электронных сообщений неопределенному кругу лиц» (ст. 10.1, п. 4.2); 3) Аудиовизуальный сервис — «сайт и (или) страница сайта в сети “Интернет”, и (или) информационная система, и (или) программа для электронных вычислительных машин, которые используются для формирования и (или) организации распространения в сети “Интернет” совокупности аудиовизуальных произведений, доступ к которым предоставляется за плату и (или) при условии просмотра рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более ста тысяч пользователей сети “Интернет”, находящихся на территории Российской Федерации» (ст. 10.5, п. 1); 4) Социальная сеть — «сайт и (или) страница сайта в сети “Интернет”, и (или) информационная система, и (или) программа для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети “Интернет”, находящихся на территории Российской Федерации» (ст. 10.6, п. 1).

Окончание таблицы 1

Армения	Закон РА «О массовой информации», ст. 3, п. 2	«Сетевое средство информации — в качестве информационного ресурса, имеющего определенный адрес, доступного для неограниченного числа лиц и содержащего информацию независимо от периодичности пополнения, продолжительности времени хранения и других критериев.»
Беларусь	Закон РБ N 427-З «О средствах массовой информации», ст. 1, п. 19.1	«Сетевое издание — интернет-ресурс, прошедший государственную регистрацию в порядке, установленном настоящим Законом.»
	Закон РБ N 427-З «О средствах массовой информации», ст. 1, п. 8.1	«Интернет-ресурс – интернет-сайт, страница интернет-сайта, форум, блог, приложение для мобильного устройства, иной информационный ресурс (его составная часть), размещенный в глобальной компьютерной сети Интернет, посредством которых распространяется массовая информация.»
Казахстан	Закон РК N 451-I «О масс-медиа», ст. 1, п. 6, 22	1) «Средство массовой информации – периодическое печатное издание, теле-, радиоканал, интернет-издание» (ст. 1, п. 6) 2) «Масс-медиа – средство массовой информации и интернет-ресурс» (ст. 1, п. 22)
	Закон РК N 451-I «О масс-медиа», ст. 19, п. 1	«Интернет-изданием является интернет-ресурс, в том числе информационное агентство, прошедший процедуру постановки на учет в уполномоченном органе в качестве средства массовой информации, информационно-коммуникационная инфраструктура которого размещена на территории Республики Казахстан.»
	Закон РК N 18-VIII ЗРК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе», ст. 1	1) «Онлайн-платформа – интернет-ресурс и (или) программное обеспечение, функционирующее в сети Интернет, и (или) сервис обмена мгновенными сообщениями, предназначенные для получения, производства и (или) размещения, и (или) распространения, и (или) хранения контента на онлайн-платформе пользователем онлайн-платформы посредством созданного им аккаунта, публичного сообщества, за исключением интернет-ресурса и (или) программного обеспечения, функционирующего в сети Интернет, и (или) сервиса обмена мгновенными сообщениями, предназначенных для предоставления финансовых услуг и электронной коммерции» (ст. 1, п. 10); 2) «Сервис обмена мгновенными сообщениями — программное обеспечение, предназначенное и (или) используемое пользователями онлайн-платформы для обмена мгновенными сообщениями либо их передачи конкретно определенному лицу (определенным лицам) в режиме реального времени с использованием сетей телекоммуникаций, за исключением программного обеспечения, предназначенного для предоставления финансовых услуг и электронной коммерции» (ст. 1, п. 7).
Кыргызстан	–	Действующие редакции отраслевых законов не содержат релевантных определений.

Таким образом, можно выделить несколько основных стратегий в части введения нового терминологического аппарата в сфере регулирования онлайн-медиа в странах ЕАЭС (см. табл. 1). Так, законы Республики Беларусь и Республики Армения используют достаточно широкие определения, включающие в себя различные платформы и сервисы. При этом в Российской Федерации вводят в правовое поле отдельные термины по мере появления релевантных платформ и субъектов, нуждающихся в регулировании (социальных сетей, мессенджеров, аудиовизуальных сервисов и др.).

Промежуточной можно назвать тенденцию в законодательстве Республики Казахстан, где в 2023 г. закон «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» ввел в правовое поле такие понятия, как «онлайн-платформа» и «сервис обмена мгновенными сообщениями», а в июне 2024 г. президент Республики Казахстан подписал Закон РК № 451-I «О масс-медиа» (вступ. в силу с августа 2024 г., отдельные пункты — с 1 января 2025 г.). В нем закрепляется термин «масс-медиа», включающий в себя и СМИ, и интернет-ресурсы, однако не содержится пояснений, что конкретно относится к интернет-ресурсам. При этом появляется термин «интернет-издание» — зарегистрированный в качестве СМИ интернет-ресурс. Также промежуточной можно назвать позицию Кыргызской Республики, в которой в одной из версий законопроекта «О средствах массовой информации» вводилось широкое понятие вебсайта, но при этом также выделялись в качестве отдельной категории блоги.

Таким образом, можно сделать вывод, что ни один рассмотренный законодательный акт не содержит комплексного определения онлайн-медиа, терминологически закрепляются только их отдельные виды: сайты, мессенджеры, аудиовизуальные сервисы и т. д. В этом отношении определение «интернет-ресурс», которое фигурирует в некоторых документах, также нельзя назвать исчерпывающим, так как оно или образовано путем перечисления отдельных медиа и не содержит родовых признаков, или не поясняется вообще (например, как в законе РК «О масс-медиа»).

Отдельно стоит отметить неравномерно развивающееся закрепление правового статуса блогеров в государствах – участниках ЕАЭС, что также проявляется на терминологическом уровне (см. табл. 2).

Таблица 2

Правовой статус блогеров и инфлюенсеров

Государство	Закон и статья	Определение
Россия	–	Действующие редакции отраслевых законов не содержат релевантных определений
Армения	Закон РА «О массовой информации», ст. 3, п. 3	«Лицо, осуществляющее информационную деятельность – юридическое или физическое лицо, в том числе и индивидуальный предприниматель, которое распространяет средство информации от своего имени»
Беларусь	Закон РБ N 427-З «О средствах массовой информации», ст. 1, п. 8.1	«Интернет-ресурс – интернет-сайт, страница интернет-сайта, форум, блог, приложение для мобильного устройства, иной информационный ресурс (его составная часть), размещенный в глобальной компьютерной сети Интернет, посредством которых распространяется массовая информация.»
Казахстан	Закон РК N 18-VIII ЗРК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе», ст. 1, п. 6	«Инфлюенсер (блогер) — пользователь онлайн-платформы, публикующий информацию на онлайн-платформе, адресованную неопределенному кругу лиц, в целях предпринимательской деятельности»
Кыргызстан	–	Действующие редакции отраслевых законов не содержат релевантных определений

Наиболее определенной в части закрепления правового статуса блогеров можно назвать ситуацию в Республике Казахстан, где законодательно закреплено понятие «инфлюенсер (блогер)». В то же время термин определяется исходя из принадлежности к предпринимательской деятельности, т. е. лицо, которое распространяет информацию на некоммерческих основаниях, может не попадать под это определение вне зависимости от характера публикуемого контента. В Республике Беларусь блоги входят в определение «интернет-ресурс», следовательно, блогеров технически можно назвать «владельцами интернет-ресурсов», деятельность которых регулирует закон РБ «О средствах массовой информации». Нормативно-правовые акты России не фиксируют понятие «блогер», хотя на законодательном уровне предпринимались и предпринимаются попытки урегулирования данной сферы. В Кыргызской Республике в профильный законопроект также были внесены предложения по определению блогов и урегулированию их работы, однако уже из следующей редакции они

были исключены. Закон Республики Армения вводит понятие «лицо, осуществляющее информационную деятельность», которое может подразумевать и блогера, однако остается слишком широким и не подразумевает определения конкретных прав и обязанностей.

Таким образом, статус блогеров регламентируется отдельными пунктами законодательства только в Республике Казахстан, при этом на них полностью распространяется действие ст. 16 «Права и обязанности пользователей» закона «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе». Примечательно, что ст. 17 данного закона указывает на то, что «инфлюенсер (блогер) имеет права и несет обязанности, установленные статьей 16 настоящего Закона» (п. 1), а также на то, что «инфлюенсер (блогер) осуществляет свою предпринимательскую деятельность на территории Республики Казахстан в соответствии с законодательством Республики Казахстан» (с. 2).

Еще одним аспектом правового закрепления деятельности онлайн-медиа можно считать ограничение доли иностранного участия. Результаты анализа законодательства на предмет того, как в различных нормативно-правовых актах обозначен этот аспект, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Ограничение доли иностранного участия в учреждении и деятельности онлайн-медиа

Государство	Закон и статья	Требования закона
Россия	Закон РФ N 2124-1 «О средствах массовой информации», ст. 19.1	«Иностранное государство, международная организация, а также находящаяся под их контролем организация, иностранное юридическое лицо, российское юридическое лицо, доля иностранного участия в уставном капитале которого составляет более 20 процентов, иностранный гражданин, лицо без гражданства, гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство другого государства» не вправе осуществлять владение, управление, прямой и косвенный контроль более чем 20 процентов долей (акций) учредителя СМИ или редакции.
	ФЗ РФ N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ст. 10.5, п. 7	Если количество пользователей аудиовизуального сервиса на территории РФ составляет менее 50 процентов от общего количества его пользователей, иностранные государства, юрлица, российские юридические лица с иностранным участием и др. «вправе осуществлять владение, управление либо контроль прямо или косвенно в отношении более чем двадцати процентов долей (акций) в уставном капитале владельца аудиовизуального сервиса при условии согласования указанных владения, управления либо контроля с правительственной комиссией.»

Окончание таблицы 3

Армения	Закон РА «Об аудиовизуальных сервисах», ст. 15, п. 1	«При учреждении (создании) Вещателей или после этого часть участия иностранного капитала не должна составлять пятьдесят процентов или более пятидесяти процентов долей, необходимых для принятия данной организацией решений, если иное не предусмотрено международным договором.»
Беларусь	Закон РБ N 427-З «О средствах массовой информации», ст. 10, п. 3.5-3.6	«Не могут выступать в качестве учредителя средства массовой информации: <...> иностранное юридическое лицо, а также иностранный гражданин и лицо без гражданства; юридическое лицо, акциями, долей (долями) в уставном фонде которого в размере 20 и более процентов прямо или косвенно (через другие организации и (или) физических лиц) владеют каждый в отдельности или в совокупности иностранное государство, иностранное и (или) международное юридическое лицо (организация, не являющаяся юридическим лицом), иностранный гражданин, лицо без гражданства, за исключением случаев, когда учредителями такого юридического лица являются иностранные государства совместно с Республикой Беларусь.»
Казахстан	Закон РК N 451-I «О масс-медиа», ст. 15, п. 2	«Запрещается иностранцам и иностранным юридическим лицам, лицам без гражданства прямо и (или) косвенно владеть, пользоваться, распоряжаться и (или) управлять более 20 процентами акций (долей участия в уставном капитале, паев) юридического лица – собственника средства массовой информации в Республике Казахстан или юридического лица, осуществляющего деятельность в этой области.»
Кыргызстан	Закон КР N 938-XII «О средствах массовой информации», ст. 5	«Средства массовой информации телерадиоорганизации могут быть учреждены и осуществлять свою деятельность только в случае принадлежности гражданам Кыргызской Республики и (или) юридическим лицам, не имеющим иностранного участия не менее 65 процентов акций (долей) в уставном капитале юридического лица — собственника средства массовой информации, осуществляющего телерадиовещание.»

Ограничения на участие иностранных граждан в учреждении СМИ (включая сетевые издания) закреплены в законодательстве России, Казахстана и Беларуси: возможное иностранное участие ограничивается 20 процентами в уставном капитале. В Кыргызской Республике ограничение распространяется на собственников средств массовой информации, осуществляющих телерадиовеща-

ние, относительно СМИ в целом ограничение не устанавливается. Аналогично законодательство Армении устанавливает ограничение 50 процентов на иностранное участие при создании частных вещательных компаний и мультиплексов, в отношении СМИ в целом это не зафиксировано. Отдельно необходимо подчеркнуть, что все рассмотренные государства регулируют распространение продукции иностранных СМИ, что, как правило, выражается в наличии требований по специальной регистрации и лицензированию. В то же время стоит отметить, что подобное единство характерно для сферы «традиционных» медиа, при этом онлайн-медиа — вследствие отсутствия единства требований к их регулированию в законодательстве стран — попадают под данные меры в различной степени. Тем не менее применительно к онлайн-медиа ограничения действуют только в части некоторых аудио-визуальных сервисов в России. В остальном иностранное участие регулируется в отношении «традиционных» СМИ, включая зарегистрированные как СМИ интернет-издания (например, в Казахстане и Беларуси).

В Российской Федерации при этом действуют ограничения на деятельность иностранных агентов, которые распространяются и на онлайн-медиа. Данные нормы зафиксированы в Федеральном законе от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»[15]. Так, в реестр иноагентов попадают и «традиционные» СМИ (например, сетевые издания), и другие электронные ресурсы: незарегистрированные как СМИ сайты, каналы в мессендежере *Telegram*, сообщества в социальных сетях и т. д.[16] В Республике Беларусь также существует республиканский список экстремистских материалов, в который попадают различные медиаресурсы, запрещенные к распространению, включая телеграм-каналы, сайты, страницы на видеохостингах и в социальных сетях[17].

Заключение

Таким образом, по состоянию на II квартал 2024 г. можно сформулировать следующие предложения по гармонизации анализируемого отраслевого законодательства. Во-первых, необходима работа по гармонизации понятийного аппарата в сфере онлайн-медиа. Так, например, законодательство рассмотренных стран не содержит понятий, адекватных явлению онлайн-медиа, в связи с чем представляется целесообразным введение обобщающего

термина и закрепление его в правоприменительной практике государств ЕАЭС. Также в существующих реалиях все больший вес приобретают блогеры, чей правовой статус сегодня закреплен (хотя и с оговорками) только в Республике Казахстан. Приведение терминологической базы к общим значениям возможно на основе соответствующих глоссариев, разработанных при участии экспертной группы, сформированной из представителей национальных научных сообществ и представителей различных сегментов медиаиндустрии, что позволило бы учесть необходимые аспекты существующей правоприменительной практики государств. Во-вторых, следует обратить внимание на регулирование иностранного влияния в области функционирующих на национальных и международных рынках онлайн-медиа, что на данный момент лишь в некоторой степени рассматривается отраслевым законодательством. Прежде всего, представляется целесообразной гармонизация подходов к вопросу иностранного участия, что приобретает особое значение в контексте международного взаимодействия в рамках ЕАЭС и подразумевает совместное участие государств в формировании информационного пространства объединения.

Примечания

[1] XI Петербургский международный юридический форум, 13 мая 2023 года. Правовое регулирование интернет-журналистики. Режим доступа https://www.youtube.com/watch?v=IiqOTTtDMeI (дата обращения 31.05.2024).

[2] *Сандухчян Д.* Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Регулирование деятельности новых СМИ в Армении: действующие нормы и тенденции. Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/19501.pdf (дата обращения 30.05.2024).

[3] Необходимо отметить, что правовая база для формирования соответствующего наднационального законодательства в ЕАЭС по состоянию на 2024 год также отсутствует.

[4] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения 30.05.2024).

[5] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 30.05.2024).

[6] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения 30.05.2024).

[7] Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427 (дата обращения 30.05.2024).

[8] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093 (дата обращения 02.08.2024).

[9] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018 (дата обращения 31.05.2024).

[10] Режим доступа: http://minjust.gov.kg/ru/content/38 (дата обращения 31.05.2024).

[11] Режим доступа: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1890&sel=show&lang=rus (дата обращения 31.05.2024).

[12] Режим доступа: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7300&lang=rus (дата обращения 31.05.2024).

[13] Режим доступа: https://media.kg/wp-content/uploads/2023/02/proekt-zakona-kyrgyzskoj-respubliki-o-sredstvah-massovoj-informaczii.-dorabotannyj-variant-na-9-yanvarya-2023-g..pdf (дата обращения 30.05.2024).

[14] Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. Режим доступа: https://old.kenesh.kg/ru/draftlaw/645473/show (дата обращения 30.05.2024).

[15] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения 30.05.2024).

[16] Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/ (дата обращения 30.05.2024).

[17] Режим доступа: http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/ (дата обращения 30.05.2024).

Библиография

Багиян Ж. Г. Онлайн-СМИ в медиасистеме Армении // Меди@льманах. 2017. № 6 (83). С. 71–88. Режим доступа: http://www.mediaalmanah.ru/files/83/504.php (дата обращения: 30.05.2024).

Вихрова О. Ю., Горлова Я. С. Гармонизация законодательства о СМИ в странах Евразийского экономического союза как фактор информационной безопасности // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 489–508.

Градюшко А. А. СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования // Личность – слово – социум: мат. 6-ой Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2006 г. / отв. ред. *В. В. Фалалеев*. Минск: Паркус плюс, 2006. С. 23–28.

Грищенко Г. А. Подходы к правовому регулированию блогосферы в российском законодательстве // Вестн. ун-та имени О. Е. Кутафина. 2022. № 4 (92). С. 127–135.

Гуреева А. Н., Самородова Э. В. Медиарегулирование в России: изменения медиаполитики в условиях трансформации общественных практик // Медиаскоп. 2019. Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2596 (дата обращения: 29.05.2014).

Зеленова Е. В., Гусарова М. Е. Правовое регулирование блогосферы: опыт и перспективы // Право и государство. 2021. № 6. С. 193–195.

Минбалеев А. В. Проблемы правового регулирования Интернет-СМИ // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер.: Право. 2010. № 5 (181). С. 91–100.

Морозов С. С. Проблемы правового регулирования интернет-СМИ в Российской Федерации в 2021 году // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 541–547.

Мухачёв С. В. Особенности правового регулирования блогосферы // Вестн. Уральск. юридического ин-та МВД России. 2015. № 1. С. 20–23.

Ошанова О. Ж. Использование социальных сетей и проблемы защиты прав детей // Вестн. КазНУ. Сер.: Журналистика. 2022. Т. 63, № 1. С. 87–95. Режим доступа: https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder1206/%D0%9E%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9E.%20%D0%9A%D0%9A%D0%A1%D0%9E%D0%9D%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%202022.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

Панкеев И. А., Тимофеев А. А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 231–246.

Погорельская Т. А. Правовое регулирование деятельности интернет-СМИ // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 2 (29). С. 531–535.

Романченко А. Ю. Развитие сетевых СМИ и их правовое регулирование в РФ // Информационное общество. 2000. № 4. С. 28–30. Режим доступа: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/18335aa703ca5fc8c32569eb0036adc5 (дата обращения: 30.05.2024).

Соколова М. Белорусские медиа-онлайн: аудитория, структура, законодательство и регулирование // Белорусский ежегодник. 2009. № 1. С. 155-167.

Тадевосян М. Р. Особенности блогинга в системе медиакоммуникаций Армении // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2023. № 22 (6). С. 116–146.

Фатьянов А. А., Саранчук Ю. М., Юскова Л. Б. Правовое регулирование регистрации и деятельности электронных средств массовой информации в сети «Интернет» // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 1. С. 101–107.

Notes

XI Peterburgskiy mezhdunarodnyy yuridicheskiy forum, 13 maya 2023 goda. Pravovoe regulirovanie internet-zhurnalistiki [XI St. Petersburg International Legal Forum, May 13, 2023. Legal regulation of online journalism]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=IiqOTTtDMeI (accessed: 31.05.2024).

Sandukhchyan D. *Organizatsiya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. Regulirovanie deyatel'nosti novykh SMI v Armenii: deystvuyushchie normy i tendentsii* [Organization for Security and Co-operation in Europe. Regulation of new media in Armenia: current norms and trends]. Available at: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/19501.pdf (accessed: 30.05.2024).

Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (accessed: 30.05.2024).

Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: 30.05.2024).

Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (accessed: 30.05.2024).

Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427 (accessed: 30.05.2024).

Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000451_ (accessed: 31.05.2024).

Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018 (accessed: 02.05.2024).
Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093 (accessed: 02.08.2024).
Available at: http://minjust.gov.kg/ru/content/38 (accessed: 02.05.2024).
Available at: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1890&sel=show&lang=rus (accessed: 02.05.2024).
Available at: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7300&lang=rus (accessed: 02.05.2024).
Available at: https://media.kg/wp-content/uploads/2023/02/proekt-zakona-kyrgyzskoj-respubliki-o-sredstvah-massovoj-informaczii.-dorabotannyj-variant-na-9-yanvarya-2023-g..pdf (accessed: 30.05.2024).
The Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic. Available at: https://old.kenesh.kg/ru/draftlaw/645473/show (accessed: 30.05.2024).
Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (accessed: 30.05.2024).
Available at: https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/ (accessed: 30.05.2024).
Available at: http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/ (accessed: 30.05.2024).

References

Bagiyan Zh. G. (2017) Onlayn-SMI v mediasisteme Armenii [Online media in the media system of Armenia]. *Medi@l'manakh* 6 (83): 71–88. Available at: http://www.mediaalmanah.ru/files/83/504.php (accessed: 30.05.2024). (In Russian)

Fat'yanov A. A., Saranchuk Yu. M., Yuskova L. B. (2014) Pravovoe regulirovanie registratsii i deyatel'nosti elektronnykh sredstv massovoy informatsii v seti «Internet» [Legal regulation of registration and activity of electronic mass media on the Internet]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* 1: 101–107. (In Russian)

Gradyushko A. A. (2006) SMI i Internet: problemy pravovogo regulirovaniya [Mass media and the Internet: problems of legal regulation]. In V. V. Falaleev (ed.) *Lichnost' – slovo – sotsium: materialy 6-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19–20 aprelya 2006 g.* [Personality – word – society: materials of the 6th International Scientific and Practical Conference, April 19–20, 2006]. Minsk: Parkus plyus Publ., 2006. Pp. 23–28. (In Russian)

Grishchenko G. A. (2022) Podkhody k pravovomu regulirovaniyu blogosfery v rossiyskom zakonodatel'stve [Approaches to the legal regulation of the blogosphere in Russian legislation]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* 4 (92): 127–135. (In Russian)

Gureeva A. N., Samorodova E. V. (2019) Mediaregulirovanie v Rossii: izmeneniya mediapolitiki v usloviyakh transformatsii obshchestvennykh praktik [Media regulation in Russia: changes in media policy under transformation of social practices]. *Mediascope* 4. Available at: http://www.mediascope.ru/2596 (accessed: 29.05.2014). (In Russian)

Minbaleev A. V. (2010) Problemy pravovogo regulirovaniya Internet-SMI [Problems of legal regulation of Internet media]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* 5 (181): 91–100. (In Russian)

Morozov S. S. (2021) Problemy pravovogo regulirovaniya internet-SMI v Rossiyskoy Federatsii v 2021 godu [Problems of legal regulation of Internet media in the Russian Federation in 2021]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* 12: 541–547. (In Russian)

Mukhachev S. V. (2015) Osobennosti pravovogo regulirovaniya blogosfery [Specificities of legal regulation of the blogosphere]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* 1: 20–23. (In Russian)

Oshanova O. Zh. (2022) Ispol'zovanie sotsial'nykh setey i problemy zashchity prav detey [The use of social networks and the problems of protecting children's rights] *Vestnik KazNU. Seriya zhurnalistika* 63 (1): 87–95. Available at: https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder1206/%D0%9E%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9E.%20%D0%9A%D0%9A%D0%A1%D0%9E%D0%9D%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%202022.pdf (accessed: 31.05.2024)

Pankeev I. A., Timofeev A. A. (2020) Tendentsii gosudarstvennogo regulirovaniya rossiyskikh SMI: pravovoy aspekt [Trends in state regulation of Russian mass media: a legal aspect]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 9 (2): 231–246. (In Russian)

Pogorel'skaya T. A. (2019) Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti internet-SMI [Legal regulation of online media activities]. *Alleya nauki* 2 (29): 531–535. (In Russian)

Romanchenko A. Yu. (2000) Razvitie setevykh SMI i ikh pravovoe regulirovanie v RF [The development of online media and their legal regulation in the Russian Federation]. *Informatsionnoe obshchestvo* 4: 28–30. Available at: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/18335aa703ca5fc8c32569eb0036adc5 (accessed: 30.05.2024)

Sokolova M. (2009) Belorusskie media-onlayn: auditoriya, struktura, zakonodatel'stvo i regulirovanie [Belarusian media online: audience, structure, legislation and regulation]. *Belorusskiy ezhegodnik* 1. (In Russian)

Tadevosyan M. R. (2023) Osobennosti bloginga v sisteme mediakommunikatsiy Armenii [Features of blogging in the media communication system of Armenia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* 22 (6): 116–146. (In Russian)

Vikhrova O. Yu., Gorlova I. S. (2022) Garmonizatsiya zakonodatel'stva o SMI v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza kak faktor informatsionnoy bezopasnosti [Harmonization of media legislation in the countries of the Eurasian Economic Union as a factor of information security]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 11 (3): 489–508. (In Russian)

Zelenova E. V., Gusarova M. E. (2021) Pravovoe regulirovanie blogosfery: opyt i perspektivy [Legal regulation of the blogosphere: experience and prospects]. *Pravo i gosudarstvo* 6: 193–195. (In Russian)

Поступила в редакцию
17.06.2024

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Курдин Юрий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий сектором проектно-исследовательской деятельности Центральной городской библиотеки имени А. М. Горького, г. Арзамас, Нижегородская область, Россия; e-mail: yukurdin@mail.ru, ORCID 0000-0002-5652-487X

Панов Александр Ростиславович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, г. Арзамас, Нижегородская область, Россия; e-mail: panov_alexandr@mail.ru, ORCID 0000-0001-5432-5239

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений, факультет политологии МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры сравнительной политологии, факультет гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия; e-mail: jants@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6949-2256

ВОПРОС О ПРИСОЕДИНЕНИИ ТАШКЕНТА К РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ГОЛОС» (1865–1866 гг.)

В статье рассматриваются материалы газеты «Голос», а именно – статьи за 1865–1866 гг., касающиеся событий в Средней Азии, где летом 1865 г. отрядом генерала М. Г. Черняева был захвачен Ташкент. Перед российским правительством встала проблема, что делать с Ташкентом и окрестными территориями, поскольку присоединение их к Российской империи грозило внешнеполитическими осложнениями, с одной стороны, и не сулило явных материальных выгод – с другой. Газета либеральной направленности «Голос» оказалась активным участником этой дискуссии, вышедшей за пределы узкого обсуждения в правительственных верхах. Анализ публикаций позволяет проследить, как менялось мнение редакции: если поначалу издатель ратовал за сохранение независимости Ташкента, то после сделанного газете предостережения тон суждений резко поменялся и «Голос» стал поддерживать курс на включение среднеазиатских земель в состав России, что и произошло в августе 1866 г.

***Ключевые слова**: газета «Голос», М. Г. Черняев, Туркестанская область, Ташкент, 1865–1866 гг., присоединение Средней Азии к Российской империи.*

Как цитировать: *Курдин Ю. А., Панов А. Р., Ширинянц А. А.* Вопрос о присоединении Ташкента к России на страницах газеты «Голос» (1865–1866 гг.)// Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 71–91. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.7191

Yuriy A. Kurdin, PhD in Philology, Head of the Sector of Design and Research Activities of A. M. Gorky Central City Library, Arzamas, Nizhny Novgorod region, Russia; e-mail: yukurdin@mail.ru, ORCID 0000-0002-5652-487X

Aleksandr R. Panov, Doctor of Historical Science, Head of the Department of History, Social Sciences and Law of Arzamas branch of State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Nizhny Novgorod region, Russia; e-mail: panov_alexandr@mail.ru, ORCID 0000-0001-5432-5239

Aleksandr A. Shirinyants, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of History of Social and Political Doctrines of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: jants@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6949-2256

THE PROBLEM OF TASHKENT'S INCORPORATION INTO RUSSIA IN THE NEWSPAPER "GOLOS" (1865–1866)

The article examines the materials of the newspaper "Golos", namely, articles for 1865–1866 concerning events in Central Asia, where in the summer of 1865 Tashkent was captured. This presented the Russian government with the problem, since the annexation of city and adjacent lands threatened foreign policy complications and did not promise obvious material benefits. The liberal newspaper "Golos" was a participant in this discussion. An analysis of the publications allows us to trace how the editors' opinion changed: at first the publisher advocated for maintaining the independence of Tashkent, but after a warning was given to the newspaper, the tone of judgment changed sharply, and "Golos" began to support the course of incorporating Central Asian lands into Russian Empire, which was officially carried out in 1866.

***Key words**: newspaper "Golos", M. G. Chernyaev, Turkestan region, Tashkent, 1865–1866, incorporation of Central Asia into Russian Empire.*

To cite this article: Kurdin Yu. A., Panov A. R., Shirinyants A. A. (2024) Vopros o prisoedinenii Tashkenta k Rossii na stranitsakh gazety "Golos" (1865–1866) [The problem of Tashkent's incorporation into Russia in the newspaper "Golos" (1865–1866)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistik*a 4: 71–91. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.7191

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.7191

Введение

В середине 1860-х гг. Россия достигла своего исторического максимума по площади территории, что произошло благодаря присоединению к империи Ташкента и прилегающих земель. Впрочем, целесообразность данного решения на тот момент была

отнюдь не бесспорна. Так, в Министерстве иностранных дел высказывались против продвижения в Среднюю Азию, поскольку это грозило ухудшением отношений с имевшей здесь свои интересы Великобританией, а также неминуемым втягиванием России в постоянные конфликты в регионе и отвлечением российской администрации от решения вопросов внутренней политики (Васильев, 2017: 75). С другой стороны, действовавший здесь генерал М. Г. Черняев (см. Черняев, 2017; Курдин, Панов, Ширинянц, 2022), силами которого и был захвачен Ташкент, ратовал за присоединение к Российской империи этого стратегически важного пункта (Масов, Дубовицкий, 2014: 77). Даже после того, как местные жители выразили желание стать подданными российского императора, вопрос присоединения новоприобретенных земель несколько месяцев оставался открытым.

Постановка проблемы

Предмет данного исследования ограничен узким хронологическим интервалом – 1865–1866 гг., когда ташкентский вопрос приобрел небывалую остроту, а сам город стал камнем преткновения в отношениях России с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом, не говоря уже о Великобритании, внимательно следившей за тем, что происходит на подступах к ее индийским владениям.

Интерес здесь представляет не только обсуждение проблемы в правительственных верхах, но и изучение общественного мнения, основным выразителем которого стала пресса. Именно 1860-е гг. отмечены в России газетным бумом: с этого времени наблюдается устойчивый количественный рост печати, который повлек за собой повышение идейно-политического значения газет, усиление их воздействия на читателя (Есин, 1983: 29). В прессе высказывались разные точки зрения относительно ситуации в Средней Азии и дальнейших шагов России, причем разброс мнений был довольно велик (см. Мамадалиев, 2015).

Цель работы – определить, какую позицию в данном вопросе занимала газета «Голос». Задачи же исследования заключаются в выяснении источников информации издания по ситуации в Средней Азии, выделении оценочных суждений редакции в контексте полемики. Анализ газетных публикаций, базирующийся на историко-системном подходе, позволяет рассматривать разнородные по содержанию статьи как выражение единой, хотя и менявшейся

с течением времени точки зрения редакции на проблему целесообразности внешнеполитической экспансии Российской империи в Азии.

А. А. Краевский и газета «Голос»

Газета «Голос», выходившая в Петербурге, была одной из наиболее значимых российских общественно-политических газет в 1860–1870-х гг. Споры о ее редакторе А. А. Краевском идут до сих пор (см. Громова, 2001; Олейников, 2007; Волошина, 2022). Но нам он важен не как представитель «официальной народности» в 1830–1840-е гг. или либерал в 1860–1870-е, не как представитель «торговой школы журналистики», «коммерциализатор печати», «эксплуататор» авторов и пр., а как редактор-издатель «Голоса». Заслуги А. А. Краевского в развитии российской периодической печати признавали уже современники, удостоившие его эпитета «Нестор журналистики» и называвшие его основателем политической печати в России[1].

К 1863 г., когда начал выходить «Голос», у Краевского имелся солидный опыт работы в других изданиях – «Русском инвалиде» и «Санкт-Петербургских ведомостях». Газета «Голос» начала набирать популярность, и ее тиражи росли быстрыми темпами. Оценки издания современниками сильно различались. Представление о «Голосе» как сугубо проправительственном печатном органе, получавшем государственные субсидии, сложилось среди представителей консервативного политического лагеря уже в 1860-е гг. Более поздние исследователи солидаризировались в идентификации «Голоса» как издания либерального направления, однако характер этого либерализма воспринимался неоднозначно. Многие авторы, особенно советского времени, были склонны оценивать либерализм газеты как показной: особенно критично был настроен А. Н. Степанов, называвший публикации «Голоса» выражением «подлого либерализма» и «предательства по отношению к русскому народу» (1972: 147–148). Не столь резко отзываются о позиции редакции А. А. Зайцева и В. И. Чернуха, однако и они считают, что «Голос» был газетой либеральной бюрократии (Зайцева, 1985: 22) и его деятельность можно охарактеризовать как верноподданнический либерализм (Чернуха, 1989: 111). Вопрос о степени оппозиционности издания осложняется тем, что за годы его существования отношения А. А. Краевского с власть имущими складывались

по-разному. «Голос» действительно поначалу получал поддержку, в том числе и финансовую, от Министерства народного просвещения, возглавляемого А. В. Головниным, однако в 1865–1866 гг. газета стала подвергаться нападкам со стороны МВД и лишилась финансирования, что сделало ее более самостоятельной (Балашова, 2022: 20–21). В силу этого направленность суждений могла меняться, однако не подлежит сомнению заметная роль издания в формировании общественного мнения в России времени «Великих реформ». Из современных специалистов наиболее детально изучением деятельности «Голоса» занимается А. В. Луночкин (1995; 1996; 2001). По его мнению, «Голос» являлся одним из ведущих изданий умеренно-либерального направления и пройденный газетой за два десятилетия путь можно оценить как переход от безоглядной поддержки правительства к поддержке лагеря оппозиции (1995: 17). В рамках обозначенной темы важно, что газета старалась держать своих читателей в курсе событий в Средней Азии и по ее публикациям можно проследить, как менялось восприятие ташкентской проблемы: соответствующий настрой транслировался на читательскую аудиторию издания.

Общее количество публикаций газеты по среднеазиатской тематике, включая новостные заметки, довольно велико: за 1865–1866 гг. их насчитывается более 30. К сожалению, авторство отдельных статей установить невозможно (они не подписаны), даже в работе В. О. Михневича, подготовленной к 15-летию издания, приводится лишь общий список сотрудников газеты и «внештатных» авторов без указания конкретных статей (1878: 3–11). Однако поскольку в 1860-е гг. А. А. Краевский сам редактировал газету (Грибановская, 2017: 57), то можно предположить, что статьи, в первую очередь передовицы, соответствовали его представлениям о требуемой направленности газетных материалов.

Взятие Ташкента и оценка перспектив развития ситуации в публикациях «Голоса» за 1865 г.

Уже в одном из первых номеров 1865 г. был помещен рассказ о подвиге уральских казаков[2]. Автором заметки был генерал М. Г. Черняев – командир Особого западносибирского отряда, отправленного в Среднюю Азию. Вскоре именно он станет главным героем среднеазиатской кампании. Оригинальная статья под названием «Геройский подвиг уральских казаков», опубликованая

в газете военного министерства «Русский инвалид», была посвящена столкновению казачьей сотни с кокандскими войсками, произошедшему в декабре 1864 г. близ селения Икан.

Более оригинальная информация по среднеазиатским делам, помеченная как корреспонденция «Голоса», появилась в номере от 17 февраля (1 марта) 1865 г. Формальным поводом к ее написанию стал критический разбор статьи Николая Северцова «Месяц плена у кокандцев», опубликованной еще в 1859 г., так что очевидно, что на размышления о прошлом, настоящем и будущем Туркестана автора натолкнула не давно вышедшая статья, а разворачивавшиеся события. В частности, здесь высказывается мысль, что эта местность «с занятием теперь русскими войсками, ожидает от нас лучших порядков и правильной организации, и сулит нам возвращение прежних затрат на Сыр-Дарье и несметные богатства в будущем»[3].

Следующий материал о возобновлении военных действий в Средней Азии был позаимствован из «Русского инвалида». В номере от 28 мая (9 июня) было сообщено о телеграмме из Оренбурга, согласно которой генерал Черняев выдвинулся с отрядом из Чимкента к Ташкенту[4].

24 июня (6 июля) газета разразилась передовицей, посвященной тому, как оценивать происходящее в Средней Азии. Поводом послужила серия публикаций в иностранной, прежде всего английской прессе, где о продвижении русских в глубь среднеазиатского региона сообщалось в несколько снисходительном духе, как о чем-то неизбежном, но не представляющем угрозы интересам Великобритании на Востоке. В частности, дается ссылка на статью в *Times*, в которой заявляется, что «расточительною тратою людей и денег царская власть может утвердиться, но это будет власть всегда слабая». Журналист, представляющий точку зрения редакции «Голоса», предостерегает от подобных экспансионистских утверждений, от кого бы они ни исходили, и солидаризируется с позицией, выраженной российской газетой *Journal de St.-Petersbourg*. Последняя издавалась на французском языке и воспринималась как печатный орган российского Министерства иностранных дел, обращенный к европейской публике. По оценке *Journal de St.-Petersbourg*, Россия открыто и безвозвратно отказалась от присоединений, борьбы и завоеваний, «в том убеждении, что ей ни к чему тратить понапрасну в этих дальних и бесплодных походах силы и ресурсы, которые она с большей пользой может употребить на своей собственной почве». В «Голосе» подхватывают и раз-

вивают данную идею, и перспектива присоединения новых территорий оценивается с экономической точки зрения: «Все расходы по управлению провинциями, находящимися в русской зависимости, должны с избытком покрываться из местных источников; если же <...> мы этого сделать не можем, то лучше, отказавшись на время от подобных владений, заняться колонизацией и цивилизацией близких нам стран – Кавказа и Крыма»[5]. Автор статьи утверждает, что захват кокандских земель доставит больше хлопот, чем выгод, и оценивает материал *Journal de St.-Petersbourg* как надежное ручательство того, что «наша политика в Средней Азии не вступит на путь завоеваний»[6].

Информация о захвате Ташкента была опубликована с более чем месячным запозданием, 19 (31) июля[7], – со ссылкой на «Русский инвалид», который, в свою очередь, опирался на телеграмму из Оренбурга от 13 (25) июля. На следующий день читатели могли ознакомиться с подробностями произошедшего. Цель действий России на этом направлении была недвусмысленно определена – предотвращение исходящих оттуда набегов. Что же касается Ташкента, то акция генерала Черняева изображена как оказание горожанам помощи в том, чтобы выбить засевший там кокандский гарнизон и не допустить проникновения бухарцев. Дальнейшие перспективы оценивались следующим образом: «Дав независимость городу, население которого отличается промышленностью и торговлей, дело России, не нуждающейся в его присоединении к своим владениям, будет отныне заключаться в заботах об охранении спокойствия и в обеспечении своих торговых сношений со Средней Азией»[8]. Тем самым вступление отряда Черняева в Ташкент рисовалось исключительно как временная мера.

Новые подробности о взятии Ташкента и действиях генерала Черняева последовали во второй половине августа, и наибольший интерес представляют рассуждения по поводу причин активизации русской политики и перспектив развития ситуации. В захвате Ташкента, по мнению автора заметки, сыграли роль два фактора: экономический, заключавшийся в резком сокращении торговых связей города с Россией, и более важный политический – угроза того, что горожане, видя нежелание русских помочь им избавиться от кокандского гарнизона, призвали бы эмира Бухары, что означало подчинение Ташкента власти бухарцев. Журналист «Голоса» видит дальнейшие цели России в том, чтобы «упрочить независимость и самостоятельность Ташкента, очистить этот город и,

оставаясь в своих границах, сохранить с ним взаимные торговые сношения, которые укрепят за нами влияние на Среднюю Азию прочнее всяких завоеваний силой оружия»[9].

В сентябре 1865 г. «Голос» познакомил своих читателей с положением об управлении Туркестанской областью[10], которая была образована еще в феврале, но судьба Ташкента на тот момент оставалась неопределенной. 10 (22) сентября газета вернулась к среднеазиатской проблематике, посвятив ей передовицу номера. Исходный посыл – утверждение об изобилии и даже излишестве земли, входящей в состав России, так что громадные расстояния вкупе с редким народонаселением препятствуют экономическому развитию страны[11]. Далее внимание автора концентрируется на Туркестанской области, которая получила временно-военное управление, однако без точного определения границ. По мнению журналиста, эта «полудикая страна», населенная преимущественно кочующими народами, едва ли сможет получить гражданское управление, подобно русским губерниям, а военное потребует больших расходов. Единственным положительным следствием закрепления здесь русских автор считает облегчение торговых контактов со Средней Азией, однако «мирная по самому существу своему торговля, – говорится в заметке, – не ладится с военным управлением»[12], что подтверждается многочисленными примерами. Статья закачивается открытым вопросом: «Временно это устройство будет военное, а потом?..»[13].

Следующая передовица, где речь заходит о Средней Азии, – в номере от 19 сентября (1 октября), открывающемся рассуждениями редакции на тему территориальных устремлений России. Автор довольно объемной статьи начинает с того, что пишет об успешно реализованном Россией замирении Кавказа, после чего переходит к разбору мнений, высказанных в недавно опубликованной работе Р. А. Фадеева «Письма с Кавказа». В качестве отступления стоит заметить, что Ростислав Фадеев сейчас воспринимается как один из наиболее видных геополитиков того времени. В его произведениях, получавших отклик среди современников, неизменно звучала идея, что целью экспансии России должно стать установление военно-политического господства над значительной частью азиатского региона (Кузнецов, 2011: 177–178). Подобные стратегические «мечтания» Фадеева вызвали неприятие редакции «Голоса», которая более трезвой считает оценку журналистов *Times*, что Англия легко бы могла захватить среднеазиат-

ские территории, но не делает этого из-за отсутствия какой-либо выгоды. Аналогичным образом, по мнению автора статьи, должна себя вести и Россия, которой «ни к чему открывать новые “театры действий” в среднеазиатских пустынях»[14].

Очередная статья о Ташкенте была связана с зарубежными публикациями, хотя параллельно «Голос» вступает в перепалку с одним из основных источников своей информации – изданием военного ведомства. Началось все с того, что в европейской прессе появились сведения о том, что русский гарнизон в Ташкенте вырезан неприятелем, в связи с чем редакция «Голоса» обратилась за разъяснениями к *Journal de St.-Petersbourg* и «Русскому инвалиду», – из последнего издания последовал ответ о невозможности опровергать каждую нелепость. Журналист «Голоса» пускается в нравоучения о том, что долг прессы – не замалчивать появление ложных известий, а опровергать их, чтобы пресечь распространение подобных «газетных уток» и в России, и за рубежом. Автор статьи высказывает пожелание официальному органу, каковым выступает «Русский инвалид», приводить «факты, единственно факты»[15]. Заметка ценна тем, что демонстрирует самостоятельность «Голоса» в вопросах подачи информации, поскольку по более ранним публикациям могло сложиться впечатление, что газета лишь воспроизводит материалы официальных изданий, не имея собственной позиции.

Сведения о том, что же происходит в Ташкенте на самом деле, вскоре появились – сначала в «Русском инвалиде», а затем и в «Голосе». В нескольких заметках сообщалось, что в городе совершенный порядок и нет никаких недоразумений[16]. Все эти сведения в разделе «Внутренние новости» печатались первыми, что указывает на интерес, проявляемый к событиям в Туркестане.

Информация иного, скорее аналитического характера содержится в статье, вышедшей в виде комментария к донесениям оренбургского генерал-губернатора. Согласно официальным сведениям, занятие Ташкента было вынужденной мерой, чтобы не допустить подчинения этого торгового города Кокандскому ханству и избавить от грабежей. Далее в донесении говорится, что для утверждения независимости Ташкента требуется временно оставить там русские войска, причем слова «независимое государство» и «временно» специально выделены редакцией курсивом. Наконец, сообщается, что император заявил о намерении сохранить город за его жителями, однако ташкентцы сами обра-

тились с просьбой перейти в подданство Российской империи с условием не взимать новых налогов, не производить призывов в солдаты и не допускать воинских постоев[17]. Давая свой комментарий, газета «Голос» оценивает подобную перспективу однозначно негативно, полагая, что это будет значить для России неминуемую затрату значительных сумм. Большие преимущества автор статьи видит в политике, нацеленной на окружение Российской империи союзом независимых государств, находящихся под ее покровительством[18].

Еще более содержательное освещение ташкентской тематики последовало в номере от 24 ноября (6 декабря) 1865 г., передовица которого была полностью посвящена вопросу принятия города под российское покровительство. Начинается заметка с общих рассуждений о том, что внешняя политика России на Востоке должна определяться государственными возможностями, в первую очередь финансовыми. Газета дает резкую отповедь тем, кто полагает, что налицо потребность расширения пределов страны в Средней Азии. По мнению автора, степные территории, заселенные кочевыми племенами, никакой экономической пользы России не дадут. Он полагает, что даже обладание Ташкентом в финансовом плане невыгодно, а далее переходит к рассуждениям на тему продвижения России в южном направлении: «Раз вступив на путь завоеваний в Средней Азии, мы уже не будем в состоянии остановиться»[19]. Далее с сожалением констатируется, что этот процесс запущен, так что и занятие Ташкента обозначено как «временное», т. е. в кавычках, поскольку русские войска уже закрепились в 30 верстах к югу от него. Говоря об условиях возможного присоединения Ташкента к России, автор статьи образно называет это, наоборот, присоединением России к Ташкенту, с учетом того что Российская империя берет на себя все заботы, а горожане рассчитывают сохранить у себя прежние порядки, включая нормы шариата[20]. Главным фактором вновь оказывается финансовый, а именно: насколько от этого выиграют российские торговые интересы и во сколько владение данным городом обойдется казне.

Реакция на публикацию последовала очень скоро, причем со стороны правительства. 1 декабря газете было сделано первое предостережение за статьи, содержащие «резкие порицания и неприличные суждения о правительственных мероприятиях»[21]. В качестве

основания для подобных заключений указывались несколько публикаций, но поскольку в этом списке передовица «По поводу принятия Ташкента под покровительство России» была самой поздней по времени выхода, то она и стала последней каплей, переполнившей чашу терпения правительства.

Изменение точки зрения редакции «Голоса» на целесообразность присоединения Ташкента к России (1866 г.)

Предостережение возымело действие, и в новогоднем выпуске 1866 г., где подводились итоги закончившегося года, суждения по среднеазиатскому вопросу имеют более сдержанный вид. Газета отмечает, что «дела в Средней Азии приняли <...> весьма решительный и благоприятный для русского оружия характер», поскольку взятие столь многолюдного и богатого города, как Ташкент, организовано «сравнительно ничтожными средствами»[22]. Впрочем, далее осторожно добавляется о желательности извлечь поскорее «более существенную выгоду» из этих завоеваний.

В феврале газета набралась решимости вернуться к данному вопросу, посвятив ему весьма объемную передовицу, причем настрой сменился радикальным образом. В этот раз поводом для обсуждения послужило сообщение Романовского о приобретениях России в Средней Азии, сделанное на заседании Русского географического общества. Нужно сказать, что генерал-майор Д. И. Романовский был значимой фигурой: с 1862 по 1865 г. он занимал пост редактора «Русского инвалида», имел боевой опыт, в том числе на Кавказе, а вскоре после этого выступления был назначен губернатором Туркестанской области. Статья начинается с констатации наличия нескольких точек зрения относительно среднеазиатской кампании 1865 г., причем это прослеживается как в России, так и за рубежом. В российском обществе сложились два крайних подхода к оценке событий: «оптимисты», как их называет газета, радуются приращению могущества империи, а «пессимисты» опасаются того, что новоприобретенные земли потребуют дополнительных расходов и втянут Россию в военные конфликты в этом регионе. Автор заметки полагает, что эти мнения слишком односторонни, чтобы можно было с ними безоговорочно согласиться, и корень проблемы видит в недостатке информации, пополнить которую и должно было сообщение Д. И. Романовского.

Как можно понять из текста, сообщение в основном опиралось на донесения оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, в подчинении которого временно оказалась и новообразованная Туркестанская область. Приводимые в записке Д. И. Романовского оценки и суждения вызвали противоречивую реакцию «Голоса». С одной стороны, газета полностью разделяет аргументацию генералов, объясняющих целесообразность и даже необходимость продвижения России в южном направлении. Ключевыми здесь названы два фактора: закрепление на естественном рубеже, более удобном для обороны, и в этом качестве фигурирует Сырдарья, а также торговые интересы империи. С другой же стороны, журналист решительно не согласен с выводом Д. И. Романовского и Н. А. Крыжановского о том, что теперь требуется утвердить независимость Ташкента, чтобы «доказать азиатским владельцам, что покровительство России во всех случаях обеспечивает наших друзей от нападения и произвола соседей»[23]. В заключительной части статьи с жаром доказываются преимущества присоединения города к Российской империи, тем более что этого просят сами жители. Как считает автор, вывод войск из Ташкента нанесет удар по внешнеполитическому авторитету нашего государства в восприятии восточных народов, а необходимость оказывать дружественному городу постоянную помощь в конечном итоге потребует больше средств, чем содержание гарнизона.

Таким образом, позиция «Голоса» стала диаметрально противоположной тону предыдущих публикаций: если ранее газета отстаивала идею невыгодности включения Ташкента в состав российских владений, теперь яростно высказывается мнение, что только присоединение города отвечает интересам России.

В мартовских выпусках «Голоса» последовала новая информация о Ташкенте, комментарии к которой демонстрируют, что настрой издания действительно изменился. Сначала было рассказано об отмене в городе рабства по инициативе самих жителей[24]: газета оценивает это как первое действие миссии, которая суждена России в отношении населения Азии, хотя раньше высказывались сомнения в самой возможности приблизить восточные народы к свету цивилизации. В следующем номере об освобождении невольников было рассказано более подробно с приведением текстов четырех адресов, поданных горожанами на имя военного губернатора Туркестанской области[25]. Чуть позднее издание сооб-

щило о серебряном щите, преподнесенном ташкентцами генералу Черняеву[26]. Любопытно, что источником информации послужили издававшиеся М. Н. Катковым «Московские ведомости», хотя отношения между газетами были довольно напряженные: их разделяла не только различная политическая направленность (либеральная у «Голоса» и консервативная у «Ведомостей»), но и конкуренция в издательском деле (Перевалова, 2021: 156).

В апреле 1866 г. М. Г. Черняев покинул город, и его заменил назначенный губернатором Туркестанской области Д. И. Романовский, который вскоре после своего приезда организовал рекогносцировку территорий к югу от Ташкента[27]. О ее ходе со ссылками на «Русский инвалид» рассказывалось в «Голосе», и особое внимание было уделено победе над бухарцами в сражении при Иджаре 8 (20) мая[28], а также захвату крепости Нау[29] и города Ходжента[30].

Логика событий, по сути, не оставляла альтернативы включению Ташкента в состав Российской империи: в противном случае все затраченные Россией усилия лишались смысла. Характерно, что и сами ташкентцы еще до формального принятия решения обозначали себя как подданных российского императора[31].

Осенью 1866 г. вопрос с Ташкентом был наконец-то окончательно решен, о чем смогли узнать и читатели «Голоса»: газета посвятила этому событию сразу две статьи номера от 19 (31) октября — небольшую передовицу и более обстоятельное описание, открывавшее раздел внутренних новостей. В самом начале передовицы заявляется, что такой исход событий в редакции издания «предсказывали два года назад» и утверждали, что, «раз вступив на путь завоеваний в Средней Азии, Россия уже не может остановиться до тех пор, пока наше поступательное движение не встретит непреодолимого препятствия или серьезной неудачи»[32]. Не смущаясь тем, что годом ранее издание высказывало совершенно иное мнение по поводу целесообразности расширения владений в этом регионе, автор солидаризируется с позицией «Русского инвалида», что присоединение Ташкента вызвано исключительными обстоятельствами, заставляющими шаг за шагом продвигаться вперед. При этом в «Голосе» выражается надежда, что Россия будет извлекать для себя выгоду от притока новых подданных, и отмечается, что политика, при которой основное бремя государственных налогов ложится на коренное русское население, а инородцы оказываются в привилегированном положении, не достигает своей цели.

Своеобразное подведение итогов, включая реакцию в Европе на включение Ташкента в состав Российской империи, было представлено в передовице номера от 1 (13) ноября 1866 г. Здесь приводятся мнения, высказанные – с известной долей враждебности – в английских и французских газетах по поводу среднеазиатских событий. Далее же редактор «Голоса» рассуждает в геополитическом масштабе: на его взгляд, все идет к разделу стран, лежащих между британской Индией и русскими владениями в Средней Азии, между Россией и Англией[33]. При этом отмечается различие значимости данных территорий для каждой из империй: если многонаселенная Индия приносит метрополии огромные барыши, то России не приходится рассчитывать на доходность новых владений – даже от Ташкента, не говоря уже о степных территориях. Корень проблемы автор видит в организации самой системы управления окраинными землями: он предлагает поставить во главе Туркестанской области лицо, наделенное максимальной властью и в малой степени зависимое от указаний из центра. Также предостерегает он и против оплаты издержек только за счет государственной казны. В итоге высказывается мысль, что среднеазиатские приобретения России не должны стать бременем для метрополии, как не раз происходило в новейшей истории с отдаленными владениями[34].

Выводы

Таким образом, газета «Голос» уделяла среднеазиатскому вопросу достаточно серьезное внимание. Конечно, по остроте и частоте обращений эта тема не может конкурировать, скажем, с польской проблемой, которая была одной из центральных, но все же издание держало своих читателей в курсе происходящего в Ташкенте и высказывало собственные суждения по этому поводу.

Источником информации выступали другие печатные издания, причем наибольшее значение имел «Русский инвалид», что вполне объяснимо: газета военного министерства получала официальные данные из первых рук и – с учетом отдаленности среднеазиатского театра действий и сложностей с оперативной доставкой сообщений – ее положение становилось почти монопольным. Также в статьях присутствуют ссылки на материалы *Journal de St.-Petersbourg*, «Московских ведомостей», «Современной летописи», «Биржевых ведо-

мостей», «Северной звезды» и разных европейских журналов и газет, в первую очередь *Times*. В оценочных суждениях редакция «Голоса» учитывала официальные мнения, исходившие от изданий, напрямую связанных с правительственными ведомствами – МИД и военным министерством, но старалась представить собственную точку зрения, так что автор передовиц нередко вступал в дискуссию с коллегами-журналистами.

Поначалу настрой «Голоса» в отношении определения статуса Ташкента был однозначен: газета выступала за сохранение независимости города, объясняя своим читателям отсутствие выгод для России от присоединения этих земель, и ведущим мотивом была затратность содержания новых владений. На этом основании не раз высказывались резкие замечания в адрес оппонентов, которые, безусловно, воспринимались и как критичные комментарии по поводу проводимой правительством политики. Своеобразным водоразделом послужило сделанное «Голосу» предостережение в конце 1865 г., после чего тон суждений поменялся и редакция стала всецело поддерживать курс на интеграцию Ташкента в состав России, хотя и с оговорками, что система управления должна быть нацелена на обеспечение интересов государства, а не местного населения. По мнению издателя, излишнее великодушие, проявляемое властями по отношению к нерусским народам, не дает эффекта: помимо того, что основные тяготы и повинности ложатся на коренное население русских губерний, инородцы не склонны проявлять ответной благодарности, примером чему является Кавказ. Также проводятся параллели с тем, как Великобритания и Франция используют свои колониальные владения и с какими проблемами эти державы сталкиваются. В конечном итоге газета «Голос» выражает надежду, что опыт позволит избежать ошибок и новоприобретенные среднеазиатские земли окажутся полезны не только для укрепления внешнеполитического авторитета России, но и для извлечения выгод чисто материального характера.

Примечания

[1] *Зотов В. Р.* Нестор русской журналистики // Исторический вестник. Т. XXXVIII. 1889. С. 356.

[2] Геройский подвиг уральских казаков // Голос. 1865. № 27. Янв., 27. С. 2.

[3] Внутренние новости. Сыр-Дарьинская // Голос. 1865. № 48. Февр., 17. С. 2.

[4] О событии в Кокандском ханстве // Голос. 1865. № 145. Май, 28. С. 2.

[5] По поводу толков иностранной журналистики о наших действиях в Средней Азии // Голос. 1865. № 172. Июнь, 24. С. 1.

[6] Там же.

[7] Внутренние новости. Из Оренбурга // Голос. 1865. № 197. Июль, 19. С. 1.

[8] Внутренние новости. Действия в Ташкенте // Голос. 1865. № 198. Июль, 20. С. 3.

[9] Подробности о взятии Ташкента // Голос. 1865. № 227. Авг., 18. С. 3.

[10] По поводу управления Туркестанской областью // Голос. 1865. № 241. Сент., 1. С. 2.

[11] Наши отношения к Средней Азии // Голос. 1865. № 200. Сент.,10. С. 1.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Покорение Кавказа и наши стремления в Среднюю Азию // Голос. 1865. № 259. Сент., 19. С. 2.

[15] «Русский инвалид» и гласность // Голос. 1865. № 277. Окт., 7. С. 1.

[16] Внутренние новости. Известия из Туркестанской области // Голос. 1865. № 293. Окт., 23. С. 3; Внутренние новости. Из Ташкента // Голос. 1865. № 302. Ноябрь, 1. С. 3; Внутренние новости. Известия из Ташкента // Голос. 1865. № 309. Ноябрь, 8. С. 2.

[17] Извлечение из донесений оренбургского генерал-губернатора // Голос. 1865. № 322. Ноябрь, 21. С. 2.

[18] Там же.

[19] По поводу принятия Ташкента под покровительство России // Голос. 1865. № 325. Ноябрь, 24. С. 1.

[20] Там же.

[21] Распоряжение министра внутренних дел // Голос. 1865. № 333. Дек., 2. С. 1.

[22] 1865-й год в России // Голос. 1866. № 1. Янв., 1. С. 2.

[23] Еще вопрос о Ташкенте // Голос. 1866. № 35. Февр., 4. С. 1.

[24] Внутренние новости. Известия из Средней Азии // Голос. 1866. № 71. Март, 12. С. 3.

[25] Внутренние новости. Известия из Ташкента // Голос. 1866. № 72. Март, 13. С. 2–3.

[26] Внутренние новости. Известия из Ташкента // Голос. 1866. № 75. Март, 16. С. 3.

[27] Внутренние новости. Известия из Ташкента // Голос. 1866. № 139. Май, 22. С. 3.

[28] Победа над бухарцами // Голос. 1866. № 146. Май, 29. С. 2; По поводу победы, одержанной генералом Романовским в Средней Азии // Голос. 1866. № 147. Май, 30. С. 2.

[29] Внутренние новости. Известия из Оренбурга (взятие бухарской крепости) // Голос. 1866. № 153. Июнь, 5. С. 3.

[30] Телеграмма о взятии Ходжента // Голос. 1866. № 162. Июнь, 14. С. 2; Сведения о взятии Ходжента // Голос. 1866. № 185. Июль, 7. С. 2-3.

[31] Всеподданнейший адрес жителей города Ташкента // Голос. 1866. № 185. Июль, 7. С. 3.

[32] По поводу присоединения Ташкента к Российской империи // Голос. 1866. № 289. Окт., 19. С. 1.

[33] По поводу толков иностранцев о наших завоеваниях в Средней Азии // Голос. 1866. № 302. Ноябрь, 1. С. 1.

[34] Там же.

Библиография

Балашова К. А. Газета «Голос» как вспомогательный рупор Министерства народного просвещения // Культура России в современном мировом пространстве. М: РУДН, 2022. С. 19–22.

Васильев Д. В. К истории образования Туркестанского генерал-губернаторства (1864–1867 гг.) // Военно-исторический журнал. 2017. № 11. С. 75–81.

Волошина С. М. Власть и журналистика: Николай I, Андрей Краевский и другие. М.: Дело, 2022.

Грибановская А. М. Ежедневная газета в России: организация издания, финансовое положение, правовой статус: 1860-е – начало 1880-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

Громова Л. П. А. А. Краевский – редактор и издатель. СПб.: СПбГУ, 2001.

Есин Б. И. Проблемы методологии и методики изучения местной дореволюционной печати // Местная и национальная печать. Вопросы истории, методологии. Ростов-на-Дону, 1983. С. 29–37.

Зайцева А. А. Газета «Голос» во внутренней политике самодержавия периода буржуазных реформ, 1863–1870 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

Курдин Ю. А., Панов А. Р., Ширинянц А. А. Поездка М. Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.) // Российская история. 2022. № 5. С. 108–116.

Луночкин А. В. Газета «Голос» в общественном движении России 70 – начала 80-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

Луночкин А. В. Национальный вопрос в газете «Голос». 1863–1883 // Вестн. Волгоградск. ун-та. Сер. 4: История, философия. 1997. Вып. 2. С. 32–38.

Луночкин А. В. От сотрудничества к конфронтации: Газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России. Вып. 1. СПб., 2001. С.77–94.

Мамадалиев И. А. Отражение военного положения 1865–1866 гг. на страницах периодической печати // Ученые записки Худжандск. гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Сер. гуманитарно-общественных наук. 2015. № 4 (45). С. 5–11.

Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10. С. 69–92.

Михневич В. О. Пятнадцатилетие газеты «Голос». 1863–1877. Издание редактора газеты А. А. Краевскаго. Спб., 1878.

Олейников Д. И. Андрей Александрович Краевский: «Нужно знать, что думает Россия о своих общественных интересах...» // Российский либерализм: идеи и люди. М.: Новое издательство, 2007. С. 132—137.

Степанов А. Н. Газета А. А. Краевского «Голос» (1863–1883) // Журналистика и литература. М.,1972. С. 138–148.

Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания / под ред. *А. А. Ширинянца*; сост. *Ю. А. Курдин, А. Р. Панов, А. В. Пряников, О. Д. Тальская, А. А. Ширинянц*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018.

Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука, 1989.

Notes

Zotov V. R. (1889) Nestor russkoy zhurnalistiki [Nestor of Russian Journalism]. *Istoricheskiy vestnik*. Vol. XXXVIII.

Geroyskiy podvig ural'skikh kazakov [Heroic Feat of the Ural Cossacks]. *Golos*. 1865. № 27.

Vnutrennie novosti. Syr-Dar'inskaya [Domestic News. Syr Darya]. *Golos*. 1865. № 48.

O sobytii v Kokandskom khanstve [About the Event in the Kokand Khanate]. *Golos*. 1865. № 145.

Po povodu tolkov inostrannoy zhurnalistiki o nashikh deystviyakh v Sredney Azii [Regarding the Talk of Foreign Journalism about Our Actions in Central Asia]. *Golos*. 1865. № 172.

Vnutrennie novosti. Iz Orenburga [Domestic News. From Orenburg]. *Golos*. 1865. № 197.

Vnutrennie novosti. Deystviya v Tashkente [Domestic news. Actions in Tashkent]. *Golos*. 1865. № 198.

Podrobnosti o vzyatii Tashkenta [Details on the capture of Tashkent]. *Golos*. 1865. № 227.

Po povodu upravleniya Turkestanskoy oblast'yu [Regarding the governance of the Turkestan region]. *Golos*. 1865. № 241.

Nashi otnosheniya k Sredney Azii [Our relations with Central Asia]. *Golos*. 1865. № 200.

Pokorenie Kavkaza i nashi stremleniya v Srednyuyu Aziyu [The conquest of the Caucasus and our aspirations for Central Asia]. *Golos*. 1865. № 259.

«Russkiy invalid» i glasnost' ["The Russian Invalid" and Glasnost]. *Golos*. 1865. № 277.

Vnutrennie novosti. Izvestiya iz Turkestanskoy oblasti [Domestic news. News from the Turkestan Region]. *Golos*. 1865. № 293.

Vnutrennie novosti. Iz Tashkenta [Domestic news. From Tashkent]. *Golos*. 1865. № 302.

Vnutrennie novosti. Izvestiya iz Tashkenta [Domestic news. News from Tashkent]. *Golos*. 1865. № 309.

Izvlechenie iz doneseniy orenburgskogo general-gubernatora [Extract from the reports of the Orenburg Governor-General]. *Golos*. 1865. № 322.

Po povodu prinyatiya Tashkenta pod pokrovitel'stvo Rossii [Regarding the acceptance of Tashkent under the patronage of Russia]. *Golos*. 1865. № 325.

Rasporyazhenie ministra vnutrennikh del [Order of the Minister of Internal Affairs]. *Golos*. 1865. № 333.

1865-y god v Rossii [The year 1865 in Russia]. *Golos*. 1866. № 1.

Eshche vopros o Tashkente [Another question about Tashkent]. *Golos*. 1866. № 35.

Vnutrennie novosti. Izvestiya iz Sredney Azii [Domestic news. News from Central Asia]. *Golos*. 1866. № 71.

Vnutrennie novosti. Izvestiya iz Tashkenta [Domestic news. News from Tashkent]. *Golos*. 1866. № 72.

Vnutrennie novosti. Izvestiya iz Tashkenta [Domestic news. News from Tashkent]. *Golos*. 1866. № 75.

Vnutrennie novosti. Izvestiya iz Tashkenta [Domestic news. News from Tashkent]. *Golos*. 1866. № 139.

Pobeda nad bukhartsami [Victory over the Bukharans]. Golos. 1866. № 146.

Po povodu pobedy, oderzhannoy generalom Romanovskim v Sredney Azii [On the occasion of the victory won by General Romanovsky in Central Asia]. *Golos*. 1866. № 147.

Vnutrennie novosti. Izvestiya iz Orenburga (vzyatie bukharskoy kreposti) [Domestic news. News from Orenburg (the capture of the Bukhara fortress)]. *Golos*. 1866. № 153.

Telegramma o vzyatii Khodzhenta [Telegram on the capture of Khujand]. *Golos*. 1866. № 162.

Svedeniya o vzyatii Khodzhenta [Information on the capture of Khujand]. *Golos*. 1866. № 185.

Vsepoddanneyshiy adres zhiteley goroda Tashkenta [The most humble address of the residents of the city of Tashkent]. *Golos*. 1866. № 185.

Po povodu prisoedineniya Tashkenta k Rossiyskoy imperii [Regarding the annexation of Tashkent to the Russian Empire]. *Golos*. 1866. № 289.

Po povodu tolkov inostrantsev o nashikh zavoevaniyakh v Sredney Azii [Regarding the talk of foreigners about our conquests in Central Asia]. *Golos*. 1866. № 302.

References

Balashova K. A. (2022) Gazeta «Golos» kak vspomogatel'nyy rupor Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [The newspaper "Golos" as an auxiliary mouthpiece of the Ministry of Public Education]. *Kul'tura Rossii v sovremennom mirovom prostranstve*. Moscow: RUDN Publ. Pp. 19–22. (In Russian)

Vasil'ev D. V. (2017) K istorii obrazovaniya Turkestanskogo general-gubernatorstva (1864–1867 gg.) [On the history of the formation of the Turkestan Governorate-General (1864-1867)]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal* 11: 75–81. (In Russian)

Voloshina S. M. (2022) *Vlast' i zhurnalistika: Nikolay I, Andrey Kraevskiy i drugie* [Power and Journalism: Nicholas I, Andrei Kraevsky and Others]. Moscow: Delo Publ. (In Russian)

Esin B. I. (1983) Problemy metodologii i metodiki izucheniya mestnoy dorevolyutsionnoy pechati [Problems of methodology and methods of studying the local pre-revolutionary press]. *Mestnaya i natsional'naya pechat'. Voprosy istorii, metodologii*. Rostov-on-Don. Pp. 29–37. (In Russian)

Gribanovskaya A. M. (2017) *Ezhednevnaya gazeta v Rossii: organizatsiya izdaniya, finansovoe polozhenie, pravovoy status: 1860-e – nachalo 1880-kh gg.* [Daily newspaper in Russia: organization of publication, financial situation, legal status: 1860s – early 1880s.]. PhD thesis. Moscow. (In Russian)

Gromova L. P. (2001) *A. A. Kraevskiy – redaktor i izdatel'* [A. A. Kraevsky – editor and publisher]. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russian)

Zaytseva A. A. (1982) *Gazeta «Golos» vo vnutrenney politike samoderzhaviya perioda burzhuaznykh reform, 1863–1870 gg.:* avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [The newspaper "Golos" in the domestic policy of the autocracy during the period of bourgeois reforms, 1863–1870: abstract of doct. hist. sci. diss.]. Moscow. (In Russian)

Kurdin Yu. A., Panov A. R., Shirinyants A. A. (2022) Poezdka M. G. Chernyaeva po Evrope posle serbsko-turetskoy voyny (konets 1876 – nachalo 1877 g.) [M. G. Chernyaev's trip to Europe after the Serbian-Turkish war (late 1876 – early 1877)]. *Rossiyskaya istoriya* 5: 108–116. (In Russian)

Lunochkin A. V. (1995) *Gazeta «Golos» v obshchestvennom dvizhenii Rossii 70 – nachala 80-kh gg. XIX v.:* avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [The newspaper "Golos" in the social movement of Russia in the 70s – early 80s of the XIX century: abstract of doct. hist. sci. diss.]. St. Petersburg. (In Russian)

Lunochkin A. V. (1997) Natsional'nyy vopros v gazete «Golos». 1863–1883 [The national question in the newspaper "Golos". 1863–1883]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 4: istoriya, filosofiya* 2: 32–38. (In Russian)

Lunochkin A. V. (2001) Ot sotrudnichestva k konfrontatsii: Gazeta «Golos» i tsenzura (1863–1883) [From cooperation to confrontation: The newspaper "Golos" and censorship (1863–1883)]. *Tsenzura v Rossii. St. Petersburg*. Vyp. 1. Pp.77–94. (In Russian)

Mamadaliev I. A. (2015) Otrazhenie voennogo polozheniya 1865–1866 gg. na stranitsakh periodicheskoy pechati [Reflection of martial law 1865–1866 on the pages of periodicals]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk* 4 (45): 5–11. (In Russian)

Masov R., Dubovitskiy V. (2014) Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii: sobytiya cherez prizmu trekh vekov [The accession of Central Asia to Russia: events through the prism of three centuries]. *Rossiya i musul'manskiy mir* 10: 69–92. (In Russian)

Mikhnevich V. O. (1878) *Pyatnadtsatiletie gazety «Golos». 1863–1877. Izdanie redaktora gazety A. A. Kraevskago* [Fifteenth anniversary of the newspaper "Voice". 1863–1877. Edition of the editor of the newspaper A. A. Kraevsky]. St. Petersburg. (In Russian)

Oleynikov D. I. (2007) Andrey Aleksandrovich Kraevskiy: «Nuzhno znat', chto dumaet Rossiya o svoikh obshchestvennykh interesakh...» [Andrei Aleksandrovich Kraevsky: "We need to know what Russia thinks about its public interests..."]. *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi* [Russian liberalism: ideas and people]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. Pp. 132—137. (In Russian)

Stepanov A. N. (1972) Gazeta A. A. Kraevskogo «Golos» (1863–1883) [Newspaper of A. A. Kraevsky “Golos” (1863–1883)]. *Zhurnalistika i literature* [Journalism and literature]. Moscow. Pp. 138–148. (In Russian)

Chernyaev M. G. (2018) *Stat’i, pis’ma, vospominaniya* [Articles, letters, memories]. A. A. Shirinyants (ed.). Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Chernukha V. G. (1989) *Pravitel’stvennaya politika v otnoshenii pechati 60–70-e gody XIX veka* [Government policy regarding the press in the 60–70s of the 19th century]. Leningrad: Nauka. (In Russian)

Поступила в редакцию
29.02.2024

ЭССЕ

Лазутина Галина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры цифровой журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: galvik34@mail.ru, ORCID 0000-0002-8652-984X

МЕДИАВЕДЕНИЕ КАК СФЕРА НАУКИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается проблема формирования терминологического аппарата и предметной области медиаведения как новой сферы науки. Сегодняшняя ситуация в медиалингвистике характеризуется высокой степенью терминологической неопределенности, обусловленной произвольностью словоупотребления широких масс пользоваателей, получивших доступ в интернет-пространство. Автором определяются признаки медиаиндустрии как полиструктурной системы, ставшей для медиаведения предметом изучения, и устанавливаются исследовательские зоны, соответствующие структурным ее слоям. Завершающие статью выводы предлагаются автором как основа концепции медиаведения – научной области, состоящей по меньшей мере из десяти относительно самостоятельных зон, каждая из которых нуждается в диахроническом изучении, а также в обсуждении ключевых постулатов и терминов.

***Ключевые слова**: конвергенция, коммуникации, медиа, медиаиндустрия, медиаведение, деятельность, медиаконтент.*

Как цитировать: *Лазутина Г. В.* Медиаведение как сфера науки: к определению границ предмета исследований // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 92–106. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.92106

Galina V. Lazutina, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher at the Chair of Periodical Press, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: galvik34@mail.ru, ORCID 0000-0002-8652-984X

MEDIA RESEARCH AS A FIELD OF SCIENCE: DEFINE THE BOUNDARIES OF THE SUBJECT OF RESEARCH

The article examines the current problem associated with the formation of the terminological apparatus and subject area of media studies as a new field of science. Here we examine the situation in media linguistics, which is characterized by a high degree of uncertainty caused by the increased arbitrariness of word usage due to the wide access of the population to the Internet space, which has opened up for the modern person. The author of the article sees the possibility of resolving this problem

in a thorough study of the basic concepts of media studies and those factors that form the subject of study of this field of science. There are two main sections of the article. chapters, one of which analyzes the key terms of this field of science, the other examines the factors shaping its subject area and identifies areas to be studied. The main research tool is a table with the help of which the characteristics of the media industry as a polystructural system, which has become the subject of study for media studies, are determined and research zones are established. corresponding to certain structural layers of the media industry. The article concludes with conclusions proposed by the author as the basis of the concept of media studies – a scientific field consisting of at least ten relatively independent areas of study, each of which requires consideration of its past, present and future, as well as a discussion of key postulates and terms.

***Key words**: convergence, media communications, media industry, media studies, activity, media content.*

To cite this article: Luzutina G. V. (2024) Mediavedenie kak sfera nauki: k opredeleniyu granits predmeta issledovaniy [Media research as a field of science: define the boundaries of the subject of research]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 4*: 92–106. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.92106

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.92106

Введение

Сегодня, в условиях цифровизации, когда отчетливо проявились конвергентные тенденции к трансформации многих сфер научного знания, остро встал вопрос о границах предметной области той или иной науки, претендующей на самоопределение. Одной из таких проблемных зон оказалось медиаведение – молодая отрасль знания, заявившая о себе в России в эпоху, когда технологическая революция вынесла в центр общественного внимания понятие «новые медиа» и тем усложнила задачи научного объяснения происходящих процессов.

Это юное дитя Интернета сразу стало менять положение дел и вокруг журналистики, и вокруг многих других областей деятельности. Общество по-новому осознало, насколько велика роль информационного сопровождения человеческой жизни, которым инициируется взаимодействие всех общественных сил, всех общественных структур. Вместе с тем новые медиа выступили фактором, затруднившим этот процесс, да и все происходящее в отечественной коммуникации. Предлагаемая статья ставит своей целью обратить внимание научной общественности на неопределенность в терминологическом оснащении эпистемы[1], характеризующей

сегодняшний уровень развития научной мысли в нашей стране и в информационном сопровождении всех жизненных процессов в целом, – неопределенность, которая может стать угрозой для поисков надежного знания в области гуманитарных наук.

Причиной этой терминологической неопределенности явилась высокая мера стихийности в словоупотреблении, обозначившаяся как естественное следствие – с появлением виртуальной среды – доступности интернет-пространства для любого человека в любой момент. Необходимость упорядочить терминологический аппарат в формирующихся сферах знания, обнаружившая себя давно, превратилась в насущное требование сегодняшнего дня.

Конкретные задачи данной статьи состоят в том, чтобы снять противоречия, возникающие в понимании существа изучаемых наукой феноменов, поскольку она постоянно сталкивается с произвольным обозначением сути их проявлений. Решение проблемы автор видит в тщательном выявлении смысла основных понятий информационной сферы, разработке соответствующих определений и формировании глоссария, который помог бы нормализовать терминологический аппарат и упорядочить словоупотребление, по крайней мере, в пространстве социальных отношений, связанных с научной коммуникацией.

Ключевые понятия темы

Сегодня список понятий, которые характеризуют сферу информационного сопровождения общественной жизни, представляется правомерным начинать с термина *media*. Пришедшее в русскую речь из глубокой древности, это слово стало опорным для сегодняшнего русскоязычного научного дискурса (Кирия, Новикова, 2017).

В англоязычном словоупотреблении понятие *media*, корни которого уходят еще в античность[2], было ходовым и многозначным. Однако русский перевод первоначально донес до нас наиболее распространенный вариант смысла: медиа – это средства передачи информации, обмена ею в условиях массовой коммуникации. Закрепилось же значение этого слова в русском языке в термине «средства массовой информации» – СМИ (Вартанова, 2019). Некоторая неточность обозначилась сразу, поскольку понятия «массовая информация» и «информирование» – не одно и то же.

Первое говорит о предназначенности сообщений, а второе – об их цели, и это делает их неравнозначными. Поступая к человеку, информационные сигналы, в том числе и природные, обрабатываются психикой. Их функционал уточняется, обогащается, они прирастают значениями, обретают статус информационного продукта, полученного благодаря целенаправленной активности человека (Анохин, 1962: 97). Поэтому английское *media* русскоязычному человеку следовало бы понимать точнее: «средства информирования масс», то есть связи с массами при помощи информационных продуктов. Иначе говоря – средства массовой коммуникации, средства общения. Однако понятие «средства массовой информации» пришло в русскую речь именно в таком виде и надолго утвердилось в научной лексике, став как будто бы общепонятным: СМИ – это периодическая печать, радио, телевидение и вот теперь еще Интернет...

Только язык тем и примечателен, что он – явление живое и самовластное. Он движется, пополняется, совмещая в этом движении организованные и стихийные процессы. В 1960-х гг. канадский исследователь М. Маклюэн выступил с идеей понимания медиа как способа расширения возможностей человека, опосредующих его бытие в этом мире с помощью сообщений разного характера, разного уровня (2003). Результатом для многих оказалось расширение их сознания: взгляды людей показывают, что их представления обогащаются новыми значениями понятия «медиа». К моменту рубежной встречи XX и XXI вв. это понятие даже в английском звучании стало привычно многозначным и для российского человека. С ним теперь уверенно связаны многие значения медиа, которые вошли в употребление: средства информирования; средства массовой информации; средства массовой коммуникации; журналистика как профессиональная деятельность, направленная на создание контента для массовой аудитории; медиасистема как комплекс национальных организаций и предприятий, занятых производством и распространением продукции для массовой коммуникации и так далее. Медиа интуитивно стали пониматься людьми как совокупность различных средств, в том числе разных видов деятельности, знаковых сообщений, даже предметов, когда они оказываются необходимы для связи между людьми – для взаимопонимания и взаимодействия человека с обществом.

При этом экспансия медиа как термина не пошла на спад. Более того, она обрела неожиданный ракурс. Интернет, как известно, принес с собой информационно-коммуникационные технологии, которые резко обогатили возможности медиа как эффективного средства взаимодействия. Проявлений таких перемен оказалось много: стал максимально удобным для потребителя доступ к медиа; обнаружились небывалые скорости распространения контента; уменьшилось значение расстояний между материками и странами, сблизившее народы; стало легче преодолевать языковые барьеры. Тогда и родился термин «новые медиа», акцентирующий столь необычайные преимущества (Рогалева, Шкайдерова, 2015).

Это событие явилось фактором, существенно изменившим ход общественной жизни в разных ее областях. И не удивительно, что обнаруженный людьми богатый смысл нового термина скоро стал проявлять свой словообразующий потенциал: медиа обозначились в языках разных народов как первая часть целого ряда сложных слов, востребованных в пространстве социальной коммуникации для обозначения новых явлений и новых объектов.

В числе таких сложных слов оказалось и понятие «медиаиндустрия», которому выпало объединить большую часть смыслов медиа и тем самым превратить обозначаемые ими феномены в масштабную конвергентную систему, имеющую важнейшее социальное предназначение (Вартанова, 2018 (а)). Рефлексия общества не сразу смогла отразить в полном объеме конкретные цели возникающей новой системы. Чтобы это произошло, должны были проявиться очевидные эффекты от ее функционирования. И эффекты стали проявляться.

В принципе термин «индустрия» человечество освоило давно. Уже в древности латинское слово *industrius* употреблялось в значении «усердный, деятельный», а *industria* – «деятельность, активность». В новые европейские языки оно вошло уже со значением «промышленность», жизнь привнесла в понятие деятельности дополнительный смысл: активность человека получила усиление с помощью механизмов, машин, помогавших формированию предметного мира. Началась индустриальная эра: в XIX в. материальное производство с помощью техники приобрело фабрично-заводской характер и широкий размах.

Однако на горизонте уже маячили новые изменения: XX в. дал человечеству возможность применять технику, в том числе машин-

ную, и для создания нового в сфере информационных продуктов. Объединив человеческие ресурсы с усилиями производственных организаций и технических средств, наша цивилизация вступила в период, который впоследствии ученые назвали «постиндустриальным обществом» (Домакур, 2015). Главное средство производства в этот период академик В. И. Вернадский обозначил так: «Новая геологическая сила – научная мысль социального человечества» (2013: 7). Фактически эта его констатация может рассматриваться как эпохальное открытие одной из главных особенностей человеческого общества – способности человека к опережающему отражению действительности, способности человеческой психики к созданию нового как мысленного образа, дающего начало преобразовательной деятельности людей – «социального человечества», по выражению В. И. Вернадского.

Осмысление данного обстоятельства в момент конвергентных преобразований в обществе оказалось в высшей степени актуальным. Начавшийся в этот период процесс формирования медиаиндустрии не завершился до сих пор. Ему еще предстоит продолжаться, уточняя и обогащая для участников действа представления о текущих и предстоящих модификациях (Вартанова, 2019). Но в любом случае реальность и значимость возникшего образования уже не подлежит сомнению. В настоящее время медиаиндустрия отчетливо осознается людьми как масштабная конвергентная система, которая возникла в структуре общества в качестве самостоятельной отрасли хозяйствования, потому что в ней проявились настоятельные потребности общественного организма. Состоят эти потребности в бесперебойном обеспечении человечества необходимыми средствами социальной коммуникации, обеспечивающими информационное взаимопонимание и взаимодействие членов общества.

Структурные уровни медиаиндустрии и состав ее компонентов обусловлены соответствующим составом потребностей и восходят к прошлому опыту их удовлетворения. Однако в новых условиях они существенно преобразуют этот опыт, изменяя принципы взаимодействия и тем самым заметно трансформируя характер связи. Мы помним, что еще совсем недавно печать, радио и телевидение существовали как самостоятельные СМИ с разными носителями информации, разными знаковыми системами, разными ограничениями, размещались в разных архитектурных сооружениях и обеспечивали свои материальные нужды за счет собственной

финансовой политики. А сегодня едва ли не каждая региональная медиасистема, с жизнью которой вы захотите познакомиться, предстанет перед вами как мини-модель медиаиндустрии (Вартанова, 2018 (б)). В этой «модели», размещаемой под одной крышей, нетрудно разглядеть и типы целевой направленности отраслевых задач, определяющих финансовые потоки и движение информации; и разновидности деятельности, вовлеченной в движение информации; и типы организаций, выступающих как субъекты информационно-коммуникационного процесса; и виды информационных продуктов, непосредственно вызывающих импульсы взаимодействия с людьми – и смыслового, и эмоционального, и финансового.

Эти компоненты не просто узнаваемы. Они претендуют на осмысление всех аспектов медиаиндустрии, нуждаются в освоении смыслов и выявлении возможностей развития. Иначе говоря, они требуют от людей не обычной рефлексии, но рефлексии теоретической – концептуального обоснования, инициирующего дальнейшее движение научной мысли. Это обстоятельство и сделало неизбежным факт возникновения медиаведения – сферы научного знания, в фокус которой попало изучение особенностей медиаиндустрии (Костякова, 2012). Эти особенности и легли в основу понимания функционала медиаведения, который стал заявлять о себе почти одновременно с признанием роли медиаиндустрии в жизни общества.

Однако глубинный социальный смысл новой сферы знания открылся людям не сразу. На первых порах массовому сознанию общества были представлены зафиксированные медиаведением результаты коммерческой составляющей медийного участия в информационных процессах, ставшие возможными в условиях информационного рынка (Красноярова, 2006).

Должно было пройти определенное время, прежде чем в общественном мнении начала проявляться новая точка зрения. Согласно ей, задачи медиаведения не ограничиваются поисками путей увеличения финансового благосостояния человека и общества с помощью креативных индустрий, но обусловлены необходимостью знать и понимать закономерности тех видов деятельности (в том числе экономической), которые входят в медиаиндустрию, образуя сложный механизм ее функционирования, направленного на последовательное превращение информационных сигналов в медиапродукты для массовой аудитории, направляемые в систему

массовой коммуникации. От того, как идет данный процесс, инициируемый закономерностями того или иного вида деятельности, зависит успех дела, т. е. качество работы медиаиндустрии, которым во многом обусловлен жизненный тонус общества и жизненный настрой человека.

Таким образом, именно необходимость знать закономерности, определяющие функционирование медиаиндустрии, предопределяет сверхзадачу медиаведения как научной дисциплины – гарантировать обществу обеспечение средствами массовой коммуникации, которые способны связывать людей в единый социальный организм, сообщая устойчивость и надежность его функционированию. Поэтому крайне важно выяснить, из каких именно составляющих складывается предмет изучения медиаведения, какие зоны исследования входят в его предметную область, установить, чем определяются его границы, каковы взаимосвязи частей, как их взаимодействие влияет на функционирование медиаиндустрии. Этот широкий круг задач предстоит решать науке о медиа, по мере того как предмет ее будет осознаваться во всей своей сложности и полноте.

Предметная область медиаведения: основные зоны изучения

Медиаиндустрия как самостоятельная отрасль хозяйствования была рождена потребностями общественного организма в момент, когда ответ на них уже стал проявляться в функционировании СМИ, повторяясь в тех или иных видах деятельности. Надежным средством повышения эффективности предприятий стала конвергенция – объединение предприятий, имеющих сходные цели и похожие способы их осуществления.

По такому пути пошли и службы средств массовой информации России, когда выявилось, что и в федеральном центре, и в регионах на медиарынке фигурируют однотипные СМИ. Возникла тенденция к сближению их и в центре, и на местах – начался процесс слияния предприятий, сопровождаемый их преобразованием (Смирнов, 2014).

Реальностью российской коммуникационной трансформации стало появление крупных предпринимательских медиаобъединений. Несмотря на их разные характеристики, особенности организационной структуры и состава учреждений, которые они собрали под свое крыло, де-факто их функционирование стало склады-

ваться по одному типу. И те, что именуются медиахолдингами, и те, что позиционируют себя как медиагруппы, опираются на один и тот же механизм хозяйствования (Смирнов, 2020). Он ориентирован на реализацию общих целей, а главными его звеньями являются производство, распределение и потребление массовой информации. Под такими наименованиями эти типы активности вошли в научный дискурс еще в давние времена и продержались до сегодняшнего дня, пережив длительный период общественного разделения труда, включивший в себя отделение умственного труда от физического, специализацию по видам деятельности, отделение профессионального труда от любительского, творческого от репродуктивного (Горнова, 2021: 24).

Когда жизнь потребовала кооперации трудового участия для решения текущих задач, практика хозяйствования и ее осмысление столкнулись с необходимостью уточнить и цели, и названия основных звеньев хозяйственного механизма, причем как в отдельных социальных сферах, так и в обществе в целом. В XX и XXI вв. в научной литературе все чаще стала появляться, наряду с триадой «производство – распределение – потребление», другая формула – «производство – распространение – использование».

Перед исследователями медиа естественным образом встала задача осмыслить, конкретизировать и обосновать складывающуюся традицию уточненного обозначения слагаемых функционирования медиаиндустрии. Иначе говоря, в повестке дня обозначилась целесообразность представить работу медиаиндустрии как механизма, действующего на основе объединения его составных частей под новыми наименованиями – медиапроизводство, медиараспространение и медиаиспользование. Этот подход к рассмотрению строения хозяйственного механизма медиаиндустрии мы сочли возможным использовать и при выявлении основных зон предметной области медиаведения.

Поскольку медиаиндустрия есть объективное явление, которое представлено совокупностью организаций, учреждений и производственных предприятий, осуществляющих общие цели при помощи разнообразного инструментария, у нас достаточно оснований считать ее сложной системой, имеющей многоуровневую структуру. Такая полиструктурность позволяет рассматривать каждый структурный уровень системы как относительно самостоятельную зону исследования. В соответствии с этим, мы сочли возможным разработать модель предметной области медиаведения на

основе выявления структурных уровней медиаиндустрии, взяв за критерий для их определения целевую направленность последовательно возникающих перед предприятием задач и функционал исполнителей[3], необходимых для решения этих задач. В результате удалось построить таблицу, позволяющую сделать очевидным тот факт, что структурные уровни медиаиндустрии правомерно рассматривать как зоны изучения, входящие в предметную область медиаведения (см. табл. 1).

Таблица 1

Выявление основных зон исследования в предметной области медиаведения

Признаки и основные черты структурных уровней медиаиндустрии			**Зоны медиаведческих исследований**
Целевая ориентация	**Исполнители функционала**	**Структурный уровень**	
Организация и поддержание стабильной работы предприятия	Менеджмент, руководство подразделений предприятия	Целостность предприятия как полиструктурной системы	Закономерности медиаиндустрии как целостной системы
Становление и развитие механизма функционирования предприятия	Менеджмент, руководители основных отделов	Структура функционирования рабочего механизма	Закономерности функционирования рабочего механизма
Развитие нужных для отрасли типов деятельности	Творческие отделы, службы экономики, дистрибуции, медиарынок	Типы деятельности, входящие в рабочий механизм предприятия	Типы деятельности и ее способы, создающие рабочий механизм
Производство ориентирующего (новостного) контента (КОР)	Отделы новостной журналистики	Виды и жанры деятельности, создающей новостной контент	Закономерности создания новостей, форматы и жанры
Производство развивающего контента (КРАЗ)	Отделы журналистики, рекламы, связи с общественностью	Виды и жанры деятельности, создающей КРАЗ	Закономерности создания КРАЗ, форматы и жанры
Производство релаксивного контента (КРЕЛ)	Отделы игр, музыкально-песенного и литературного творчества	Виды и жанры деятельности, создающей КРЕЛ	Развлекательный сервис: закономерности и форматы
Распространение контента	Службы Интернета, дистрибуции и маркетинга, медиарынок	Сетевая структура распространения (каналы, платформы, социальные сети)	Особенности магистралей распространения медиаконтента

Окончание таблицы 1

Хранение накопленного контента	Службы хранения медиаконтента	Типы и виды хранилищ информации	Закономерности хранения информации
Использование накопленного контента	Службы систематизации контента, медиааудитория	Систематизация контента и виды практики медиапользования	Аудитория как субъект использования контента
Оптимизация инфраструктуры М/И как фактор развития	Менеджмент, руководители инфраструктурных подразделений	Рейтинг эффективности инфраструктурных подразделений	Инфраструктура как фактор оптимизации функционирования М/И

Как видно из таблицы 1, предметная область медиаведения складывается не произвольно. Она формируется в ответ на потребности медиаиндустрии в постоянной оптимизации ее функционирования за счет развития элементов, составляющих ее структурные уровни. Получается, что потенциал развития медиаиндустрии зависит, прежде всего, от двух обстоятельств: во-первых, от наличия внутренних ресурсов для развития элементов; во-вторых, от видения руководством предприятия тех проблем, которые тормозят данный процесс. Оба эти обстоятельства с определенностью указывают на необходимость знать и понимать, чем они обусловлены и как могут быть разрешены. Иначе говоря, в этих обстоятельствах проявляется потребность медиаиндустрии как системы в теоретической рефлексии и прогностических рекомендациях для оптимизации дальнейшего функционирования, т. е. для развития. Это и становится целью медиаведения, определяющего сегодня предметную область своих исследований. Можно утверждать, что на сегодняшний день в границы ее входят десять относительно самостоятельных зон и число их обещает расширяться по мере проникновения научной мысли в более глубокие структурные пласты. Но это уже забота программирования медиаведения на последующих этапах его становления как самостоятельной сферы науки.

Заключение

В итоге проделанной работы выявились следующие результаты:

1. Предназначением медиаведения, по выводам нашего исследования, является постоянное изучение и оптимизация, совершенствование медиаиндустрии как отрасли народного хозяйства,

которая обеспечивает человечество средствами медиакоммуникации, необходимыми для взаимопонимания и взаимодействия членов общества. Медиаведение – это сфера знания, ориентированная на изучение и развитие тех видов деятельности, которые опосредуют механизмы функционирования медиаиндустрии и выступают как структурные уровни системы ее коммуникационных средств.

2. Как самостоятельная сфера науки медиаведение сформировалось в результате развития теоретических представлений о журналистике в широком смысле, понимаемом как оперативное отражение действительности на очевидном и неочевидном уровнях. В условиях интернетизации общества возникает возможность обобщения разных знаковых систем, применяемых для производства информационных продуктов, и это кардинальным образом изменяет технологии работы с информацией. Создается возможность систематизировать перерабатываемые информационные сигналы как три разновидности контента для массовой коммуникации в соответствии с запросами аудитории. Эти три разновидности имеют разное назначение: КОР – контент ориентирующий (новостной), КРАЗ – контент развивающий, КРЕЛ – контент релаксивный (развлекательный). Различия между ними пока в подробностях не описаны, но интуитивно угадываются практически любым грамотным человеком. Спонтанно вместо понятий «производство – распределение – потребление» в научное употребление начинают входить понятия «производство – распространение – использование».

3. Результатом данного технологического «переоснащения» явилась трансформация производства, распространения и использования массовой информации как контента трех типов, обусловленная изменением способа тех видов деятельности, которые и осуществляют функционирование медиаиндустрии. Структура этих видов деятельности и тем более ее способы, за исключением ранее устоявшихся, на данный момент не имеют полного описания, убедительного системного осмысления, концептуально обоснованных моделей, прошедших практическую проверку. Доминирующей тенденцией в медиаведении пока остается выбор исследовательских стратегий, основанный на предшествующем опыте освоения медиаотрасли, без достаточного учета ее нового состояния. В силу этого преимущественный интерес исследователей концентрируется либо на тех аспектах медиаиндустрии, кото-

рые и раньше были в центре внимания, либо на тех, которые связаны с коммерческими перспективами отрасли, что чревато неравновесным изучением разных аспектов функционирования медиаиндустрии. В этой связи приобретает большую важность перечень основных исследовательских зон, входящих в границы предмета изучения медиаведения, и опыт разработки глоссария ключевых понятий медиаведения, предлагаемый в данной статье как материал к дискуссии.

Примечания

[1] *Шнайдер У.-Й.* Эпистема. Режим доступа: https://gtmarket.ru/concepts/7118 (дата обращения: 05.06.2024).

[2] Понятие «медиа» происходит от латинского *medium* – посредник. Под данным термином имеется в виду прежде всего сам носитель сообщения, приобретший символическую форму (более подробно см.: *Кирия И. В., Новикова А. А.* История и теория медиа. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. С. 26).

[3] Функционал – здесь совокупность функций, исполнители которых обеспечивают системе достижение необходимого результата ее функционирования (системный подход).

Библиография

Анохин П. К. Опережающие отражение действительности // Вопросы философии. 1962. № 7. С. 97–111.

Вартанова Е. Л. (а) Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 186–196.

Вартанова Е. Л. (б) О теоретической актуальности понятия «медиасистема» // Меди@льманах. 2018. № 4. С. 8–12.

Вартанова Е. Л. Теория медиа. Отечественный дискурс. М.: Фак. журн. МГУ: Изд-во Моск. ун-та, 2019.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // *Вернадский В. И.* Собр. соч. в 24 т. Т. 10. М.: Наука, 2013.

Горнова Г. В. Культурные смыслы цикла «производство – потребление» // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2021. № 4 (33). С. 20–24.

Домакур О. В. Постиндустриальное общество: структура, признаки, механизм и закономерности формирования // Экономическая наука сегодня. 2015. № 4. С. 39–47.

Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017.

Костякова Ю. Б. Медиаистория: от понимания к определению сути и понятия // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3. С. 118–122.

Красноярова О. В. Коммерциализация СМИ и изменения информационной среды // Известия Байкальск. гос. ун-та. 2006. № 2. С. 106–112.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. *В. Г. Николаева*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.

Рогалева О. С., Шкайдерова Т. В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестн. Омск. ун-та. 2015. № 1. С. 222–225.

Смирнов С. С. Медиахолдинги России: национальный опыт концентрации СМИ. М.: МедиаМир, 2014.

Смирнов С. С. Феномены «медиахолдинг» и «медиагруппа» в России: проблема неопределенности правового статуса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 6. С. 23–40.

Notes

Schneider U.-J. Jepistema. Available at: https://gtmarket.ru/concepts/7118 (accessed: 05.06.2024).

References

Anokhin P. K. (1962) Operezhayushhie otrazhenie deystvitel'nosti [An anticipatory reflection of reality]. *Voprosy filosofii* 7: 97–111. (In Russian)

Domakur O. V. (2015) Postindustrial'noe obshhestvo: struktura, priznaki, mehanizm i zakonomernosti formirovaniya [Post-industrial society: structure, signs, mechanism and patterns of formation]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya* 4: 39–47. (In Russian)

Gornova G. V. (2021) Kul'turnye smysly tsikla «proizvodstvo – potreblenie» [Cultural meanings of the production–consumption cycle]. *Vestn. Omsk. gos. ped. un-ta. Gumanitarnye issledovaniya* 4 (33): 20–24. (In Russian)

Kiriya I. V., Novikova A. A. (2017) *Istoriya i teoriya media* [History and theory of media]. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Kostyakova Ju. B. (2012) Mediaistoriya: ot ponimaniya k opredeleniyu suti i ponyatiya [Media history: from understanding to defining the essence and concept]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie* 3: 118–122. (In Russian)

Krasnoyarova O. V. (2006) Kommertsializatsiya SMI i izmeneniya informatsionnoy sredy [Commercialization of mass media and changes in the information environment]. *Izvestiya Baykal'sk. gos. un-ta* 2: 106–112. (In Russian)

McLuhan M. (2003) Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: External Human Extensions] / translated from English by V. G. Nikolaev. Moscow: KANON-press-C Publ.; Zhukovsky: Kuchkovo pole Publ. (In Russian)

Rogaleva O. S., Shkayderova T. V. (2015) Novye media: evolyutsiya ponyatiya (analiticheskiy obzor) [New Media: the evolution of the concept (analytical review)]. *Vestn. Omsk. un-ta* 1: 222–225. (In Russian)

Smirnov S. S. (2014) Mediaholdingi Rossii: natsional'nyy opyt kontsentratsii SMI [Russian Media Holdings: national experience of media concentration]. Moscow: MediaMir Publ. (In Russian)

Smirnov S. S. (2020) Fenomeny «mediaholding» i «mediagruppa» v Rossii: problema neopredelennosti pravovogo statusa [The phenomena of "media holding" and "media group" in Russia: the problem of legal status uncertainty]. *Vestn. Moskovsk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 6: 23–40. (In Russian)

Vartanova E. L. (2019) *Teoriya media. Otechestvennyy diskurs* [Media theory. Domestic discourse]. Moscow: Faculty of Journalism Moscow St. Univ. Publ.: Lomonosov Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Vartanova E. L. (a) (2018) Menyayushchayasya rossiyskaya mediaindustriya: teoreticheskie podhody [The Changing Russian Media Industry: theoretical approaches]. *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Yazyk i literatura* 15 (2): 186–196. (In Russian)

Vartanova E. L. (b) (2018) O teoreticheskoy aktual'nosti ponyatiya «media-sistema» [On the theoretical relevance of the concept of "media system"]. *Medi@l'manah* 4: 8–12. (In Russian)

Vernadskiy V. I. (2013) Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Vernadskiy V. I. *Sobr. soch*. in 24 vol. Vol. 10. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
07.06.2024

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Резаев Андрей Владимирович, доктор философских наук, приглашенный профессор факультета социологии, университет Рикёй, г. Токио, Япония; e-mail: rezaev@hotmail.com, ORCID 0000-0002-3918-835X

Трегубова Наталья Дамировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: n.tregubova@spbu.ru, ORCID 0000-0003-3259-5566

БЛЕСК И НИЩЕТА ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ (РАЗМЫШЛЯЯ О КНИГЕ ЕЛЕНЫ ЭСПОЗИТО *“ARTIFICIAL COMMUNICATION: HOW ALGORITHMS PRODUCE SOCIAL INTELLIGENCE”*)

В настоящем эссе авторы размышляют о возможностях осмысления в терминах коммуникации тех процессов, которые связаны с вхождением в жизнь общества технологий искусственного интеллекта (ИИ). Поводом к написанию эссе стала недавно опубликованная монография Елены Эспозито, ученицы Никласа Лумана, которая предлагает и развивает концепцию «искусственной коммуникации». Авторы стремятся обосновать два тезиса. Во-первых, применение Эспозито теории Лумана к анализу взаимодействий между людьми и алгоритмами в современном обществе является наиболее успешной попыткой подобного анализа в рамках исследований коммуникации. Во-вторых, выбранный концептуальный аппарат определяет ограничения позиции Эспозито, которые состоят в неспособности в полной мере уяснить и осмыслить различия между человеком и алгоритмом. Эти ограничения преодолеваются в других социально-психологических и социологических концепциях, с которыми сопоставляется концепция искусственной коммуникации.

***Ключевые слова**: искусственная коммуникация, теория коммуникации, Елена Эспозито, Никлас Луман, искусственный интеллект.*

Как цитировать: *Резаев А. В., Трегубова Н. Д.* Блеск и нищета теории коммуникации в эпоху искусственной социальности (Размышляя о книге Елены Эспозито “Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence”) // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 4. С. 107–119. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.107119

Andrey V. Rezaev, Prof. Dr. habil., Visiting Professor, College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan; e-mail: rezaev@hotmail.com, ORCID 0000-0002-3918-835X

Natalia D. Tregubova, PhD in Sociology, Associate Professor, Chair of Comparative Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: n.tregubova@spbu.ru, ORCID 0000-0003-3259-5566

GLORY AND MISERY OF COMMUNICATION THEORY AT THE AGE OF ARTIFICIAL SOCIALITY (REFLECTING ON ELENA ESPOSITO'S BOOK "ARTIFICIAL COMMUNICATION: HOW ALGORITHMS PRODUCE SOCIAL INTELLIGENCE")

In this essay, the authors reflect on the possibility of comprehending the advancement of artificial intelligence (AI) technologies in society through the prism of communication theories. The starting point for their considerations is the recently published monograph by Niklas Luhmann's student Elena Esposito, who proposes and develops the concept of artificial communication. The authors of the essay seek to substantiate two theses. First, Esposito's application of Luhmann's theory to analyzing interactions between humans and algorithms in contemporary society is the most successful attempt within communication studies. Second, Esposito's position's limitations arise from the chosen conceptual apparatus, making it challenging to grasp human-algorithm distinctions. By comparing artificial communication to other socio-psychological and sociological concepts, the authors attempt to surpass these limitations.

***Key words**: artificial communication, communication theory, Elena Esposito, Niklas Luhmann, artificial intelligence.*

To cite this article: Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2024) Blesk i nishcheta teorii kommunikatsii v epokhu iskusstvennoy sotsial'nosti (Razmyshlyaya o knige Eleny Espozito "Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence") [Glory and misery of communication theory at the age of artificial sociality (Reflecting on Elena Esposito's book "Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence")]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 4*: 107–119. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.107119

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.107119

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их вхождение в жизнь людей поражает воображение современного человека. Наиболее ярким примером последних лет стали генераторы текстов и изображений, которые в режиме реального времени поддерживают диалог и выполняют задачи, которые еще 5–7 лет казались немыслимыми и недоступными. Становится все

труднее отрицать то колоссальное влияние, которое ИИ оказывает на социальную жизнь: на рынок труда и характер занятости, организацию рабочего и свободного времени, решение инструментальных задач и социальное общение.

Целевая ориентация нашего эссе состоит в том, чтобы в самом общем виде определить возможность того, как социальные ученые могут понять и объяснить те изменения, которые приносят в нашу жизнь инструменты ИИ. Нас будут интересовать эвристические возможности и ограничения теории коммуникации в сравнении с другими направлениями и линиями аргументации. Эти возможности и ограничения будут рассматриваться на материале конкретного исследования, представленного в недавно опубликованной монографии европейского социолога Елены Эспозито *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*[1]. Мы выделим ключевые моменты аргументации, укажем на достоинства и недостатки монографии, а затем соотнесем ее содержание с другими исследовательскими традициями, указывая на «блеск» и одновременно – «нищету» теорий коммуникации для понимания включения агентов ИИ в жизнь общества.

Итак, в 2022 г. в издательстве Массачусетского технологического университета была издана книга, название которой можно перевести на русский язык как: «Искусственная коммуникация: как алгоритмы производят социальный интеллект». Название книги интригует любознательного, но не погруженного в проблему читателя: что такое «искусственная коммуникация»? Как коммуникация может быть искусственной? Как она может не быть таковой, если коммуникация использует искусственные (созданные человеком) средства? Способны ли алгоритмы производить интеллект? Тем более интеллект социальный?

Имя автора, напротив, вызовет интерес у узких специалистов. Елена Эспозито – профессор социологии Болонского и Билефельдского университетов, ученица Никласа Лумана. Лумановскую теорию социальных систем – одну из самых масштабных социологических теорий XX в. – она применяет к анализу распространения технологий ИИ и их влияния на современное общество[2].

Наконец, бренд *The MIT Press* привлечет внимание тех, кто интересуется развитием технологических инноваций, в том числе – ИИ. В этом издательстве выходили и продолжают выходить монографии, ключевые для осмысления новых технологий, их динамики,

свойств и влияния на жизнь людей (Collins, 1990; Dreyfus, 1992; Turkle, 2005).

Итак, европейский социолог, основываясь на «большой» теории, выпускает в американском издательстве книгу об «искусственной коммуникации». Это очень достойная книга, которая заслуживает встать в один ряд с классическими трудами по философии и социальной критике ИИ.

Первое достоинство монографии: автор ставит «правильный» вопрос в отношении технологий ИИ: каким образом технологии ИИ воспроизводят человеческую социальность? Социальность же рассматривается в категориях коммуникации: «Что мы увидим, что не увидим, а что увидим по-другому, если посмотрим на деятельность алгоритмов как на коммуникацию, а не как на интеллект?» (Esposito, 2022: xii).

Почему, для кого и в каком смысле этот вопрос «правильный»? Первые создатели того, что они сами – и мы вслед за ними – именуем «искусственным интеллектом», ставили себе цель «догнать и перегнать», воспроизвести и превзойти человеческие способности. Изначально ИИ задумывался как то, что имитирует интеллект: как человек думает, решает задачи, воспринимает окружающий мир. Получилось ли это? И да, и нет. Да, если мы смотрим на решение задач в узких областях (как то: игра в шахматы, распознавание лиц, построение маршрута поездки). Нет, если мы спрашиваем о том, может ли один агент ИИ решать разного рода задачи (как это делает человек), получается ли научить ИИ на немногих примерах (как учится человек), обладает ли ИИ здравым смыслом (хотя бы в той мере, в какой им обладает не очень здравомыслящий человек). Иными словами, ИИ решает отдельные узкие задачи (чем уже – тем лучше), но человека в целом воспроизвести не получается.

Здесь и возникает подозрение: вопрос «Как воспроизвести интеллект?» не правильный, он ставит ложные цели и задает ложные критерии оценки. Современные технологии ИИ используют лишь некоторые принципы человеческого мышления, точнее сказать – вдохновляются ими. Причем разные типы технологий вдохновляются разными принципами. Скажем, то, что называли «символическим ИИ», подражает способности людей рассуждать в рамках формальной логики. А то, что именуют «искусственными нейронными сетями», воспроизводит некоторые свойства связей между нейронами головного мозга.

Итак, что именно воспроизводят современные технологии ИИ, если не интеллект? Эспозито предлагает следующий ответ: многие современные технологии ИИ («алгоритмы», как она их называет) воспроизводят коммуникацию. Как именно они это делают? Что мы понимаем под «коммуникацией»? И как вхождение алгоритмов в жизнь общества меняет эту жизнь? Обсуждению данных вопросов и посвящена монография Эспозито.

Второе достоинство монографии состоит в том, что автор рассматривает весьма широкий круг тем: от вопросов высокой теории до таких явлений, как визуализация данных, персонализация рекламы, предсказательные алгоритмы. Во введении и первой главе автор раскрывает идею «искусственной коммуникации», чтобы в последующих шести главах применить ее к конкретным примерам использования новых технологий. Через все изложение красной нитью проходит мысль: люди и алгоритмы не похожи друг на друга, они по-разному «мыслят» (работают с данными), по-разному хранят и забывают информацию, имеют разные возможности и ограничения в коммуникации.

Первая глава представляет наибольший интерес с точки зрения социальной теории. Эспозито утверждает: если мы переключаем внимание с интеллекта на коммуникацию, мы должны начать задавать вопросы не об индивидах, а о том, что происходит *между* ними. «То, что происходит при взаимодействии с алгоритмами в сети – это “коммуникация” или нам нужно новое понятие? Имеет ли смысл говорить о коммуникации, когда с данными работает машина, которая не понимает содержание коммуникации? Вступают ли пользователи веб-сервисов в коммуникацию, и если да, то с кем? Ответы на эти вопросы зависят от принятой концепции коммуникации: она должна быть достаточно мощной, чтобы охватить взаимодействия с машинами» (Esposito, 2022: 6).

В качестве такой концепции выступает теория социальных систем Никласа Лумана. Само противопоставление интеллекта и коммуникации, с которого начинает Эспозито, соответствует лумановскому разделению между психическими системами (сознанием) и социальными системами (коммуникацией). В теории Лумана индивиды понимаются как внешняя среда по отношению к обществу, которое основано на коммуникации. Коммуникация не может существовать без людей, но сам характер и динамика коммуникации прямо не зависят от сознания: нельзя сообщить другому свои мысли и чувства непосредственно, это можно делать толь-

ко в обществе с помощью языка. Более того, коммуникация начинается не там, где кто-то что-то сообщает, а там, где кто-то воспринимает нечто как сообщение. Если я что-то сказала, а это никто не услышал, коммуникация не состоялась; если кому-то показалось, что я что-то ему сказала (даже если я этого не говорила), – коммуникация есть.

С точки зрения осмысления работы алгоритмов ИИ, преимущество теории Лумана в том, что она не требует от них способности мыслить и понимать. Чтобы поддерживать коммуникацию, достаточно производить данные, которые воспринимаются людьми как сообщение – как нечто осмысленное и адресованное им. Еще одно важное свойство коммуникации состоит в том, что каждый раз ее содержание могло бы быть другим. В этом смысле часы, например, не вступают в коммуникацию, хотя предоставляют информацию, а онлайн-поисковик – вступает. Это так, потому что часы должны каждый раз показывать правильное время, если они показывают что-то иное, значит, они сломаны. Поисковик же в ответ на сформулированный в разное время разными людьми запрос выдает разную информацию, которая будет более или менее уместной, но ее нельзя назвать правильной или неправильной[3].

Итак, новые технологии имитируют способность людей к коммуникации. Как они это делают? Такие технологии «паразитируют» на объемах данных, которые создаются за счет активности пользователей в сети Интернет: алгоритмы используют данные для создания того, что воспринимается как сообщения. Например, онлайн-поисковики обрабатывают данные поисковых запросов миллионов пользователей, которые затем используются, чтобы выдать информацию на очередной индивидуальный запрос. По похожим принципам работают алгоритмы перевода, распознавания изображений, генерации текстов. Эспозито описывает данные процессы и характеристики в терминах лумановской теории коммуникации – настолько просто, насколько это возможно[4].

Конкретные сюжеты, на которых останавливается Эспозито, также представляют интерес. Почему список (топ 5/10/100 самых лучших/худших...) становится столь популярным жанром презентации информации в онлайн-среде? Как «забыть» информацию в Интернете, если ее не получается уничтожить? Чем современные предсказания ИИ похожи на античные гадания и чем отличаются от предсказательной статистики? Как визуализировать «большие данные», чтобы извлечь из них хоть какой-то смысл? Вот вовсе

не полный список вопросов, которые рассматриваются в монографии. В их обсуждении и анализе автор дополняет общую перспективу, которую задает лумановская теория, наблюдениями и выводами из более широкого поля исследований медиа и коммуникации. Так, обсуждая списки, она ссылается на Умберто Эко, обсуждая презентацию себя другим в Интернете, – на Ирвинга Гофмана.

В выводах Эспозито возвращается к вопросу, поставленному во введении: как концепция искусственной коммуникации меняет наш взгляд на деятельность алгоритмов ИИ? В качестве примера проблемы, которая упраздняется данной концепцией, автор приводит тест Тьюринга, направленный на определение того, кто перед тобой – человек или компьютер (Esposito, 2022: 108). Эспозито замечает: сегодня для пользователя часто не имеет значения, с кем или с чем происходит коммуникация, важно лишь, чтобы она была содержательной. Примером проблемы, которая переформулируется, выступает пристрастность (*bias*) алгоритмов (Esposito, 2022: 108–109). С точки зрения теории коммуникации, вопрос не в том, какие ценности вкладывают разработчики в свои создания, – вопрос в том, как, несмотря на желание создателей вложить «правильные» ценности, алгоритмы учатся человеческим ошибкам и стереотипам на искаженных данных, что затем отражается в коммуникации. Наконец, в качестве проблемы, которую концепция искусственной социальности позволяет сформулировать, выступает задача объяснить решения, вынесенные роботом-судьей (Esposito, 2022: 109–110). Проблема здесь не в том, чтобы полностью реконструировать логику принятия решения алгоритмом, а в том, чтобы представить ее в форме, которая может быть интерпретирована людьми в рамках существующей юридической практики.

Наконец, монография написана увлекательно, легко и понятно – при том что излагает она весьма непростые вещи.

Итак, три достоинства монографии Эспозито – это нетривиальная и теоретически обоснованная постановка вопроса, богатое содержание и доступный стиль изложения. Причем последние два работают на первое: как бы ни были интересны отдельные сюжеты, без единого теоретического каркаса они «повисают в воздухе».

Основная ценность книги заключается в том, что она раскрывает потенциал теории коммуникации в ее лумановской версии для анализа вхождения технологий ИИ в жизнь людей. Автор раз за разом показывает: алгоритмы не думают, не понимают, работа-

ют не с информацией, но с данными; люди думают, понимают, осмысляют данные и получают информацию. Взаимодействие между теми и другими составляет концептуальную и практическую проблему, которая по-разному выглядит и по-разному решается в разных ситуациях. По сути, Эспозито в терминах «искусственной коммуникации» описывает возникающую взаимозависимость между человеком и алгоритмом и ставит проблему создания человеко-ориентированного ИИ (*human-centered AI*).

При этом во многих случаях, когда можно было бы уйти в философский анализ, Эспозито этого не делает. Многие вещи лишь подразумеваются (например, синонимичность сознания и интеллекта, «алгоритмов» и технологий ИИ). Это скорее преимущество, чем недостаток книги: читатель додумывает, как бы видит сквозь текст, – такой прием подачи информации интересен и с точки зрения коммуникации. Отсутствие явного философствования, однако, не мешает автору выстроить онтологию алгоритмов, определяя их отличия от людей в таких категориях, как коммуникация и смысл, информация и данные, фантазия и память.

Вместе с тем монография Эспозито относится к тому типу книг, недостатки которых являются оборотной стороной их достоинств. Легкости изложения соответствует некоторое упрощение материала. Разнообразию эмпирических сюжетов – довольно слабая связь между ними. «Правильной» постановке вопроса – ограничения самой теории коммуникации, в рамках которой этот вопрос рассматривается. На последнем мы и остановимся.

Здесь уместно задать два вопроса: как книга Эспозито соотносится с другими работами по исследованию коммуникации, посвященными технологиям ИИ? И какие иные подходы к пониманию «социальности» ИИ существуют?

Отвечая на первый вопрос, отметим: концепция Эспозито является, на наш взгляд, наиболее перспективной среди исследований технологий ИИ в терминах коммуникации (подобно тому, как теория Лумана является наиболее масштабной и значимой теорией коммуникации в социальных науках). Прежде всего, интерес исследователей коммуникации редко обращается именно к технологиям ИИ – скорее, их интересуют новые свойства онлайн-среды[5]. Для тех, кого интересует собственно ИИ, исследовательский фокус не может быть четко определен из-за слабости теории. Исследования коммуникации в социальных науках характеризуются набором разрозненных подходов, где сам термин может означать

почти все, что угодно исследователю (Резаев, Трегубова, 2019). Подобный недостаток проявляется, например, в статье Андреа Гузман и Сета Льюиса (Guzman, Lewis, 2020): авторы утверждают, что появление ИИ должно изменить исследования коммуникации, но из-за отсутствия ясной теоретической позиции авторам не удается показать, что нового вносят в коммуникацию (и в ее исследования) технологии ИИ и в каких терминах мы могли бы эту новизну зафиксировать. Более того, авторы сводят вопрос о специфике ИИ к вопросу о восприятии этих технологий. В этом отношении концепция искусственной коммуникации обладает явным преимуществом, так как четко определяет: прежние технологии лишь предоставляли информацию, алгоритмы ИИ способны вступать в коммуникацию (в лумановском понимании), что предполагает и восприятие людьми алгоритмов в качестве коммуникативных партнеров, и многие другие аспекты.

Однако та самая четкость фокуса, которая делает исследование Эспозито лучшим среди исследований коммуникации, определяет и его ограничения. Некоторые вопросы (как отмечает сама Эспозито) концепция искусственной коммуникации поставить не в состоянии. Например, автор пишет: для многих взаимодействий в Сети не важно, кто твой коммуникативный партнер – бот или человек, поэтому сама проблема различения между ними уже не важна. Однако очевидно, что есть ситуации, когда важно, кто именно, алгоритм или человек, пишет сообщение, ставит лайк, делает репост. Иными словами, не вся социальность сводится к коммуникации в лумановском смысле[6]. И здесь возникает следующий вопрос: как еще можно осмыслять то, как технологии ИИ имитируют человеческую социальность?

Данный вопрос представляет особый интерес для двух направлений социальных исследований. Первое – это психологически-ориентированный анализ очеловечивания новых технологий. Пионером здесь является Шерри Теркл, которая замечает: компьютеры в целом и агенты ИИ в частности вызывают у людей интерес и побуждают ставить вопросы о том, кто мы такие и чем мы от них отличаемся, если они могут делать те же вещи, что и мы (Turkle, 2005). Непривычные, человекоподобные свойства новых технологий определяют их особый статус как участников социальных взаимодействий – особый в том смысле, что сам факт их участия меняет динамику взаимодействий.

Второе направление – это исследования повседневности в рамках этнометодологии, конверсационного анализа, символического интеракционизма, где внимание исследователей сосредотачивается на характеристиках ситуаций взаимодействия, в которых участвуют агенты ИИ. Оказывается, что технологии ИИ – весьма «глупые», если оценивать их способность ориентироваться в повседневной жизни, ибо ситуации взаимодействия с ними требуют постоянных «починок» и исправлений, которые люди совершают, сами того не замечая. Данный тезис применительно к более простым технологиям раскрыт в исследованиях Люси Сачмен (2019), в отношении искусственного интеллекта – сформулирован Гарри Коллинзом (Collins, 2018).

Если сравнивать концепцию «искусственной коммуникации» с выделенными направлениями, мы видим, что она занимает промежуточное положение в рамках социальной теории. С одной стороны, она признает и даже подчеркивает различия между человеком и ИИ – в отличие, например, от представителей акторно-сетевой теории и примыкающих к ним исследователей науки и технологий (Woolgar, 1985). С другой стороны, концепция Эспозито предполагает, что в конкретных социальных взаимодействиях данные различия оказываются не важны – в этом, собственно, и заключается идея «искусственной коммуникации». В отличие от этого, в психологически- и микросоциологически-ориентированном анализе взаимодействий между людьми и ИИ оказываются важны и сущностные различия между взаимодействующими, и то, как они влияют на ход взаимодействий.

Почему так? Для Эспозито, как было отмечено выше, разделение между интеллектом и социальностью (сознанием и коммуникацией) вытекает из ее теоретических предпосылок. Однако даже у животных формы социальной организации и свойства интеллекта связаны очень тесно (Midgley, 2002). Именно эту связь с разных сторон и пытаются ухватить психологи и микросоциологи: первые – как склонность людей к одушевлению машин, вторые – как способность моментально реагировать на динамику социальных взаимодействий, которая есть у человека, но отсутствует у ИИ. Таким образом, указание на социальный интеллект в названии монографии Эспозито оказывается обманчивым: как раз им концепция искусственной коммуникации не интересуется.

Подводя итоги, следует говорить о том, что эвристический потенциал концепции «искусственной коммуникации» весьма велик,

однако он ограничивается теми ситуациями взаимодействия, где разница между человеком и ИИ не имеет принципиального значения. Иными словами, «искусственная коммуникация» – лишь часть «искусственной социальности» (Резаев, Трегубова, 2018), значительная и важная, но лишь часть. Исследование Эспозито позволяет увидеть возможности распространения новых технологий, но вряд ли поможет понять, какие запреты следовало бы наложить на использование ИИ. Монография характеризует многие, но не все проблемы (исследовательские и практические), которые приносит развитие технологий ИИ. Она позволяет проанализировать многие, но не все ситуации взаимодействия с алгоритмами ИИ. В этом автор повторяет блестящие успехи и грандиозные упущения теории коммуникации в анализе человеческого общения.

Примечания

[1] Монография находится в открытом доступе на сайте издательства. Режим доступа: https://direct.mit.edu/books/oa-monograph/5338/Artificial-CommunicationHow-Algorithms-Produce (дата обращения: 12.04.2014).

[2] В частности, Эспозито руководит исследовательским проектом о социальных последствиях использования алгоритмов в медицине, страховании, государственном управлении. Режим доступа: https://cordis.europa.eu/project/id/833749 (дата обращения: 12.04.2014).

[3] Заметим, что, согласно теории Лумана, коммуникация не может происходить между двумя алгоритмами: нужен хотя бы один человек, который воспринимает нечто как сообщение. А вот источником сообщения вполне может быть алгоритм. В этом отличие от теорий коммуникации в компьютерных науках, где коммуникация понимается как обмен информацией, которую можно формализовать и измерить.

[4] Простота, однако, имеет оборотную сторону: некоторые важные для теории детали оказываются утрачены. Так, в книге опущено различие между виртуальной контингентностью и двойной контингентностью, которое было сформулировано в более ранней статье автора (Esposito, 2017).

[5] Показательным примером здесь будет: Floridi, 2015.

[6] В прошлых публикациях мы детально рассматривали, что в человеческом общении в целом и в онлайн-взаимодействиях в частности теория Лумана может понять и ухватить, что – не может (Резаев, Трегубова, 2015; 2018).

Библиография

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Коммуникация и общение в системной теории Никласа Лумана // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 152–159.

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? //

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 1. С. 25–45. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 4. С. 5—21.

Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек–машина. М.: Элементарные формы, 2019.

Collins H. (1990) *Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Systems*. Cambridge, MA: MIT Press.

Collins H. (2018) *Artifictional Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers*. Madford, MA: Polity Press.

Dreyfus H. (1992) *What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. Cambridge, MA: MIT Press.

Esposito E. (2017) Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms. *Zeitschrift für Soziologie* 46 (4): 249–265. DOI: 10.1515/zfsoz-2017-1014

Esposito E. (2022) A*rtificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Floridi L. (ed.) (2015) *The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era*. Cham: Springer.

Guzman A. L., Lewis S. C. (2020) Artificial intelligence and communication: A Human–Machine Communication research agenda. *New Media & Society* 22 (1): 70–86. DOI: 10.1177/1461444819858691

Midgley M. (2002) *Beast and Man. The Roots of Human Nature*. London: Routledge.

Turkle S. (2005) *The Second Self: Computers and the Human Spirit* (20th anniversary ed.). Cambridge, MA: MIT Press.

Woolgar S. (1985) Why not a Sociology of Machines? The Case of Sociology and Artificial Intelligence. *Sociology* 4: 557–572 DOI: 10.1177/0038038585019004005

Notes

Available at: https://direct.mit.edu/books/oa-monograph/5338/Artificial-CommunicationHow-Algorithms-Produce (accessed 12.04.2014).

Available at: https://cordis.europa.eu/project/id/833749 (accessed 12.04.2014).

References

Collins H. (1990) *Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Systems*. Cambridge, MA: MIT Press.

Collins H. (2018) *Artifictional Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers*. Madford, MA: Polity Press.

Dreyfus H. (1992) *What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. Cambridge, MA: MIT Press.

Esposito E. (2017) Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms. *Zeitschrift f r Soziologie* 46 (4): 249—265. DOI: 10.1515/zfsoz-2017-1014

Esposito E. (2022) A*rtificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Floridi L. (ed.) (2015) *The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era*. Cham: Springer.

Guzman, A. L., Lewis, S. C. (2020) Artificial intelligence and communication: A Human–Machine Communication research agenda. *New Media & Society* 22 (1): 70–86. DOI: 10.1177/1461444819858691

Midgley M. (2002) *Beast and Man. The Roots of Human Nature*. London: Routledge.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2015) Kommunikatsiya i obshchenie v sistemnoy teorii Niklasa Lumana [Communication and social intercourse in Niklas Luhmann's system theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 11: 152–159. (In Russian)

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2018) Evristicheskie vozmozhnosti i predely sistemnoy teorii Niklasa Lumana v issledovanii onlayn-vzaimodeystviy [An explorative potential and limits of N. Luhmann's systems theory for studying interplay Online]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn* 3 (4): 5–21. (In Russian)

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019) Novye media i «umnye veshchi»: kak novye tekhnologii aktualiziruyut razlichie mezhdu obshcheniem i kommunikatsiey? [New Media and 'Smart Things': How Do New Technologies Objectify the Distinction Between 'Social Intercourse' and 'Communication'?] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 1: 25–45. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545 (In Russian)

Suchman L. (2019) *Rekonfiguratsii otnosheniy chelovek-mashina* [Human-machine reconfigurations]. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian)

Turkle S. (2005) *The Second Self: Computers and the Human Spirit* (20th anniversary ed.). Cambridge, MA: MIT Press.

Woolgar S. (1985) Why not a Sociology of Machines? The Case of Sociology and Artificial Intelligence. *Sociology* 4: 557–572 DOI: 10.1177/0038038585019004005

Поступила в редакцию
13.04.2024

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.